2р

1

Н. Бржескій.

ОЧЕРКИ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1902.

ОЧЕРКИ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Государственные долги Россіи. Историко-статистическое изслѣдованіе, удостоенное Императорскимъ С.-Петербургскимъ университетомъ преміи Топчибашева. С.-Петербургъ, 1884.

Податная реформа. Французскія теоріи XVIII столѣтія. С.-Петербургъ, 1888.

Круговая порука сельскихъ обществъ. Соображенія редакціонныхъ коммисій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 годъ. С.-Петербургъ, 1896.

Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Историко-критическій обзоръ дѣйствующаго законодательства, въ связи съ практикою крестьянскаго податного дѣла. С.-Петербургъ, 1897.

Общинный бытъ и хозяйственная необезпеченность крестьянъ. (По поводу предстоящаго пересмотра крестьянскихъ положеній). С.-Петербургъ, 1899.

ОЧЕРКИ
ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА
КРЕСТЬЯНЪ.

Изслѣдованіе
Николая Бржескаго
Доктора финансоваго права.

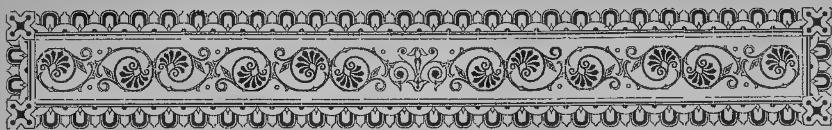
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1902.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

Оглавленіе.

Современный уровень хозяйственнаго быта нашей крестьянской массы представляется результатомъ взаимодѣйствія многихъ сложныхъ причинъ. Въ ряду этихъ послѣднихъ особенное вниманіе изслѣдователей съ давнихъ поръ было обращено на недостаточность надѣловъ, тяжесть податныхъ платежей и несовершенство порядковъ, усвоенныхъ практикою взиманія податей и взысканія недоимокъ. Вопросы эти подверглись серьезной литературной разработкѣ и вызвали цѣлый рядъ законодательныхъ мѣропріятій, благодаря которымъ открыта была сельскому населенію возможность расширить размѣры земельнаго владѣнія, облегчилась податная тягота, лежавшая на крестьянствѣ, а дѣло взиманія податей и взысканія недоимокъ поставлено на закономѣрныя основанія.

Однако, по мѣрѣ того, какъ исподоволь разрѣшались и входили въ жизнь вышеуказанныя законодательныя мѣропріятія, все очевиднѣе становилась недостаточность ихъ для сколько нибудь существеннаго экономическаго, какъ и культурнаго подъема нашего сельскаго населенія. Развивающаяся и усложняющаяся народная жизнь предъявляла все новые запросы; съ особенною силою стала чувствоваться потребность въ установленіи опредѣленныхъ юридическихъ нормъ для разрѣшенія семейныхъ и имущественныхъ правоотношеній въ сельской средѣ. Опубликованные за послѣднее время оффиціальные и другіе матеріалы, положенные въ основу настоящей работы, служатъ яркимъ подтвержденіемъ тѣхъ крайне ненормальныхъ условій, уже обратившихъ на себя вниманіе правительства [1]), въ которыя поставлена современная частно-

---

[1]) См. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте о государственной росписи на 1899 годъ.

правовая жизнь русскаго крестьянина. Очевидно, такимъ образомъ, что вопросъ объ упорядоченіи современнаго юридическаго быта нашего сельскаго населенія составляетъ основную законодательную задачу ближайшаго времени. Осуществленіе этой трудной задачи, нѣтъ сомнѣнія, должно идти рука объ руку съ пересмотромъ нашего десятаго тома свода законовъ, начала котораго давно уже отжили свое время. Такой пересмотръ, какъ извѣстно, поставленъ правительствомъ на очередь. Въ будущемъ гражданскомъ уложеніи, надо надѣяться, найдетъ для себя мѣсто все то, что мы, по нашимъ современнымъ воззрѣніямъ, считаемъ справедливымъ и гуманнымъ; а такъ какъ въ области права не существуетъ особой мѣрки гуманнаго и справедливаго для крестьянъ и для всѣхъ другихъ сословій, то, очевидно, нѣтъ и не должно быть принципіальныхъ затрудненій къ распространенію началъ общегражданскаго закона и на крестьянъ.

Такая реформа имѣла бы огромное культурное значеніе. Она внесла бы ясность и опредѣленность въ гражданскія правоотношенія крестьянъ между собою и въ сношенія ихъ съ лицами, принадлежащими къ другимъ сословіямъ; обезпечила бы миръ крестьянскимъ семьямъ и пріобщила бы все сельское населеніе къ гражданско-правовой жизни другихъ сословій въ государствѣ, устраняя необходимость въ наличности особаго крестьянскаго суда и устанавливая равенство всѣхъ передъ закономъ. Такая реформа, обезпечивая сельскому населенію полную опредѣленность и устойчивость личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ правъ, способствовала бы и подъему народнаго благосостоянія.

Нижеслѣдующіе очерки современнаго юридическаго быта крестьянъ (опеки, наслѣдованіе и семейные раздѣлы), по мѣрѣ ихъ составленія, печатались въ „Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи“; въ настоящемъ изданіи они являются въ исправленномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Крестьянскія опеки.

I.

Вопросъ о преобразованіи нашего опекунскаго дѣла, проникнутаго сословнымъ началомъ и несоотвѣтствующаго современнымъ условіямъ хозяйственнаго быта, давно уже поставленъ у насъ на очередь и настоятельно ждетъ своего разрѣшенія. Нигдѣ, однако, потребность въ огражденіи личныхъ и имущественныхъ интересовъ сиротъ не сказывается съ большею силою, какъ въ средѣ нашего крестьянства.

Въ дореформенную эпоху существовали у насъ устроенныя и постоянно дѣйствовавшія опекунскія учрежденія для государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и колонистовъ; кромѣ того, особый надзоръ мѣстной власти былъ установленъ по опекамъ надъ малолѣтними дѣтьми мастеровъ на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ. У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ устройство опекунскаго надзора за малолѣтними и ихъ имуществомъ зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика.

Съ освобожденіемъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, вопросъ объ устройствѣ у нихъ опекунскаго дѣла остался открытымъ. Въ общемъ положеніи о крестьянахъ нѣтъ ни особаго учрежденія опекъ, ни правилъ относительно продолженія и прекращенія опекунскаго надзора; только въ пунктѣ 4 статьи 51 этого положенія содержится краткая оговорка о томъ, что къ вѣдѣнію сельскаго схода отнесено „назначеніе опекуновъ и попечителей, повѣрка ихъ дѣйствій“. Такимъ образомъ, открытъ былъ широкій просторъ дѣйствію обычая и, еще чаще, благоусмотрѣнію должностныхъ лицъ и органовъ крестьянскаго самоуправленія. Съ распространеніемъ узаконеній 1861 г. на крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ и заводскихъ, у нихъ утратили силу прежнія положенія объ опекахъ и не были замѣнены никакими новыми по этому предмету правилами.

Въ виду крайней недостаточности и неопредѣленности содержащагося въ общемъ положеніи постановленія объ опекахъ, подъ вліяніемъ нарождающихся потребностей жизни, явились съ теченіемъ времени нѣкоторыя дополнительныя по этому предмету законода-

тельныя опредѣленія и руководящія разъясненія правительствующаго сената. Главнѣйшія основанія опекунскаго дѣла у крестьянъ, съ точки зрѣнія означенныхъ узаконеній и сенатскихъ разъясненій, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ возлагается на обязанность сельскихъ обществъ. Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій во всѣхъ этого рода дѣлахъ, крестьяне руководствуются своими мѣстными обычаями. Примѣненіе ст. 256 законовъ гражданскихъ [1]), при назначеніи опекуновъ сельскими обществами, не представляется обязательнымъ для этихъ послѣднихъ; вслѣдствіе чего нарушеніе сельскими обществами преподанныхъ въ упомянутомъ законѣ указаній не можетъ вызвать отвѣтственности ихъ предъ наслѣдниками умершаго крестьянина за причиненный опекунами вредъ. Назначеніе опекуна къ имуществу малолѣтнихъ крестьянъ, хотя бы это имущество находилось внѣ предѣловъ сельскаго общества и даже въ другой губерніи, зависитъ отъ сельскаго схода того общества, къ которому малолѣтніе принадлежатъ. Сельскій сходъ не въ правѣ безъ особыхъ основаній устранять опекуновъ, назначенныхъ къ малолѣтнимъ сиротамъ духовнымъ завѣщаніемъ умершихъ родителей. Обсужденіе распоряженій схода по этому предмету лежитъ на обязанности уѣзднаго присутствія. Если бы въ распоряженіи міра по опекѣ родственники малолѣтняго усмотрѣли что либо клонящееся къ его ущербу, то они могутъ обращаться къ защитѣ мироваго посредника. Дѣла по жалобамъ на распоряженія сельскихъ сходовъ по назначенію опекуновъ и попечителей и вообще дѣла по охраненію имущества малолѣтнихъ сиротъ подлежатъ разсмотрѣнію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ по существу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда у малолѣтнихъ крестьянъ-сиротъ нѣтъ никакого другого имущества, кромѣ того, которое принадлежало умершимъ ихъ родителямъ, въ качествѣ членовъ нераздѣльнаго крестьянскаго двора, и когда, по особымъ причинамъ, отъ опеки надъ ними устраняется ихъ естественный опекунъ—домохозяинъ семьи и замѣняется лицомъ постороннимъ, то подобная опека можетъ быть утверждаема лишь надъ личностью этихъ малолѣтнихъ сиротъ, которыя, подобно умершимъ своимъ родителямъ, не имѣютъ права требовать выдѣла себѣ части нераздѣль-

---

[1]) На основаніи ст. 256 зак. гражд., выборъ въ опекуны долженъ быть обращаемъ на такихъ людей, которые нравственными своими качествами даютъ надежду къ призрѣнію малолѣтняго въ здравіи, добронравномъ воспитаніи и достаточномъ по его состоянію содержаніи и отъ котораго ожидать можно отеческаго къ малолѣтнему попеченія. Поэтому запрещено опредѣлять опекунами: расточившихъ собственное или родительское имѣніе, лишенныхъ правъ или ограниченныхъ въ правахъ по суду, имѣющихъ явные и гласные пороки, извѣстныхъ суровыми своими поступками, имѣвшихъ ссору съ родителями малолѣтняго и несостоятельныхъ.

наго имущества двора внѣ порядка, установленнаго закономъ для производства семейныхъ раздѣловъ. Крестьянскія сироты по достиженіи 14-лѣтняго возраста могутъ сами выбирать себѣ попечителя.

Впредь до пересмотра существующихъ узаконеній объ опекахъ, относительно отчужденія принадлежащихъ малолѣтнимъ крестьянамъ имуществъ установлены слѣдующія правила: отчужденіе принадлежащихъ малолѣтнимъ крестьянамъ, однимъ или совмѣстно съ совершеннолѣтними, жизненныхъ припасовъ и вещей, подверженныхъ скорому тлѣнію и другимъ тратамъ, разрѣшается сельскимъ сходомъ, приговоръ котораго по этому предмету долженъ быть записанъ въ особую книгу; прочія движимыя, а равно и недвижимыя имущества означенныхъ крестьянъ могутъ быть отчуждаемы и закладываемы только въ случаяхъ, указанныхъ въ общихъ гражданскихъ узаконеніяхъ, по приговорамъ сельскихъ сходовъ, утвержденнымъ губернскимъ присутствіемъ. Такимъ же порядкомъ разрѣшаются и отказы отъ надѣла, слѣдующаго малолѣтнимъ сиротамъ. Указанныя правила примѣняются лишь къ тому крестьянскому имуществу, которое находится въ чертѣ надѣла, поступившаго въ собственность крестьянъ на основаніи положенія о крестьянахъ. Продажа же такихъ имуществъ малолѣтнихъ крестьянъ, которыя находятся внѣ предѣловъ сельскихъ обществъ и къ разряду крестьянскихъ имуществъ не принадлежатъ, можетъ быть допускаема лишь съ разрѣшенія правительствующаго сената.

Отъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ зависитъ сдѣлать распоряженіе объ отдачѣ капиталовъ, принадлежащихъ малолѣтнимъ крестьянамъ, на храненіе въ кредитное учрежденіе. Выдача изъ кредитныхъ учрежденій капиталовъ малолѣтнихъ крестьянъ зависитъ отъ разрѣшенія губернатора, властью котораго утверждается приговоръ по этому предмету подлежащаго сельскаго схода.

Таковы немногочисленныя и несложныя постановленія объ опекѣ малолѣтнихъ крестьянъ,—постановленія, которыми ближайшимъ образомъ руководствуются органы правительственнаго надзора за ходомъ крестьянскаго дѣла, а отнюдь не крестьяне. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, юридическое творчество народа не справилось съ трудною задачею разработки обычнаго права, которымъ опредѣлялись бы правовыя отношенія какъ между опекунами и опекаемыми, такъ между тѣми и другими и сельскимъ обществомъ. При все ухудшавшихся съ теченіемъ времени условіяхъ крестьянскаго общественнаго дѣла, трудно было разсчитывать на то, чтобы сами сельскія общества могли поставить опекунское дѣло на твердыя юридическія основанія, въ особенности, если принять во вниманіе крайнюю неопредѣленность имущественныхъ и семейно правовыхъ отношеній въ средѣ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Участливое отношеніе сельскихъ обществъ къ личности малолѣтнихъ сиротъ и къ

охранѣ ихъ имущества было рѣдкимъ исключеніемъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ матеріалы коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ, относящіеся къ началу семидесятыхъ годовъ. Опрошенные этою коммисіею крестьяне и должностныя лица крестьянскаго самоуправленія во многихъ мѣстностяхъ отрицали вовсе существованіе у нихъ опеки, по отношенію къ которой не выработалось никакихъ обычаевъ, такъ что въ случаѣ надобности волостные суды руководствуются общимъ закономъ. Дѣйствительно, постановленія писаннаго права постепенно проникали въ сельскую среду, но такое проникновеніе лишь въ слабой степени ограждало интересы малолѣтнихъ сиротъ. Положеніе этихъ послѣднихъ, тяжелое и въ другихъ сословіяхъ, у крестьянъ было особенно беззащитнымъ. Если у сиротъ не было никакого имущества, то опека признавалась крестьянами ненужною и обыкновенно не назначалась; если же сироты обладали нѣкоторымъ имуществомъ, то оно поступало въ полное безконтрольное и безотчетное распоряженіе опекуна и съ теченіемъ времени становилось его достояніемъ, а призрѣваемые сироты обращались въ пріемышей. Опекунъ распоряжается имуществомъ какъ хочетъ и какъ знаетъ. Наблюденіе за дѣйствіями опекуна и отвѣтственность за цѣлость имущества малолѣтняго принимаетъ на себя обыкновенно сельское общество, которое ихъ назначило, такъ что опекунъ завѣдываетъ имуществомъ малолѣтняго обыкновенно подъ надзоромъ общества. Однако, такой надзоръ имѣлъ чисто формальный характеръ; онъ ни въ чемъ не стѣснялъ опекуновъ, которые, по отзывамъ самихъ же крестьянъ, „у малолѣтнихъ растащутъ все имущество и взыскивать не съ кого". Въ одной мѣстности саратовской губерніи опрошенные коммисіею крестьяне заявили, что благодаря отсутствію опредѣленныхъ правилъ объ опекѣ сиротамъ приходится нерѣдко бѣдствовать.

Крайняя неудовлетворительность крестьянскаго опекунскаго дѣла не могла не обратить на себя вниманія правительства, но причина этого, какъ и другихъ отрицательныхъ явленій народной жизни въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, приписывалась не тѣмъ условіямъ, въ которыя жизнь эта была поставлена, и не отсутствію прочныхъ устойчивыхъ правилъ, которыми крестьяне могли бы руководствоваться въ своихъ имущественныхъ и семейныхъ правоотношеніяхъ. Преобладало мнѣніе, будто все неустройство народнаго быта обусловливается слабостью правительственнаго надзора за ходомъ крестьянскаго дѣла на мѣстахъ. Поэтому когда въ 1889 году, при преобразованіи крестьянскихъ учрежденій, введены были должности земскихъ начальниковъ, представлявшихъ собою власть сильную и близкую къ народу, то къ числу обязанностей, возложенныхъ на земскаго начальника, отнесенъ былъ и надзоръ за опекунствами, учреждаемыми надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскаго состоянія, и разрѣшеніе жалобъ, приносимыхъ на дѣйствія опекуновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поста-

новлено, что рѣшенія уѣзднаго съѣзда по жалобамъ на распоряженія земскихъ начальниковъ въ порядкѣ назора за опекунствами, учрежденными надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскаго состоянія, признаются окончательными и подлежатъ исполненію [1]).

Оправдались ли, однако, ожиданія правительства, что съ установленіемъ сильной власти на мѣстахъ, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, измѣнятся къ лучшему общія условія юридическаго быта крестьянъ, а въ частности опекунское дѣло получитъ вполнѣ закономѣрный характеръ? Отвѣтъ на поставленный такимъ образомъ вопросъ имѣется въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній, образованныхъ въ началѣ 90-хъ годовъ для пересмотра законодательства о крестьянахъ и въ отзывахъ на проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ, опубликованныхъ въ 1894 г. редакціонною комиссіею по составленію гражданскаго уложенія. Совѣщаніямъ, между прочимъ, предложено было представить соображенія о томъ, въ чемъ заключаются главнѣйшіе недостатки существующихъ постановленій объ опекахъ надъ малолѣтними у крестьянъ. Такимъ образомъ, задача сводилась, какъ будто, лишь къ критической оцѣнкѣ дѣйствующихъ „постановленій“ объ опекѣ надъ малолѣтними крестьянами и представленіе фактическихъ свѣдѣній о положеніи опекунскаго дѣла въ сельской средѣ для совѣщаній не было обязательнымъ. Но, какъ ни мало фактическихъ данныхъ въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній, все же оказывается возможнымъ составить, на основаніи тѣхъ данныхъ, нижеслѣдующую картину современныхъ условій крестьянскаго опекунскаго дѣла и притомъ какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянскія и судебныя учрежденія преобразованы по закону 12 іюля 1889 г., такъ и тамъ, гдѣ эти учрежденія остались на прежнемъ положеніи. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что губернскія совѣщанія, по своему составу и общему направленію работъ, отнюдь не были склонны умалять значеніе дѣятельности земскихъ начальниковъ въ дѣлѣ упорядоченія правовой жизни крестьянъ и, слѣдовательно, сообщенныя ими фактическія данныя о современномъ неприглядномъ положеніи опекунскаго дѣла въ сельской средѣ во всякомъ случаѣ заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Въ раіонѣ сѣверныхъ пріозерныхъ губерній [2]) до настоящаго времени опеки, въ собственномъ смыслѣ, у крестьянъ не существовало; они и теперь еще не уясняютъ себѣ вполнѣ ея значенія. Въ большинствѣ случаевъ, опеки назначались сельскими обществами лишь тогда, когда представлялась въ этомъ необходимость съ фор-

---

[1]) Ст. 38 п. 3 пол. зем. нач.

[2]) Губерніи: петербургская, псковская, новгородская.

мальной стороны—по требованіямъ властей, по жалобамъ. Опекуномъ обыкновенно избирался мѣстный крестьянинъ, который, получивъ надѣльную землю малолѣтняго, извлекалъ изъ нея доходы въ свою пользу и, въ лучшемъ случаѣ, давалъ лишь пропитаніе опекаемымъ, если они жили въ его семьѣ. Отчетовъ опекуны никому не давали, такъ какъ сельскія общества, пока не затрогиваются ихъ общіе интересы и не возникаетъ жалобъ объ опекѣ надъ малолѣтними,—такихъ отчетовъ отъ опекуновъ не требуютъ.

По свѣдѣніямъ порховскаго уѣзднаго съѣзда, со смертью крестьянина, когда остаются малолѣтніе дѣти, даже съ матерью, всегда начинается отчаянное расхищеніе. Это извѣстно всякому деревенскому жителю. При существующемъ порядкѣ учрежденія опекъ, происходитъ, кромѣ расхищенія движимаго имущества, разбираніе оставшихся изъ вырученныхъ отъ продажи вещей и денегъ самимъ сельскимъ обществомъ, якобы въ займы, отбираніе сдворочныхъ мѣстъ или частей ихъ родственниками, полное и частное отбираніе и передача другимъ полевой земли и другія неправильныя дѣйствія сельскаго схода, способнаго поживиться средствами малолѣтнихъ даже для уплаты слѣдующихъ съ него сборовъ, какъ неоднократно случалось. Между тѣмъ земля настолько повысилась въ цѣнѣ съ 1861 года, что съ полевой и сдворочной земли малолѣтніе, кромѣ уплаты повинностей, всегда могутъ имѣть доходъ въ видѣ арендной платы, что составляетъ единственный способъ къ существованію малолѣтнихъ, а этого общество почти всегда лишаетъ ихъ; между тѣмъ не было примѣра, чтобы общество озаботилось о малолѣтнихъ, оставшихся безъ средствъ, и понесло бы какіе либо на этотъ предметъ расходы. Обыкновенно малолѣтніе побираются; когда подростутъ—берутъ ихъ въ пастухи; когда выростутъ, то находятъ деньги, какія оставались послѣ родителей, разобранными обществомъ или посторонними лицами въ долгъ, безъ достаточныхъ документовъ; сдворочное мѣсто частью обобраннымъ; полевую землю совсѣмъ отобранною; движимость, скотъ и постройки проданными или уничтожившимися,—и начинается судъ, а хозяйство и жизнь начинать не съ чѣмъ.

Съ своей стороны, псковское чрезвычайное губернское дворянское собраніе замѣчаетъ, что въ крестьянскомъ быту представляется обыкновеннымъ и заурядньмъ явленіемъ не только расхищеніе имущества малолѣтнихъ послѣ смерти главы семейства, но, къ сожалѣнію, и отнятіе ихъ надѣльной земли самимъ обществомъ, на которое по закону возложена обязанность пещись объ ихъ интересахъ. При общинномъ землевладѣніи вообще, и тѣмъ болѣе въ псковской губерніи, гдѣ у крестьянъ нѣтъ другихъ доходовъ, кромѣ земельныхъ, надѣльная земля составляетъ единственное средство для обезпеченія малолѣтнихъ и для сохраненія за ними того скуднаго имущества, которое состоитъ исключительно изъ предметовъ, необходимыхъ для земледѣлія.

За невозможностью для малолѣтнихъ обезпечивать себя посторонними заработками и при неисполненіи обществами обязанности заботиться о нуждающихся своихъ членахъ, безусловно необходимо, по мнѣнію дворянскаго собранія, установить, чтобы до достиженія совершеннолѣтія старшимъ изъ семьи малолѣтнихъ общество не имѣло права подвергать какимъ либо измѣненіямъ надѣльную ихъ землю.

Современное положеніе опеки у крестьянъ района сѣверныхъ лѣсныхъ губерній [1]) представляется довольно безотраднымъ. По отзыву вологодскаго совѣщанія, сельскіе сходы мало интересуются сохраненіемъ оставшагося имущества сиротъ и правильностью веденія опекунами хозяйства и распоряженій сиротскимъ имуществомъ. Назначаются опекуны безъ всякаго разбора, лишь бы было исполнено требованіе, предъявляемое въ этомъ отношеніи къ сходу; избранный въ опекуны зачастую долгое время не знаетъ о своемъ избраніи и сиротскаго имущества въ свое веденіе не принимаетъ. Отчеты по опекамъ составляются большею частью сельскимъ писаремъ и опять таки съ одною цѣлью: „лишь бы составить и представить въ волостное правленіе“. Подробной повѣрки опекунскихъ отчетовъ сходами не производится, а каждый изъ членовъ схода спѣшитъ заручить приговоръ, составленный тѣмъ же писаремъ, что „злоупотребленій при повѣркѣ опекуна никакихъ не оказалось“.

Почти по каждой опекѣ встрѣчается неправильное распоряженіе опекуна сиротскимъ имуществомъ. Сиротскія деньги пускались въ оборотъ и, конечно, пропадали безслѣдно. Растраты опекаемаго имущества при такомъ положеніи дѣла неизбѣжны.

На весьма частые случаи злоупотребленій со стороны опекуновъ указываетъ и олонецкое губернское совѣщаніе. Въ вятской губерніи къ опекунскому дѣлу сельскіе сходы относятся, какъ къ дѣлу чужому—равнодушно и формально; живое руководительство и наблюденіе отсутствуетъ. При провѣркѣ имущества сходъ ограничивается, обыкновенно, составленіемъ приговора о правильности дѣйствій опекуновъ и сохранности имѣнія сиротъ на основаніи словесныхъ заявленій опекуновъ и старшины или сельскаго старосты. Эти должностныя лица въ настоящее время одни въ дѣйствительности производятъ повѣрку и составляютъ о томъ надлежащіе акты.

Весьма скудныя свѣдѣнія о фактическомъ положеніи крестьянскихъ опекъ въ настоящее время сообщаютъ совѣщанія пріуральскаго района [2]). Опекунское дѣло повсемѣстно находится въ неудовлетворительномъ состояніи. Обязанности, возложенныя закономъ по отношенію къ сиротамъ на сельскіе сходы, послѣдними не исполняются,

---

[1]) Губерніи: олонецкая, вологодская, архангельская, вятская.
[2]) Губерніи: пермская, оренбургская, уфимская.

почему случаи растратъ сиротскаго имущества далеко не составляютъ исключенія.

Въ губерніяхъ центральнаго промышленнаго района [1]) современныя условія крестьянскаго опекунскаго дѣла представляются весьма неудовлетворительными. Въ тверской губерніи, сельскія общества безучастно относятся къ опекамъ надъ своими малолѣтними членами и ихъ имуществомъ. Обязанности опекуна, не оплачиваемыя никакимъ вознагражденіемъ, разсматриваются исключительно, какъ обременительная повинность, отъ которой стремятся освободиться даже близкіе родственники умершаго домохозяина. Поэтому общество нерѣдко назначаетъ въ опекуны людей, или мало способныхъ вести хозяйство малолѣтнихъ, или не заслуживающихъ довѣрія. Имущество это, въ большинствѣ случаевъ, безъ личнаго труда не въ состояніи приносить дохода, а потому, при отсутствіи работника въ семьѣ умершаго домохозяина, общество беретъ надѣльную землю въ свое распоряженіе или таковая сдается въ аренду. Часто общество оставляетъ малолѣтнихъ и ихъ имущество безъ учрежденія опекунскаго управленія, пока это не вызывается какой либо необходимостью (напр. требованіемъ суда при предъявленіи иска къ умершему) или не послѣдуетъ распоряженіе начальства. Явленіе такое, какъ полагаетъ тверское губернское совѣщаніе, объясняется тѣмъ, что порядокъ назначенія опеки, какъ и вообще все охранительное производство по отношенію къ крестьянскому сословію совершенно не регламентированы закономъ, который уступаетъ въ данномъ случаѣ мѣсто обычаю. Обычай же смѣшиваетъ дѣло опеки съ призрѣніемъ, а потому въ крестьянской средѣ имѣетъ значеніе не столько опека надъ имуществомъ, сколько надъ личностью малолѣтняго. Тѣ члены общества, которые приняли на себя заботу о воспитаніи малолѣтнихъ, будутъ ли то родственники или сторонніе люди, тѣмъ самымъ признаются опекунами надъ имуществомъ наслѣдниковъ, причемъ зачастую общество считаетъ излишнимъ регулировать имущественныя отношенія опекуновъ къ малолѣтнимъ, а также приводить въ точную извѣстность составъ поступающаго въ распоряженіе опекуна имущества. Отсюда вытекаютъ — полная безурядица въ дѣлѣ опеки, возможность злоупотребленій, споры относительно состава наслѣдственнаго имущества какъ со стороны наслѣдниковъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія, такъ и постороннихъ лицъ, имѣвшихъ гражданскія отношенія къ умершему. Предоставленный земскимъ начальникамъ надзоръ за опекунствами является недостаточнымъ коррективномъ, такъ какъ земскій начальникъ имѣетъ возможность слѣдить за дѣйствіями общества по назначенію опеки лишь въ случаѣ поступленія какой либо жалобы, и повѣрять дѣйствія формально

---

[1]) Губерніи: владимірская, нижегородская, ярославская, костромская, тверская, московская, калужская, смоленская.

избраннаго опекуна въ томъ же случаѣ; но отъ него совершенно ускользаютъ тѣ моменты, когда составъ имущества долженъ быть приведенъ въ извѣстность и учреждена опека.

Практика крестьянскихъ учрежденій смоленской губерніи даетъ множество данныхъ къ заключенію, что положеніе малолѣтнихъ въ крестьянской средѣ не представляется достаточно обезпеченнымъ. Сироты оказываются безпріютными и нищими не только тогда, когда у нихъ нѣтъ никакого имущества, но и тогда, когда имущество остается, ибо это послѣднее, благодаря отсутствію всякой охраны, нерѣдко расхищается. Остаются также безъ всякой защиты самыя права малолѣтнихъ на наслѣдственно-семейные подворные участки, усадебныя земли и даже на право пользованія общественнымъ надѣломъ. Права эти часто и утрачиваются, ибо съ теченіемъ времени при отсутствіи въ крестьянской жизни письменныхъ документовъ на землепользованіе, становится невозможнымъ доказать какимъ-либо порядкомъ размѣры правъ на усадебную землю, принадлежавшую родителямъ такихъ сиротъ, а право на отведеніе полевого надѣла для лица, не имѣющаго ни усадьбы, ни хозяйства, при невозможности заведенія таковаго на новомъ мѣстѣ, остается часто однимъ голымъ правомъ, тѣмъ болѣе, что и процессъ, которымъ можно добиться отведенія обществомъ полевого надѣла лицу, имѣющему на то право, но обезземеленному, — представляетъ въ жизни не малыя затрудненія.

Въ остальныхъ губерніяхъ центральнаго промышленнаго раіона всюду отмѣчается крайне неудовлетворительное положеніе опекунскаго дѣла у крестьянъ, беззащитность сиротъ и безучастное отношеніе къ нимъ сельскихъ сходовъ. Громадное большинство членовъ схода, лично не заинтересованное въ дѣлахъ опеки, смотритъ на свое участіе въ сходахъ, какъ на обременительную повинность, какъ на потерю дорогого времени. При этомъ весьма часты случаи угощенія сходовъ со стороны заинтересованныхъ лицъ. По большей части угощеніе подносится вовсе не съ цѣлью склонить членовъ схода къ извѣстному рѣшенію вопроса, но только для того, чтобы заставить ихъ собраться. Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что обѣщаніе угощенія, при настоящемъ порядкѣ вещей, есть единственное средство для созыва схода по опекунскимъ дѣламъ. Собраніе сельскаго схода чрезвычайно обременительно для участвующихъ на сходѣ; притомъ же и не всегда можно его собрать: препятсвуютъ иногда къ собранію сельскаго схода отлучка большей части членовъ схода на заработки, сельскія мѣстныя работы, разбросанность селеній по обществу. Въ настоящее время въ нижегородской губерніи всѣ крестьянскія опекунскія дѣла, деньги и книжки сберегательныхъ кассъ хранятся въ волостныхъ правленіяхъ. Назначеніе опекъ, выборъ опекуновъ и учеты ихъ производятся по приказаніямъ старшинъ и земскихъ начальниковъ. Сельскіе сходы по своему почину никогда этого не дѣлаютъ.

Положеніе крестьянскаго опекунскаго дѣла въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ [1]) представляетъ сходныя черты съ положеніемъ его въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. По общему правилу, сельское общество, пользуясь свободою дѣйствій, или совсѣмъ не учреждаетъ опеки, оставляя малолѣтнихъ и имущество на произволъ судьбы, или же, учреждая опеку лишь для формы и назначая опекунами нежелательныхъ лицъ, само относится къ дѣлу совершенно безучастно. По отзыву курскаго совѣщанія, той патріархальности въ порядкахъ учрежденія опеки и веденія опекунскихъ дѣлъ, которая, какъ думали прежде, должна была служить охраной интересовъ малолѣтнихъ и гарантіей правильнаго наблюденія сельскихъ сходовъ надъ опекунами, въ крестьянскомъ быту или вовсе не существуетъ, или проявленія ея идутъ настолько въ разрѣзъ съ этими интересами, что служатъ въ явный ущербъ сиротамъ. Въ большинствѣ случаевъ сельскія общества относятся къ интересамъ сиротъ совершенно безучастно и часто распоряженія сходовъ клонятся къ ихъ вреду. Надъ опекунами со стороны обществъ нѣтъ никакого фактическаго надзора, а въ случаѣ злоупотребленій со стороны опекуновъ, само общество является иногда укрывателемъ этихъ злоупотребленій и выдаетъ опекунамъ учетный приговоръ, гдѣ всѣ расходы и траты признаются правильными.

По мнѣнію бѣлгородскаго уѣзднаго съѣзда, предположеніе о счастливой и плодотворной патріархальности крестьянскихъ опекъ, при которыхъ малолѣтній находитъ достаточное призрѣніе, а имущество его возвращается ему съ большою прибылью, не можетъ быть признано своевременнымъ и положительно противорѣчитъ печальной дѣйствительности. Остающіеся сироты при одной матери, по большей части выходящей второй разъ замужъ, часто въ другое село, дѣлаются жертвами своего отчима и, при вступленіи въ совершенныя лѣта, обыкновенно долго судятся съ нимъ; общество въ этомъ случаѣ отдаетъ ихъ надѣлы въ другія руки изъ-за платежа податей, а усадьба ихъ, строенія которой скоро приходятъ въ разрушеніе, нерѣдко также переходятъ къ другимъ членамъ крестьянскаго общества или пропивается. Въ случаѣ, если остаются круглые сироты, положеніе ихъ еще хуже. На усыновленіе въ настоящее время, за общимъ обѣднѣніемъ крестьянской среды, трудно разсчитывать, да и усыновленіе это можетъ касаться исключительно мальчиковъ, которые могутъ быть работниками съ самыхъ раннихъ лѣтъ, а не дѣвочекъ, которыхъ придется выдавать замужъ и тратиться на нихъ понапрасно. Призрѣніе такихъ сиротъ самимъ обществомъ, какъ на то указываетъ законъ, также не всегда возможно, и приходилось наталкиваться на случаи, когда такое призрѣніе состояло въ томъ, что сироты ежедневно переходили съ одного дежурнаго двора на другой въ видѣ натуральной повинности, отбы-

---

[1]) Губерніи: курская, орловская, тульская, рязанская.

ваемой всѣми домохозяевами поровну. Если личность сиротъ и ихъ воспитаніе являются не обезпеченными, то имущество ихъ, если къ тому не будетъ принято немедленно рѣшительныхъ мѣръ, расхищается самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Права и обязанности опекуна совершенно не опредѣлены и ему, конечно, неизвѣстны, нисколько не обезпечиваютъ его, а часто даже служатъ поводомъ къ запутаннымъ процессамъ въ волостныхъ судахъ впослѣдствіи. Мѣры, которыя въ настоящее время примѣняются къ обезпеченію имущества, состоятъ въ томъ, что общество немедленно послѣ смерти родителей составляетъ приговоръ о продажѣ имущества малолѣтнихъ; губернское присутствіе продажу эту разрѣшаетъ; имущество, цѣнное лишь для хозяйства, какъ всякая домашняя утварь, продается за полцѣны, но за то вырученныя деньги крѣпко хранятся въ сберегательной кассѣ государственнаго банка и малолѣтнимъ выдаются одни лишь проценты на прожитіе. Такой простой способъ обезпеченія сиротъ не можетъ быть признанъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, какъ по тому, что послѣ подобной распродажи сиротамъ негдѣ жить и они расходятся въ люди, такъ и потому, что крестьянское хозяйство и все ихъ имущество не составляетъ особенной цѣнности, какъ доходная статья, а есть лишь принадлежность или необходимость его быта и, размѣненное на деньги, даетъ очень незначительныя суммы, а стоитъ большихъ трудовъ. Дѣлами всей опеки завѣдуетъ цѣлое общество и въ завѣдываніи этомъ кроется отчасти суть вышеописаннаго печальнаго положенія сиротъ; общество рѣдко заботится объ интересахъ своихъ будущихъ сочленовъ и, избирая опекуна, предоставляетъ ему дѣлать, что угодно, учитывая его лишь по понужденію высшаго начальства и волостныхъ правленій, и всѣ эти учеты заканчиваются непремѣнно словами: „недочетовъ никакихъ не находимъ“.

Въ губерніяхъ черноземныхъ степныхъ [1]) опека надъ сиротами, въ качествѣ необходимаго института гражданской жизни, до сихъ поръ не вошла еще въ сознаніе народа и очень часто, что подтверждается ревизіями, совершенно не признается. Встрѣчаются волости, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ не было установлено ни одного опекунскаго управленія. Въ такихъ волостяхъ сиротъ, вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ, обыкновенно разбираютъ родственники и затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ этихъ сиротъ ничего больше неизвѣстно.

Со введеніемъ положенія о земскихъ начальникахъ, благодаря надзору послѣднихъ, опеки надъ сиротами и ихъ имуществомъ стали устанавливаться чаще. Но и въ этихъ случаяхъ интересы сиротъ нельзя признать достаточно обезпеченными. Надзоръ земскихъ начальниковъ, по отзыву тамбовскаго совѣщанія, не можетъ быть такимъ детально строгимъ, какъ это должно бы быть, при существованіи въ

[1]) Губерніи: пензенская, саратовская, тамбовская, воронежская.

участкѣ, напр., 30—40 опекъ, дѣла о которыхъ хранятся въ волостныхъ правленіяхъ; невозможно, помимо частныхъ жалобъ, услѣдить за всѣми мелочными дѣйствіями опекуновъ по хозяйству малолѣтнихъ.

Сельскій сходъ, какъ онъ организованъ въ настоящее время, представляется „совершенно неспособнымъ" внимательно и сердечно отнестись къ попеченію о сиротахъ и потому, избирая опекуна и учитывая его, сходъ проявляетъ полное безразличіе, какъ къ дѣлу, неизвѣстно для чего ему навязанному и нисколько его неинтересующему. Въ опекуны очень часто выбираются люди неблагонадежные, положительно неспособные къ отправленію столь важной обязанности. Контроль, въ лицѣ опекуновъ сводится къ исполненію необходимой формальности; описи имущества малолѣтнихъ часто вовсе не бываетъ, такъ что невозможно и провѣрить дѣйствія опекуна, или же такая опись составляется для вида и въ нее не включается все наличное имущество малолѣтнихъ. Надзоръ сельскихъ обществъ, кромѣ учетовъ, ни въ чемъ не проявляется; сходъ учитываетъ опекуновъ только для того, чтобы какъ нибудь выполнить лежащую на немъ обязанность, и не отказываетъ въ утвержденіи отчетовъ, явно клонящихся къ ущербу сиротъ; дѣло кончается исчезновеніемъ сиротскаго имущества. Въ отчетахъ опекуновъ очень часто фигурируютъ крупныя суммы, истраченныя на похороны и поминки покойныхъ родителей сиротъ. Расходныя статьи эти охотно утверждаются сходами, такъ какъ случается, что иногда весь сходъ угощался за счетъ сиротъ, поминая ихъ родителей. Саратовскому совѣщанію извѣстны случаи, когда земскому начальнику пришлось „бороться со сходомъ", прежде чѣмъ послѣдній соглашался начесть на опекуновъ подобные расходы.

Отвѣтственность опекуновъ за причиненные сиротамъ убытки въ настоящее время сводится къ полной безнаказанности. Злоупотребленія опекуна обнаруживаются, обыкновенно, слишкомъ поздно, когда сироты достигли совершеннолѣтія и когда уже все имущество растрачено опекуномъ. Предъявлять въ это время гражданскій искъ къ опекуну или обвиненіе его въ растратѣ безцѣльно: вообще очень трудно доказывать злоупотребленіе въ хозяйственномъ дѣлѣ, длившееся при томъ же многіе годы, а въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не признающемъ счетоводства,—и совершенно невозможно.

Фактическія данныя о положеніи опекунскаго дѣла въ раіонѣ средняго поволжья очень скудны [1]). Въ симбирской губерніи, въ началѣ 90-хъ годовъ, учреждено было надъ малолѣтними крестьянами 3,052 опеки. Цифра эта, по мнѣнію мѣстнаго губернскаго совѣщанія, „сама по себѣ не можетъ не свидѣтельствовать, что опекунское дѣло не оставлено безъ надзора, а малолѣтніе сироты безъ попечительства. Это подтверждается и ревизіями сельскихъ и волостныхъ правленій,

[1]) Губерніи: самарская, симбирская, казанская.

которыя обнаружили, что большинство земскихъ начальниковъ обратили серьезное вниманіе на введеніе порядка въ дѣлопроизводство и управленіе опекъ". Тѣмъ не менѣе, по отзывамъ большинства земскихъ начальниковъ симбирской губерніи, съ которыми согласилось и губернское совѣщаніе, существующій порядокъ въ разсматриваемой области „крестьянскаго управленія" не можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ назначенію. Главный недостатокъ организаціи опекъ надъ малолѣтними крестьянами заключается въ отсутствіи ихъ, вѣрнѣе, въ фактивности возложеннаго закономъ на сельскіе сходы контроля опекуновъ. Опытъ показалъ, что столь кропотливая обязанность, какъ учетъ опекуновъ, и притомъ неимѣющая непосредственной связи съ интересами сходовъ и его членовъ, исполняется по общему правилу поверхностно, а иногда и вовсе не исполняется.

Самарское совѣщаніе, не приводя никакихъ фактическихъ данныхъ, ограничивается указаніемъ, что несмотря на сравнительно недавнее введеніе института земскихъ начальниковъ, онъ успѣлъ уже оказать „весьма существенное" вліяніе на упорядоченіе опекунскаго дѣла. Почти вездѣ, гдѣ земскіе начальники обратили вниманіе на эту сторону народной жизни, надзоръ за сохранностью имущества сиротъ и за дѣятельностью опекуновъ „замѣтно улучшился и вообще интересы малолѣтнихъ обезпечиваются такъ, какъ никогда не могло бы быть при безразличномъ отношеніи къ дѣлу сельскихъ сходовъ".

Свѣдѣній о положеніи опекунскаго дѣла въ губерніяхъ южныхъ [1]) и новороссійскихъ [2]) очень мало; въ общемъ положеніе это оказывается весьма неблагопріятнымъ. Въ екатеринославской губерніи сельскіе сходы нерѣдко по непониманію, а иногда и умышленно, весьма равнодушно относятся къ лежащей на нихъ обязанности по завѣдыванію опеками; обстоятельство это служитъ поводомъ и для опекуновъ, въ свою очередь, небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ; въ конечномъ результатѣ оказываются растраты сиротскихъ имуществъ и прочія злоупотребленія. Опекуны, по вступленіи въ свои права, производятъ, въ присутствіи старосты и оцѣнщиковъ, опись и оцѣнку имущества сиротъ. Имущество по общему правилу оцѣнивается гораздо ниже дѣйствительной стоимости; движимое имущество продается, съ разрѣшенія схода, за ничтожную цѣну; сиротскіе долги не взыскиваются; большая часть ихъ изъ года въ годъ переписывается и наслѣдники, по достиженіи совершеннолѣтія, вынуждены сами отыскивать жалкіе остатки своего имущества. Сельскіе сходы весьма неохотно и небрежно производятъ учетъ опекунамъ. Недвижимое имущество сиротъ находится въ номинальномъ завѣдываніи опекуновъ, которые совершенно не наблюдаютъ за этимъ имуществомъ, вслѣдствіе чего

---

[1]) Губернія астраханская и донская область.

[2]) Губерніи: таврическая, херсонская, екатеринославская, бессарабская.

постройки преждевременно разрушаются и приходятъ въ окончательную негодность. Слабый контроль со стороны земскихъ начальниковъ за дѣйствіями сельскихъ сходовъ и должностныхъ лицъ по опекунскимъ дѣламъ также не мало способствуетъ безпорядкамъ въ дѣлахъ этого рода. При такихъ условіяхъ являются постоянныя несвоевременныя назначенія опекъ, а равно и снятія оныхъ; сиротскія же имущества свободно растрачиваются, уменьшаясь, по меньшей мѣрѣ, на половину, а засимъ, по достиженіи сиротами совершеннолѣтія, возбуждается масса переписки и безплодныхъ дѣлъ.

Въ одинаковомъ положеніи находится крестьянское опекунское дѣло и въ другихъ губерніяхъ разсматриваемыхъ раіоновъ. Въ бессарабской, напр., губерніи сельскіе сходы „совершенно“ не интересуются опекунскими дѣлами, „чрезвычайно“ неохотно собираются для учрежденія опекъ и учета опекуновъ, „легко“ относятся къ этимъ обязанностямъ и всегда спѣшатъ окончить такое скучное дѣло, особенно если предстоитъ „магарычъ“ съ назначаемаго или учитываемаго. Самый процессъ повѣрки отчета цѣлымъ сельскимъ сходомъ почти немыслимъ и остается пустою формальностью, совершаемою сельскимъ или волостнымъ писаремъ, подъ руководствомъ учитываемаго. Въ астраханской губерніи особенно вреднымъ оказывается участіе въ опекунскихъ дѣлахъ магометанскаго духовенства. Муллы самовольно, безъ согласія сходовъ, распоряжаются имуществомъ малолѣтнихъ, разрѣшая даже продажу и раздѣлъ таковаго, за что по шаріату пользуются особымъ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 25% съ рубля.

Въ раіонѣ малороссійскихъ губерній сельское общество, по общему правилу, относится „невнимательно“ къ своей обязанности заботиться о малолѣтнихъ сиротахъ; опекуны дѣйствуютъ почти безконтрольно; отчеты по опекѣ составляются несвоевременно; учеты производятся небрежно; самые опекуны назначаются обществомъ не съ достаточною осмотрительностью. По отзыву полтавскаго совѣщанія, сельское общество, „относясь вообще пассивно къ своимъ общественнымъ интересамъ, тѣмъ менѣе способно проявить энергію къ защитѣ интересовъ малолѣтнихъ въ своей средѣ и ихъ имуществъ“ [1]).

[1]) Въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губерніи общество с. Рѣчекъ захватило самовольно большую часть земли малолѣтнихъ крестьянъ Бубликовыхъ; опекуна къ имуществу малолѣтнихъ и для защиты правъ ихъ сходъ, несмотря на всѣ настоянія начальства, назначить отказался. И вотъ уже нѣсколько лѣтъ общество совершенно спокойно владѣетъ чужой землей, такъ какъ нѣтъ лица, которое могло бы предъявить къ нему искъ. Братья Янченковы нѣсколько лѣтъ спорили о раздѣлѣ земли; одинъ изъ братьевъ умираетъ, оставивъ послѣ себя малолѣтняго наслѣдника; другой братъ сейчасъ же прекращаетъ иски, предъявленные имъ совмѣстно съ третьимъ братомъ къ покойному, и сходъ назначаетъ его опекуномъ; тогда третій братъ завладѣваетъ землей малолѣтняго и совершенно спокойно владѣетъ ею, такъ какъ опе-

Въ губерніяхъ юго-западнаго края [1]) сельскіе сходы назначаютъ опекуновъ безъ всякаго разбора; они не пользуются предоставленнымъ имъ правомъ наблюдать за ходомъ управленія имуществомъ опекаемаго и не исполняютъ своихъ обязанностей по учету опекуновъ; такой порядокъ обусловливаетъ возможность злоупотребленій по опекѣ, тежело отзывающихся на интересахъ малолѣтнихъ. Отсутствіе надлежащаго надзора за опеками и опекунами со стороны мировыхъ посредниковъ объясняется громадностью мировыхъ участковъ: въ балтскомъ, напр., уѣздѣ имѣется 125 сельскихъ обществъ въ 160 тыс. одного лишь крестьянскаго населенія.

Положеніе опекунскаго дѣла въ раіонѣ бѣлорусскихъ губерній [2]) представляется неудовлетворительнымъ. Въ витебской губерніи [3]) не принимается никакихъ мѣръ къ охранѣ имущества, остающагося послѣ смерти умершихъ домохозяевъ. Сельскій сходъ или вовсе отказывается отъ назначенія къ малолѣтнимъ, или ихъ имуществу опекуновъ, или, если и назначаетъ, то тѣхъ же самыхъ лицъ, т. е. братьевъ умершихъ или ихъ совершеннолѣтнихъ сыновей, или сдольниковъ. Къ имуществу же, остающемуся послѣ смерти бездѣтныхъ крестьянъ, какъ обремененному долгами, такъ и свободному отъ взысканій, опека вовсе не учреждается при наличности дальнихъ родственниковъ-наслѣдниковъ.

Никакихъ отчетовъ по управленію имуществомъ малолѣтнихъ отъ

кунъ, который только что самъ отыскивалъ эту землю у покойнаго, не защищаетъ разумѣется, правъ малолѣтняго на землю.

И такихъ фактовъ, гдѣ сходъ дѣйствуетъ, имѣя въ виду только одно—самому попользоваться на счетъ малолѣтнихъ или предоставить это одному изъ вліятельныхъ членовъ своихъ,—можно привести, сколько угодно. Когда сходу нѣтъ никакихъ основаній руководиться какими-либо соображеніями, клонящимися въ ущербъ несовершеннолѣтнему и долженствующими принести выгоды обществу или одному изъ заправилъ, онъ отнесется къ вопросу безразлично, безучастно (отзывъ сумскаго уѣзднаго съѣзда).

[1]) Губерніи: кіевская, волынская, подольская.

[2]) Губерніи: могилевская, минская, витебская.

[3]) Въ предѣлахъ витебской губерніи существуетъ два вида пользованія землею: подворно-наслѣдственное въ двинскомъ, дриссенскомъ, люцинскомъ и рѣжицкомъ уѣздахъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и общинное - въ бѣлорусскихъ уѣздахъ. При подворно-наслѣдственномъ пользованіи землею, все имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, принадлежитъ проживающему на участкѣ семейству и переходитъ по наслѣдству, въ силу существующаго обычая, къ дѣтямъ, внукамъ, племянникамъ и инымъ родственникамъ умершихъ крестьянъ. При общинномъ же пользованіи, осиротѣвшей семьѣ, послѣ умершаго домохозяина, не говоря уже о надѣльной землѣ, не всегда переходитъ и движимое имущество. По обычаю, слѣдующій по возрасту за умершимъ крестьяниномъ-домохозяиномъ братъ его или другой соучастникъ въ пользованіи (сдольникъ) вступаетъ по праву въ управленіе хозяйствомъ; въ его же вѣдѣніе и полное распоряженіе переходитъ все движимое имущество, какъ-то: постройки, земледѣльческія орудія, скотъ и т. п. Законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ нѣкоторымъ образомъ узаконяетъ за нимъ это право, и малолѣтніе сплошь и рядомъ считаются лишь номинальными соучастниками въ пользованіи этимъ имуществомъ.

опекуновъ никѣмъ не требуется и не производится повѣрки ихъ дѣйствій по управленію этимъ имуществомъ; за дѣйствія опекуновъ сельскіе сходы являются неотвѣтственными. Жалобы, подаваемыя родственниками опекаемыхъ на неправильныя дѣйствія опекуновъ и сельскихъ сходовъ, хотя и разсматриваются по существу крестьянскими учрежденіями и разрѣшаются въ интересахъ малолѣтнихъ, но, по отзыву витебскаго совѣщанія, „нельзя сказать, чтобы и крестьянскія учрежденія, постановляя такія рѣшенія, стояли твердо на юридической почвѣ". Съ другой стороны, иски, вчиняемые или самими малолѣтними, по достиженіи ими совершеннолѣтія, или ихъ матерями, какъ природными опекуншами, въ волостныхъ судахъ о правѣ на оставшееся послѣ смерти родителей имущество, не всегда разрѣшаются удовлетвореніемъ исковыхъ требованій. Въ большинствѣ случаевъ, волостной судъ, на основаніи обычая же, признаетъ такіе иски не подлежащими удовлетворенію, причемъ такія рѣшенія оставляются въ силѣ и крестьянскими учрежденіями, такъ какъ послѣднія не входятъ въ существо рѣшеній. Такимъ образомъ, при существующихъ въ настоящее время въ мѣстностяхъ общиннаго пользованія землею порядкахъ, малолѣтніе сироты ничѣмъ не обезпечены отъ присвоенія и растраты, совершаемыхъ сторонними имъ лицами (сдольниками), при управленіи послѣдними имуществомъ, остающимся послѣ смерти родителей малолѣтнихъ или близкихъ имъ родственниковъ.

Въ минской и могилевской губерніяхъ сельскій сходъ относится совершенно равнодушно къ участи малолѣтнихъ, а иногда даже не прочь обдѣлить ихъ, если являются вліятельные охотники получить землю, находящуюся въ пользованіи малолѣтнихъ, а у этихъ послѣднихъ не имѣется въ средѣ общества энергичнаго заступника.

Не лучше положеніе дѣлъ объ опекахъ надъ малолѣтними крестьянами и въ литовскихъ губерніяхъ [1]. Сельскіе сходы не могутъ производить учета и повѣрки дѣйствій опекуновъ и нѣтъ никакой возможности требовать отъ неграмотныхъ часто опекуновъ какихъ либо письменныхъ отчетовъ, а тѣмъ болѣе обязать сельскіе сходы періодически составлять приговоры о порядкѣ ихъ дѣйствій, — что свелось бы къ одной формальности. Даже въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ, по распоряженію мировыхъ посредниковъ, заведены уже книги для своевременнаго внесенія всего относящагося къ каждой опекѣ, начиная отъ расписки опекуновъ въ пріемѣ имущества по оцѣнкѣ и кончая роспискою въ полученіи имущества владѣльцами, вышедшими изъ подъ опеки, контроль ограничивается записью приговоровъ сельскихъ сходовъ объ учетѣ, удостовѣряющемъ правильность дѣйствій опекуновъ.

Мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія разсматриваютъ лишь жалобы на дѣйствія сельскихъ сходовъ по опекамъ. Ни на во-

---

[1] Губерніи: виленская, гродненская, ковенская.

лостныя правленія, ни на мировыхъ посредниковъ не возложено обязанности наблюденія за правильными дѣйствіями опекуновъ и сельскихъ сходовъ, помимо жалобъ; жалобы же, хотя и разсматриваются по существу, но такъ какъ сходы, согласно примѣчанію къ ст. 21 общ. пол., во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по опекѣ руководствуются не общими узаконеніями объ опекѣ, а мѣстными обычаями, которые не всегда могутъ быть установлены, то при разсмотрѣніи крестьянскими учрежденіями жалобъ встрѣчаются недоразумѣнія, при наличности которыхъ иногда нѣтъ никакой возможности удовлетворить справедливое даже заявленіе. Часто случается, что у сиротъ нѣтъ близкихъ родственниковъ, которые были бы заинтересованы защитою ихъ интересовъ, а нерѣдко родственники, будучи опекунами, сами растрачиваютъ имущество сиротъ. Хотя обиженные дѣйствіями опекуновъ, по достиженіи совершеннолѣтія, и возбуждаютъ въ установленныхъ судебныхъ мѣстахъ жалобы на нихъ, но эти жалобы не достигаютъ должныхъ результатовъ, какъ потому, что обиженные не имѣютъ доказательствъ, подтверждающихъ таковыя, а сельскіе сходы всегда поддерживаютъ сторону обидчиковъ, какъ провѣрявшіе ихъ дѣйствія и заинтересованные въ оправданіи виновныхъ, такъ и потому, что у виновныхъ, въ большинствѣ, не оказывается имущества, изъ котораго можно было бы возмѣстить убытки опекаемыхъ.

Съ своей стороны, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, подтверждая вышеприведенные отзывы губернскихъ совѣщаній относительно недостатковъ современнаго крестьянскаго опекунскаго дѣла, заявляетъ, что при существованіи въ литовскомъ краѣ не общественнаго, а подворнаго владѣнія и вытекающей изъ этого малой сплоченности отдѣльныхъ членовъ сельскихъ обществъ въ имущественномъ отношеніи, само собою разумѣется, сельскіе сходы являются мало заинтересованными въ интересахъ членовъ отдѣльныхъ семействъ. Они потому и относятся довольно безучастно къ дѣламъ опеки надъ малолѣтними, что и служитъ причиною различнаго рода злоупотребленій опекуновъ, весьма легко покрываемыхъ сельскими сходами, имѣющими всегда законную возможность ссылаться на мѣстные обычаи, трудно поддающіеся точному опредѣленію, а потому трудно поддающіеся и дѣйствительному контролю.

II.

Отношеніе дѣйствующаго законодательства къ отдѣльнымъ видамъ опеки—надъ расточителями, душевно-больными и надъ малолѣтними—въ примѣненіи къ лицамъ, принадлежащимъ къ сословію сельскихъ обывателей, представляется весьма неодинаковымъ. Опека надъ расточителями-крестьянами вовсе неизвѣстна дѣйствующему законодатель-

ству; общій порядокъ объ освидѣтельствованіи душевно больныхъ примѣняется и къ крестьянамъ, но съ тѣмъ существеннымъ ограниченіемъ, что опредѣленія объ освидѣтельствованіи крестьянъ губернскія правленія сами приводятъ въ исполненіе; о лицахъ же другихъ сословій, если освидѣтельствованное лицо будетъ признано душевно-больнымъ, опредѣленія губернскаго правленія поступаютъ на утвержденіе правительствующаго сената; наконецъ, что касается опеки надъ малолѣтними крестьянами, то въ отношеніи ея нѣтъ почти законодательныхъ опредѣленій; здѣсь все предоставлено усмотрѣнію сельскихъ и волостныхъ сходовъ и дѣйствію „обычая"; только сироты и имущество умершихъ крестьянъ, приписанныхъ къ волостямъ, но жительствовавшихъ или имѣвшихъ недвижимое имущество въ городскихъ поселеніяхъ, вѣдаются сиротскими судами.

Остановимся прежде всего на вопросѣ объ опекѣ надъ крестьянами-расточителями. Правильное разрѣшеніе этого вопроса предполагаетъ наличность точнаго опредѣленія, кого считать расточителемъ? Между тѣмъ понятіе расточительности представляется весьма растяжимымъ и условнымъ. Съ понятіемъ о расточителѣ, въ обыденной жизни, соединяется мысль о человѣкѣ, предающемся безпутному образу жизни, легкомысленно и неразсчетливо расточающемъ свое имущество. Но такое понятіе не заключаетъ еще въ себѣ точныхъ юридическихъ признаковъ. Можно вести вполнѣ скромный образъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ неразумно и наразсчетливо растрачивать свое имущество, увлекшись, напр., карточной или биржевой игрой или рискованными предпріятіями; можно предаваться и безпутному образу жизни, не нанося сколько-нибудь существеннаго ущерба своему матеріальному положенію. Въ прежнее время, когда благосостояніе высшихъ общественныхъ классовъ основывалось, главнымъ образомъ, на обладаніи недвижимымъ имуществомъ, борьба законодательства съ расточительностью была и болѣе легкою, и болѣе понятною. Недвижимое имущество обезпечивало собою существованіе не только даннаго лица, но и всѣхъ его нисходящихъ; оно было достояніемъ рода, охрана матеріальныхъ интересовъ котораго, при сословномъ строѣ государства, составляла преимущественную заботу государственной власти. Отсюда—ограничительные законы о наслѣдованіи лицъ женскаго пола, въ видахъ предупрежденія дробленія недвижимыхъ имуществъ; отсюда— и мѣры, направленныя противъ расточителей. Отличительнымъ признакомъ расточителя была жизнь не по средствамъ, неизбѣжно приводившая, въ конечномъ результатѣ, къ отчужденію имущества,—того недвижимаго имущества, которое даннымъ лицомъ получено было отъ его предковъ и въ такомъ же видѣ, согласно предположеніямъ законодателя, должно перейти къ его потомкамъ. Расточитель, въ качествѣ лица, наносившаго ущербъ интересамъ своего рода, а, слѣдовательно, и государства являлся въ глазахъ законодателя преступникомъ; ха-

рактерно, что и у насъ существенныя постановленія о расточителяхъ помѣщены въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, а не въ сводѣ гражданскихъ законовъ.

Но по мѣрѣ того, какъ, съ изчезновеніемъ сословныхъ привилегій и полнымъ переворотомъ всего экономическаго строя, падало значеніе недвижимаго имущества и соотвѣтственно росло, крѣпло и стало преобладающимъ значеніе денежнаго капитала,—должно было измѣниться и самое понятіе о расточительности, и отношеніе къ ней законодательства. Денежный капиталъ, въ полную противоположность недвижимому имуществу, не составляетъ привилегіи одного какого-либо сословія; обладаніе этимъ капиталомъ доступно всякому: это—результатъ стеченія счастливыхъ обстоятельствъ, удачи, предпріимчивости, знаній. Въ современныхъ экономическихъ условіяхъ быстро образуются огромныя состоянія и столь же быстро они уничтожаются. Легкомысленная и неразсчетливая затрата имущества въ рискованное предпріятіе приводитъ иногда къ полному обогащенію, если это предпріятіе оправдало надежды, иногда къ полному разоренію—если оно оказалось построеннымъ на пескѣ. Съ развитіемъ промышленности и появленіемъ на денежномъ рынкѣ огромнаго количества всякаго рода цѣнныхъ бумагъ явился новый источникъ внезапнаго обогащенія и столь же внезапнаго разоренія — биржевая игра, въ которой нерѣдко принимаютъ участіе даже низшіе слои населенія, въ особенности городского. При всѣхъ такихъ условіяхъ легкомысленное, неразсчетливое, иногда безпутное распоряженіе имуществомъ уже не могло быть разсматриваемо какъ отличительный признакъ расточительности. Въ то же время существенно измѣнилось экономическое и общественное значеніе расточительности. Кто собственною дѣятельностью, личнымъ счастіемъ, знаніемъ или удачею пріобрѣлъ состояніе, за тѣмъ должно быть признано и право растрачивать это состояніе, какъ ему вздумается. Интересы рода въ этомъ случаѣ уже не могутъ быть приняты во вниманіе, а интересы государства не страдаютъ. На первомъ планѣ стоитъ творческая дѣятельность личности, которой должна быть предоставлена полная свобода распоряжаться принадлежащимъ ей имуществомъ, поскольку такое распоряженіе является результатомъ свободнаго самоопредѣленія. Только такія расточительныя дѣйствія по распоряженію имуществомъ могутъ и должны быть поводомъ къ вмѣшательству государственной власти и повести за собою наложеніе опеки, которыя являются слѣдствіемъ ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей или начинающейся душевной болѣзни. Только при наличности такихъ условій расточительность должна сопровождаться ограниченіемъ правоспособности расточителя.

Отношеніе дѣйствующихъ законодательствъ къ данному вопросу представляется неодинаковымъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, преимущественно германскихъ, наложеніе опеки на расточителя сопровождается

весьма тягостными послѣдствіями: расточители приравниваются къ несовершеннолѣтнимъ, достигшимъ семилѣтняго возраста, и лишаются самостоятельности; но такъ какъ признаніе даннаго лица расточителемъ обставлено крайне стѣснительными условіями, то практическое значеніе опеки надъ расточителями ничтожно; случаи наложенія такой опеки совершенно исключительны. Законодательства романской группы относятся болѣе снисходительно къ расточителямъ: кодексы французскій, итальянскій и у насъ польскій ограничиваются назначеніемъ совѣтника, безъ содѣйствія котораго расточитель не въ правѣ дѣлать займовъ, продавать и закладывать недвижимыя имѣнія, получать капиталы и являться въ судъ.

Само собою разумѣется, что ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ законодательствъ не проводится различія между расточителями по ихъ сословной принадлежности. Расточительность признается вообще такимъ нежелательнымъ явленіемъ, противъ котораго нужны извѣстныя предупредительныя мѣры, во вниманіе къ интересамъ семейнымъ, общественнымъ и государственнымъ; но, очевидно, интересы эти требуютъ одинаковаго огражденія, къ какому бы сословію ни принадлежалъ расточитель.

Наше законодательство въ опекунскомъ дѣлѣ строго придерживается сословной точки зрѣнія, но, какъ уже замѣчено выше, не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій относительно опеки надъ расточителями изъ крестьянъ. Такой пробѣлъ будетъ вполнѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что низкій уровень матеріальнаго достатка крестьянъ въ эпоху ихъ освобожденія какъ-то не допускалъ возможности расточительныхъ съ ихъ стороны дѣйствій по отношенію къ имуществу, въ особенности въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, гдѣ полевой надѣлъ отводился каждому домохозяину лишь во временное пользованіе и могъ быть отобранъ при первомъ удобномъ случаѣ. Но теперь, спустя длинный рядъ лѣтъ со времени крестьянской реформы, можно ли признать достаточно назрѣвшей потребность въ изданіи закона объ опекѣ надъ расточителями у крестьянъ?

Этотъ вопросъ и былъ предложенъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, образованныхъ для пересмотра законодательства у крестьянъ. Но такъ какъ ни въ программѣ министерства, ни въ дѣйствующемъ законодательствѣ нѣтъ опредѣленнаго указанія на то, что, именно, разумѣть подъ расточительностью, то выясненіе этого понятія было предоставлено собственнымъ силамъ губернскихъ совѣщаній.

Нѣкоторыя изъ губернскихъ совѣщаній, впрочемъ, меньшинство, отрицали потребность въ изданіи закона объ опекахъ надъ расточителями у крестьянъ. Такъ, екатеринославское совѣщаніе полагаетъ, что суровые нравы и экономическое положеніе крестьянства не даютъ

простора развитію расточительности; для единичныхъ же случаевъ достаточны тѣ „законныя воздѣйствія“, которыя имѣются въ настоящее время въ распоряженіи властей. По мнѣнію калужскаго совѣщанія, общинный строй землевладѣнія самъ по себѣ служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ противъ расточительности.

Однако, большинство губернскихъ совѣщаній придерживается иного мнѣнія и полагаетъ, что потребность въ изданіи закона объ опекѣ надъ расточителями-крестьянами представляется вполнѣ назрѣвшею. Въ пользу необходимости установленія подобной опеки приводятся совѣщаніями главнымъ образомъ нижеслѣдующія соображенія:

сельское общество, связанное круговою порукою и обязанное, по закону, призрѣвать своихъ неимущихъ членовъ, должно имѣть право принимать предупредительныя мѣры въ отношеніи домохозяевъ-расточителей;

при существующей въ крестьянскомъ быту общности семейнаго имущества, расточитель наноситъ ущербъ не только себѣ и своимъ нисходящимъ, но также и боковымъ родственникамъ; предупредительныя мѣры въ данномъ случаѣ нужны въ интересахъ крестьянскаго хозяйства и въ видахъ воздѣйствія на нравственную среду крестьянъ.

Но если губернскія совѣщанія разошлись между собою во взглядахъ относительно своевременности изданія закона объ опекѣ надъ расточителями изъ сельской среды, то самое понятіе расточительности всѣми ими опредѣлялось одинаково: подъ расточительностью разумѣлось „мотовство и пьянство“.

Задача губернскихъ совѣщаній этимъ не исчерпывалась. Имъ предстояло еще, въ случаѣ признанія необходимости особаго закона объ опекѣ надъ крестьянами-расточителями, высказаться и по вопросу о томъ, удовлетворяютъ ли этой цѣли общегражданскіе законы, или же для сельскаго населенія нуженъ въ этомъ отношеніи особый порядокъ и какой именно?

Усвоивъ указанный выше своеобразный взглядъ на понятіе расточительности въ примѣненіи къ сельской средѣ, губернскія совѣщанія должны были логически отвергнуть предположеніе о возможности распространенія на крестьянъ законоположеній объ опекѣ надъ расточителями у дворянъ и городскихъ сословій. Законоположенія эти, при всемъ ихъ несовершенствѣ, предоставляютъ слишкомъ уже много гарантій лицу, правоспособность котораго, въ случаѣ признанія его расточителемъ, можетъ подвергнуться существенному ограниченію; губернскія совѣщанія, повидимому, полагали, что для крестьянъ, какъ для лицъ уже и безъ того достаточно ограниченныхъ въ своей правоспособности круговою порукою и общностью семейнаго имущества, въ связи съ общиннымъ землепользованіемъ, можно установить упрощенные способы отдачи подъ опеку, а слѣдовательно, лишенія и той доли правоспособности, которая еще у нихъ оставалась. Псковское,

напримѣръ, совѣщаніе прямо заявляетъ: „распространеніе на крестьянъ дѣйствующаго закона о такого рода опекахъ у дворянъ и городскихъ сословій не представляется возможнымъ, въ виду неполноты такого законодательства. Кромѣ того, производство каждый разъ цѣлаго дознанія административнымъ порядкомъ, какъ это предписывается нашимъ закономъ относительно расточителей, весьма неудобно. Для крестьянъ, поэтому, долженъ быть введенъ особый порядокъ“...

„Для признанія крестьянина подлежащимъ опекѣ за расточительность,—замѣчаютъ, съ своей стороны, нѣкоторыя уѣздныя совѣщанія тамбовской губерніи,—достаточно дознанія, произведеннаго земскимъ начальникомъ, и постановленія о томъ уѣзднаго съѣзда, неподлежащаго обжалованію“... „Учреждать надъ расточителями (т. е. пьяницами, а иногда развратниками) опекуновъ съ такими обязанностями, какъ въ другихъ сословіяхъ, нельзя,—говоритъ одно изъ уѣздныхъ совѣщаній таврической губерніи,—потому что никто не возьметъ на себя трудъ распоряжаться чужимъ домомъ, когда тамъ есть хозяева“... „Установленіе для крестьянъ правилъ по опекамъ за расточительность, какія существуютъ для дворянъ и другихъ сословій,—по мнѣнію полтавскаго совѣщанія,—не представляется удобнымъ; здѣсь необходимо создать болѣе простой и болѣе дѣйствительный способъ“...

Необходимость иного порядка признанія крестьянина расточителемъ и наложенія на него опеки, нежели тотъ, который усвоенъ общегражданскимъ закономъ, признается, между прочимъ, и саратовскимъ совѣщаніемъ, но—что заслуживаетъ особеннаго вниманія,—этотъ иной порядокъ (участіе сельскаго схода) предлагается означеннымъ совѣщаніемъ именно въ видахъ большаго обезпеченія интересовъ лица, которому грозитъ опасность быть отданнымъ подъ опеку. „Такъ какъ установленіе опеки надъ лицомъ правоспособнымъ,—разсуждаетъ саратовское совѣщаніе,—представляется ограниченіемъ наисущественнѣйшаго права его свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, то принятіе такой крайней мѣры слѣдуетъ обставить достаточными гарантіями въ безпристрастіи“. Такому условію наиболѣе соотвѣтствуетъ будто бы разрѣшеніе дѣла сельскимъ сходомъ. „Будучи связанъ круговою порукою со своими членами,—поясняетъ свою мысль саратовское совѣщаніе,—сходъ заинтересованъ, чтобы остальные члены общества не расточали своего имущества и чтобы въ силу круговой поруки общество не было поставлено въ необходимость отвѣчать своимъ имуществомъ за расточителя“. Таковы „достаточныя гарантіи въ безпристрастіи“, придуманныя саратовскимъ губернскимъ совѣщаніемъ для крестьянъ-расточителей.

Отрицательное отношеніе губернскихъ совѣщаній къ мысли о томъ, чтобы на крестьянъ были распространены общегражданскія узаконенія относительно расточителей, объясняется, несомнѣнно, укоре-

нившимся взглядомъ на крестьянина, какъ на человѣка, у котораго ничего собственнаго нѣтъ,—ибо все его имущество составляетъ общее достояніе семьи,—и который существуетъ главнымъ образомъ, если не исключительно, для того, чтобы исправно отбывать всякаго рода повинности. Отсюда—существенное расширеніе понятія расточительности и огромныя полномочія схода, который, по собственному усмотрѣнію, рѣшаетъ вопросъ о признаніи расточителемъ того или другаго изъ своихъ сочленовъ. Расточителемъ у крестьянъ, какъ полагаютъ губернскія совѣщанія, долженъ считаться не только тотъ, кто растрачиваетъ свое имущество, обнаруживая нѣкоторую умственную ненормальность въ своихъ дѣйствіяхъ; эта мѣрка хороша лишь въ отношеніи высшихъ сословій, а для крестьянъ должна быть другая: всякій мотъ, развратникъ и пьяница должны признаваться расточителями и,—во имя охраны общесемейной собственности,—подвергаться ограниченію правоспособности. Какъ, однако, сложилась бы общественная и семейная жизнь въ крестьянствѣ, если бы всѣ „моты" и, въ особенности, всѣ пьяницы отдавались подъ опеку? Вопросъ этотъ мало озабочивалъ губернскія и уѣздныя совѣщанія. „Ограниченіе въ данномъ случаѣ власти не только старшаго въ родѣ, но даже и родителей, заявляетъ одно изъ тамбовскихъ уѣздныхъ совѣщаній,—вполнѣ справедливо, тѣмъ болѣе, что пьяницы, развратники и моты не могутъ признаваться людьми съ вполнѣ здравымъ разсудкомъ". „Когда глава крестьянской семьи будетъ осужденъ за мотовство и пьянство,—замѣчаетъ съ своей стороны тамбовское губернское совѣщаніе,—то общество, по своему усмотрѣнію, по ходатайству членовъ семьи и по требованію старосты, старшины или земскаго начальника, имѣетъ право старшимъ въ семьѣ поставить другаго члена семьи, не исключая лицъ женскаго пола, безъ разрѣшенія котораго расточитель не имѣлъ бы права продавать что-либо изъ семейнаго имущества". Что было бы, если бы подобное правило дѣйствовало и по отношенію къ другимъ сословіямъ, гдѣ моты, пьяницы и развратники приносятъ не менѣе, если только не болѣе, ущерба своимъ семьямъ, нежели такіе же крестьяне? И легко представить себѣ внутреннюю жизнь крестьянской семьи, гдѣ „старшимъ членомъ" дѣлается жена, дочь или сынъ домохозяина, предающагося пороку пьянства и на этомъ основаніи отдаваемаго въ опеку!

Предположенія губернскихъ совѣщаній, относящіяся до порядка учрежденія опеки надъ расточителями, при всемъ внѣшнемъ ихъ разнообразіи, могутъ быть сведены къ нижеслѣдующимъ главнѣйшимъ основаніямъ. Почти всѣ губернскія совѣщанія надѣляютъ земскаго начальника огромными полномочіями въ дѣлѣ возбужденія вопроса объ отдачѣ даннаго крестьянина подъ опеку за „расточительность"; правомъ этимъ земскій начальникъ пользуется даже вопреки непосредственно заинтересованнымъ лицамъ, т. е. ближайшимъ членамъ

семьи расточителя. Далѣе, мнѣнія губернскихъ совѣщаній раздѣлились. Одни изъ нихъ, меньшинство, отводятъ преобладающую роль волостному суду, который устанавливаетъ фактъ расточительности; рѣшеніе волостнаго суда вносится земскимъ начальникомъ въ уѣздный съѣздъ и получаетъ силу съ утвержденія губернскаго присутствія; большинство же губернскихъ совѣщаній предоставляетъ право наложенія опеки на расточителей сельскому сходу, приговоръ котораго провѣряется земскимъ начальникомъ, разсматривается уѣзднымъ съѣздомъ и утверждается губернскимъ присутствіемъ. Въ указанную схему укладываются, болѣе или менѣе, предположенія всѣхъ губернскихъ совѣщаній. Нѣсколько особнякомъ стоитъ лишь мнѣніе псковскаго губернскаго совѣщанія, которое предлагаетъ предоставить уѣзднымъ съѣздамъ право назначать опеку надъ расточителями по представленіямъ земскихъ начальниковъ, помимо сельскихъ сходовъ и волостныхъ судовъ, однако, съ утвержденія губернскаго присутствія.

Безпочвенность всѣхъ приведенныхъ предположеній слишкомъ очевидна и врядъ ли нуждается въ доказательствахъ. Земскій начальникъ, если бы у него и была физическая возможность, при всѣхъ его другихъ обязанностяхъ, заняться преслѣдованіемъ расточителей, является слишкомъ властнымъ должностнымъ лицомъ въ деревнѣ, чтобы ему можно было предоставить право столь широкаго почина отдачи подъ опеку за расточительность, въ особенности, если принять во вниманіе, что контроль уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія въ данномъ случаѣ былъ бы чисто формальнымъ. Далѣе, отдача подъ опеку за расточительность сопровождается слишкомъ серьезнымъ ограниченіемъ правоспособности лица, чтобы можно было предоставить право это волостному суду въ его нынѣшней организаціи. Еще съ меньшимъ основаніемъ можно предоставить это право сельскимъ сходамъ. Послѣдніе довольно безразлично относятся и къ общественнымъ дѣламъ и вовсе не склонны вмѣшиваться въ семейныя дѣла своихъ сочленовъ; круговая порука ихъ къ этому не обязываетъ, такъ какъ сельское общество вооружено весьма серьезными правами въ отношеніи недоимщиковъ, да и отмѣна круговой поруки, какъ института вреднаго, уже отжившаго свое время, поставлена правительствомъ на ближайшую очередь.

Иначе разрѣшается вопросъ объ опекѣ надъ расточителями коммисіею по составленію гражданскаго уложенія, въ разработанномъ ею и изданномъ въ 1897 году проектѣ опекунскаго устава.

Недостатки дѣйствующаго законодательства о расточителяхъ, по мнѣнію коммисіи, можно свести къ тремъ пунктамъ: объявленіе лицъ неправоспособными предоставлено установленіямъ административнымъ; порядокъ этого объявленія разнообразенъ, преимущественно основанъ на сословномъ элементѣ и въ отношеніи нѣкоторыхъ сословій въ законахъ или нѣтъ никакихъ постановленій (напримѣръ, о духовенствѣ),

или имѣются только отрывочныя постановленія (относительно лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ разрядовъ сельскаго сословія, напримѣръ, бывшихъ колонистовъ); относительно же вообще сельскихъ обывателей нѣтъ общихъ правилъ.

Взамѣнъ существующаго порядка производства дѣлъ о расточителяхъ, проектъ примѣняетъ къ этимъ дѣламъ правила, проектированныя для объявленія неправоспособными душевно-больныхъ. Исходя изъ того положенія, что только судъ можетъ постановить объ ограниченіи правоспособности лица совершеннолѣтняго, проектъ передаетъ дѣла объ объявленіи расточителя неправоспособнымъ окружному суду, которому должны быть подвѣдомы дѣла всѣхъ сословій. Возбужденіе дѣлъ о расточительности проектъ предоставляетъ преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя ближе всего, по семейному положенію, стоятъ къ расточителю, входятъ въ составъ его семьи или же имѣютъ непосредственное ближайшее, родственное къ нему отношеніе. Изъ числа такихъ лицъ на первомъ планѣ стоитъ, безъ сомнѣнія, супругъ расточителя (мужъ или жена), судьба котораго обыкновенно неразрывно связана съ судьбою другого супруга. Такое право супруга вытекаетъ не изъ одного только личнаго его интереса, не изъ одной лишь заботы о собственной судьбѣ, но изъ нравственнаго долга попеченія о судьбѣ другого супруга, его общественномъ положеніи и экономическомъ благосостояніи. Эта обязанность еще важнѣе, если у супруговъ имѣются несовершеннолѣтнія дѣти или на попеченіи ихъ находятся престарѣлые родители или даже другіе родственники. Такое же право проектъ предоставляетъ и совершеннолѣтнимъ дѣтямъ и родителямъ расточителя, въ особенности, когда у расточителя нѣтъ супруга въ живыхъ или онъ не находится на-лицо, а между тѣмъ у расточителя есть совершеннолѣтніе дѣти. По тѣмъ же основаніямъ, если нѣтъ указанныхъ выше лицъ, право ходатайствовать объ объявленіи лица расточителемъ признано справедливымъ предоставить и другимъ его родственникамъ, безъ опредѣленія степени родства. Весьма возможно, что у расточителя нѣтъ ни супруга, ни дѣтей, ни другихъ родственниковъ, которые могли бы ходатайствовать объ объявленіи его расточителемъ, или же что лица эти, по какимъ-либо причинамъ, не хотятъ вовсе возбуждать дѣла о расточительности или взять на себя починъ этого дѣла. Въ подобныхъ случаяхъ возбужденіе дѣла о расточительности проектъ относитъ къ обязанности лицъ прокурорскаго надзора, къ которому могутъ обращаться съ своими заявленіями и частныя лица, и лица правительственныя, и сословные представители.

Такимъ намѣчается въ проектѣ коммисіи по составленію гражданскаго уложенія порядокъ возбужденія дѣла о наложеніи опеки надъ расточителями. Не касаясь частностей этого проекта, необходимо замѣтить, что въ его основу положена мысль правильная и справед-

ливая. Она состоитъ въ томъ, что институтъ опеки надъ расточителями отнюдь не долженъ имѣть сословнаго характера и что поэтому всѣ лица, дѣйствія которыхъ по распоряженію имуществомъ могутъ явиться поводомъ къ наложенію на нихъ опеки за расточительность, должны бы пользоваться одинаковыми въ этомъ отношеніи гарантіями, безотносительно къ ихъ сословной принадлежности. Расточительность признается явленіемъ нежелательнымъ, нарушающимъ интересы государственные и частно-имущественные, а потому и побуждающимъ законодателя принять въ отношеніи расточителей извѣстныя предупредительныя мѣры, въ видѣ ограниченія ихъ правоспособности; но очевидно, что ущербъ, наносимый означеннымъ интересамъ дѣйствіями расточителя, опредѣляется исключительно характеромъ этихъ дѣйствій, а отнюдь не сословнымъ положеніемъ расточителя.

Переходя къ вопросу о примѣнимости къ крестьянскому населенію постановленій дѣйствующаго законодательства о порядкѣ признанія душевно-больныхъ неправоспособными, замѣтимъ, что вопросъ этотъ разрѣшается губернскими совѣщаніями различно.

Нѣкоторыя губернскія совѣщанія полагаютъ, что означенное законодательство по отношенію къ крестьянамъ не требуетъ никакихъ принципіальныхъ измѣненій. Измѣненія могли бы состоять развѣ только въ томъ, чтобы облегчить душевно-больнымъ крестьянамъ возможность освидѣтельствованія; такая цѣль могла бы быть достигнута учрежденіемъ особаго уѣзднаго присутствія изъ представителей тѣхъ же вѣдомствъ, которые въ настоящее время участвуютъ въ составѣ особаго губернскаго присутствія, при губернскомъ правленіи, свидѣтельствующаго душевно-больныхъ. Таврическое губернское совѣщаніе высказываетъ даже пожеланіе, чтобы опредѣленіе губернскаго присутствія о признаніи крестьянъ душевно-больными приводилось въ исполненіе не иначе, какъ съ разрѣшенія правительствующаго сената, — каковой порядокъ установленъ для всѣхъ другихъ сословій.

Однако, весьма многія губернскія совѣщанія стоятъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія: имѣя въ виду своеобразныя условія юридическаго и хозяйственнаго быта сельскаго населенія, они полагаютъ, что порядокъ освидѣтельствованія и признанія крестьянъ душевно-больными могъ бы отличаться гораздо большею простотою и отсутствіемъ излишнихъ формальностей. Выдающуюся роль въ этомъ дѣлѣ означенныя совѣщанія отводятъ сельскимъ сходамъ, а равно крестьянскимъ учрежденіямъ и ихъ съѣздамъ. Новгородское, напр., губернское совѣщаніе полагаетъ, что измѣненіе дѣйствующихъ узаконеній желательно лишь въ смыслѣ перехода къ болѣе упрощенному порядку признанія крестьянъ душевно-больными — „по образцу, существующему для уголовныхъ преступниковъ“, а именно: земскимъ начальникомъ составляется актъ осмотра, при участіи врача, и пред-

ставляется на утвержденіе уѣзднаго съѣзда. Уфимское губернское совѣщаніе, съ своей стороны, высказываетъ мысль, что по отношенію къ крестьянамъ „вовсе не требуется признанія ихъ съумасшедшими, какъ это установлено по отношенію къ дворянамъ“. Достаточно, если сходъ составитъ приговоръ объ устраненіи лица, признаваемаго имъ душевно-больнымъ, отъ завѣдыванія хозяйствомъ; такой приговоръ „непремѣнно“ утверждается земскимъ начальникомъ. Нѣкоторыя рязанскія уѣздныя совѣщанія, а вслѣдъ за ними и губернское совѣщаніе проводятъ различіе между богатыми и бѣдными крестьянами. Когда у душевно-больнаго крестьянина имѣется „значительное состояніе, свыше 1,000 рублей“, то порядокъ освидѣтельствованія умственныхъ его способностей и признаніе его душевно-больнымъ производится на общемъ основаніи; всѣ же остальные крестьяне свидѣтельствуются и засимъ ограничиваются въ своей правоспособности уже другимъ, болѣе упрощеннымъ порядкомъ. Наконецъ, по мнѣнію виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, разрѣшеніе вопроса объ установленіи опеки надъ расточителями, сумасшедшими и слабоумными крестьянами должно быть поставлено въ зависимость отъ приговоровъ сельскихъ сходовъ, разсматриваемыхъ мировыми посредниками и утверждаемыхъ ихъ съѣздами.

Всѣ такого рода предположенія, очевидно, исходятъ изъ того общаго взгляда, что для крестьянина вообще, а въ особенности для крестьянина бѣднаго, ограниченіе правоспособности существеннаго значенія не представляетъ и что, слѣдовательно, онъ нисколько не заинтересованъ въ существованіи гарантій, которыя въ этомъ отношеніи предоставлены лицамъ высшихъ сословій, хотябы и находящимся не только въ одинаковомъ, но нерѣдко даже въ худшемъ, по сравненію съ крестьянами, имущественномъ положеніи. Въ частности, предоставленіе сельскимъ сходамъ особенно дѣятельнаго участія въ возбужденіи дѣла и даже въ признаніи односельчанъ душевно-больными, очевидно, основано на недоразумѣніи. Необходимо имѣть въ виду, что составители крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 года, надѣляя сельскій сходъ тѣми или другими правомочіями въ дѣлѣ упорядоченія семейно-имущественныхъ отношеній членовъ сельскаго общества, руководствовались исключительно тѣмъ соображеніемъ, что такого рода отношенія, въ случаѣ могущихъ возникнуть споровъ и столкновеній, должны быть регулируемы на почвѣ мѣстныхъ обычаевъ и, слѣдовательно, должны подлежать вѣдѣнію сельскаго схода, какъ хранителю и знатоку мѣстнаго обычнаго права. Но само собою разумѣется, что въ порядкѣ освидѣтельствованія душевно-больныхъ крестьянъ никакого обычнаго права выработаться не могло, да и вообще трудно допустить мысль, чтобы признаніе даннаго лица неправоспособнымъ, со всѣми вытекающими отсюда тягостными для него послѣдствіями, могло быть поставлено въ зависимость отъ благоусмотрѣнія такой безпоря-

дочной и недисциплинированной толпы людей, какою сплошь и рядомъ является у насъ сельскій сходъ.

Весьма цѣлесообразно, съ точки зрѣнія общихъ началъ, поставленъ вопросъ объ объявленіи неправоспособнымъ вслѣдствіе душевной болѣзни даннаго лица, безотносительно къ его сословному положенію, въ проектѣ опекунскаго устава, разработанномъ коммисіею по составленію гражданскаго уложенія. Основныя положенія проекта заключаются въ слѣдующемъ. Такъ какъ лишеніе гражданской правоспособности должно принадлежать судебной власти, то проектъ, по примѣру правилъ, изданныхъ для губерній Царства Польскаго и прибалтійскихъ, относитъ дѣла объ объявленіи лица неправоспособнымъ къ вѣдомству окружныхъ судовъ, возлагая на нихъ все производство и постановленіе опредѣленія по существу. Неудобства доставленія больного въ окружный судъ и явки туда свидѣтелей изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей округа устраняются предоставленіемъ права возлагать эти дѣла на временное отдѣленіе суда, выѣзжающее въ уѣзды для разрѣшеніе уголовныхъ дѣлъ, а если больной не можетъ быть доставленъ въ засѣданіе суда, то допросъ больнаго, при участіи врачей, можетъ быть произведенъ въ мѣстѣ его пребыванія однимъ изъ членовъ суда или мѣстнымъ опекунскимъ начальникомъ.

Дѣйствующее законодательство предоставляетъ возбужденіе дѣла семейству больного, его родственникамъ или наслѣдникамъ. Сохраняя это общее начало, проектъ опекунскаго устава опредѣляетъ, что право возбужденія дѣла принадлежитъ прежде всего ближайшимъ членамъ семьи: родителямъ, дѣтямъ и супругу больного. При наличности ихъ, нѣтъ основанія предоставлять другимъ родственникамъ непосредственное вмѣшательство. Нельзя было, однако, не предусмотрѣть, что иногда никто изъ означенныхъ лицъ не позаботится о возбужденіи производства, несмотря на необходимость оградить интересы больного, учрежденіемъ опеки, а иногда у больного и не будетъ родственниковъ. Для этихъ случаевъ проектъ предоставляетъ право возбужденія дѣла должностному лицу. Нынѣ это право принадлежитъ губернатору, состоящему предсѣдателемъ губернскаго правленія, на которое возложено освидѣтельствованіе душевно-больныхъ. Съ предположенною передачею дѣла объ объявленіи душевно-больныхъ неправоспособными въ окружные суды, возбужденіе этихъ дѣлъ возлагается проектомъ на прокурорскій надзоръ,—какъ это установлено для варшавскаго судебнаго округа и для прибалтійскихъ губерній. Опека учреждается по мѣсту жительства объявленнаго неправоспособнымъ вслѣдствіе душевной болѣзни и подчиняется правиламъ объ опекахъ надъ несовершеннолѣтними.

Обращаясь, наконецъ, къ опекѣ надъ малолѣтними крестьянами, необходимо сдѣлать краткую историческую справку для выясненія вопроса, подъ вліяніемъ какихъ соображеній и при какихъ обстоя-

тельствахъ, созданы законодательныя постановленія объ опекѣ у крестьянъ, въ силу которыхъ со времени крестьянской реформы и до настоящаго времени все предоставлено усмотрѣнію сельскаго общества, руководствующагося исключительно обычаемъ.

Въ моментъ, когда подготовлялась крестьянская реформа, губернскіе комитеты, въ составленныхъ ими проектахъ положеній, подчиняли срочно-обязанныхъ крестьянъ, въ отношеніи правъ семейственныхъ, общимъ гражданскимъ законамъ, причемъ лишь нѣкоторые комитеты дозволяли крестьянамъ, въ видѣ изъятія изъ общегражданскихъ законовъ относительно опеки и попечительства, руководствоваться своими мѣстными обычаями, впредь до составленія сельскаго устава. Редакціонныя коммисіи, съ своей стороны, тоже находили, что крестьянамъ, по освобожденіи ихъ изъ крѣпостной зависимости, слѣдуетъ предоставить всѣ тѣ права, которыми пользовались, на основаніи дѣйствовавшихъ постановленій, лица, принадлежавшія къ свободному сельскому состоянію. Въ частности, за невозможностью имѣть положительныя свѣдѣнія о мѣстныхъ обычаяхъ, которыми крестьяне руководствовались въ дѣлахъ по опекѣ и попечительству, нельзя, по мнѣнію редакціонныхъ коммисій, судить, достаточно ли охраняются тѣми обычаями права лицъ, подлежащихъ опекѣ; поэтому редакціонныя коммисіи полагали, что относительно учрежденія опекъ и попечительствъ надъ малолѣтними, несовершеннолѣтними и другими неполноправными лицами изъ крестьянъ, освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости, слѣдуетъ руководствоваться вообще существовавшими на этотъ предметъ узаконеніями. Становясь на такую точку зрѣнія, редакціонныя коммисіи, въ сводѣ своихъ заключеній по вопросу объ опекѣ и попечительствѣ, привели соотвѣтствующія постановленія первой части десятаго тома законовъ гражданскихъ, а относительно всѣхъ остальныхъ предоставляемыхъ крестьянамъ правъ семейственныхъ, — такія же постановленія, извлеченныя изъ другихъ томовъ свода законовъ.

Составленныя такимъ образомъ заключенія редакціонныхъ коммисій вызвали возраженія со стороны отдѣльныхъ членовъ губернскихъ комитетовъ. Въ частности Кошелевъ полагалъ совершенно неудобнымъ включать въ положеніе выписку статей свода законовъ, въ видѣ подтвержденія таковыхъ для крестьянскаго сословія. Слѣдуетъ, по его мнѣнію, сказать, что всѣ права личныя и семейственныя, на основаніи свода законовъ, принадлежатъ крестьянамъ, но что дозволяется имъ по этому предмету руководствоваться существующими между ними мѣстными обычаями. Гр. Шуваловъ и гр. Левашевъ, равнымъ образомъ, находили, что было бы достаточно опредѣлить въ положеніи лишь общія начала относительно предоставляемыхъ крестьянамъ правъ личныхъ и семейныхъ, оставивъ подробную по этому предмету кодификацію до изданія сельскаго устава, такъ какъ, при опредѣленіи

нѣкоторыхъ семейственныхъ отношеній, необходимо имѣть въ виду и мѣстные обычаи, нынѣ еще мало изслѣдованные или совершенно даже неизвѣстные. Наконецъ, сорокъ членовъ губернскихъ комитетовъ втораго приглашенія замѣтили, что освобождаемые крестьяне должны подчиниться общимъ гражданскимъ законамъ, которыхъ нѣтъ надобности подробно перечислять въ положеніи; необходимо только упомянуть о тѣхъ исключеніяхъ, которыя нужны по особенностямъ крестьянскаго быта.

На приведенныя возраженія членовъ губернскихъ комитетовъ редакціонныя коммисіи отвѣчали, что перечисленіе правъ крестьянъ по своду законовъ сдѣлано было ими только въ видѣ справки, вовсе безъ намѣренія переносить ихъ при окончательной кодификаціи въ положеніе. Коммисіи, съ своей стороны, признавали вполнѣ достаточнымъ упомянуть кратко о личныхъ и семейственныхъ правахъ крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и исчислить подробно только тѣ постановленія, которыми установлены будутъ особыя изъятія изъ общихъ законовъ, доколѣ означенные крестьяне будутъ оставаться въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику.

Что же касается выраженной членами губернскихъ комитетовъ необходимости дозволить крестьянамъ, въ области правъ личныхъ и семейственныхъ, руководствоваться и дѣйствующими законами и мѣстными своими обычаями, то редакціонныя коммисіи, находя и съ своей стороны, что крестьяне въ домашнемъ своемъ быту преимущественно придерживаются послѣднихъ, сознавали, что было бы неудобно и безполезно отрицать безусловно обычаи и противодѣйствовать крестьянамъ руководствоваться тѣмъ обычнымъ порядкомъ, который, вслѣдствіе постояннаго примѣненія въ повседневномъ ихъ быту, получилъ юридическое значеніе въ народной жизни. На этомъ основаніи редакціонныя коммисіи во многихъ случаяхъ положительно предоставили крестьянамъ руководствоваться мѣстными своими обычаями, какъ, напр., по дѣламъ о наслѣдствѣ, раздѣлѣ имущества, объ опекахъ и т. п. Но, съ другой стороны, онѣ находили, что нельзя безусловно сопоставлять обычное право съ дѣйствующими законами. Обычаи не имѣютъ, да по своему свойству и не могутъ имѣть обязательной силы закона и потому предоставленіе крестьянамъ права руководствоваться, по своему усмотрѣнію, обычаями и законами, открыло бы широкій просторъ произволу подчиняться или не подчиняться дѣйствію положительныхъ и для всѣхъ членовъ государства обязательныхъ законовъ.

Кромѣ этихъ общихъ возраженій, направленныхъ членами губернскихъ комитетовъ противъ заключеній редакціонныхъ коммисій, ими представлены были и частныя замѣчанія по отдѣльнымъ частямъ заключеній. Всѣ отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ по вопросу объ опекѣ и попечительству можно свести къ слѣдующимъ двумъ

мнѣніямъ: одни полагали, что не слѣдуетъ установлять для крестьянъ особый обязательный опекунскій порядокъ, а надлежитъ предоставить имъ безусловно руководствоваться мѣстными обычаями; другіе находили, что опекунскія правила, изложенныя по своду законовъ, не противорѣчатъ мѣстнымъ крестьянскимъ обычаямъ, но при этомъ полагали, что не слѣдуетъ воспрещать крестьянамъ руководствоваться и обычаями.

Редакціонныя коммисіи, съ своей стороны, объясняли, что законы, предназначаемые для лицъ крестьянскаго сословія, не должны безусловно стѣснять и противодѣйствовать ихъ мѣстнымъ обычаямъ, получившимъ въ ихъ быту юридическое значеніе вслѣдствіе постояннаго и продолжительнаго примѣненія. Въ противномъ случаѣ право писанное, вслѣдствіе несогласія съ дѣйствительною народною жизнью, останется на практикѣ безъ примѣненія. По этимъ основаніямъ редакціонныя коммисіи, постановляя опекунскія правила для крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, нисколько не предполагали тѣмъ препятствовать крестьянамъ руководствоваться своимъ мѣстнымъ обычнымъ опекунскимъ порядкомъ въ томъ случаѣ, само собою разумѣется, когда этотъ порядокъ ограждаетъ личныя и имущественныя права полноправныхъ лицъ крестьянскаго общества. Но едва ли можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что для крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, вовсе не слѣдуетъ установлять опекунскихъ правилъ. Обычный опекунскій порядокъ, какъ видно изъ имѣющихся отзывовъ членовъ губернскихъ комитетовъ, существуетъ не повсемѣстно между крестьянами, такъ какъ часто сами владѣльцы распоряжаются призрѣніемъ и обезпеченіемъ участи осиротѣвшихъ ихъ крестьянъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ крестьяне, не имѣя для своего руководства правилъ, должны были бы сами создавать обычный порядокъ. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что обычаи не имѣютъ обязательной силы закона, а потому крестьяне могутъ руководствоваться ими по доброй волѣ, а не по принужденію, и что только тѣ обычаи могутъ быть терпимы въ государствѣ, которые не противорѣчатъ понятіямъ справедливости, нравственности и не нарушаютъ общественнаго порядка. Руководствуясь этими соображеніями, редакціонныя коммисіи, примѣняясь къ порядку, установленному дѣйствовавшими законами для государственныхъ крестьянъ, постановили общія, немногосложныя правила, которыя, не стѣсняя крестьянъ въ ихъ мѣстныхъ обычаяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить, въ возможной мѣрѣ, къ огражденію интересовъ неполноправныхъ лицъ крестьянскаго сословія.

Плодомъ изложенныхъ соображеній и замѣчаній было нижеслѣдующее заключеніе редакціонныхъ коммисій, вошедшее почти безъ измѣненія въ положенія 19 февраля 1861 года: „попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ возлагается на обязанность сельскихъ обществъ. Въ назначеніи опекуновъ и попечителей,

въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются своими мѣстными обычаями; но если бы въ распоряженіяхъ міра родственники малолѣтняго усмотрѣли что-либо клонящееся къ его ущербу, то они могутъ обращаться къ защитѣ мирового посредника".

Однако, заключеніе редакціонныхъ коммисій о томъ, что назначеніе и утвержденіе къ круглымъ сиротамъ опекуновъ и повѣрка ихъ дѣйствій относится къ предметамъ вѣдѣнія сельскихъ сходовъ, вызвало новыя возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ губернскихъ комитетовъ. Они находили, что дѣла подобнаго рода никакъ не могутъ зависѣть отъ сходовъ, во-первыхъ, потому, что они не общаго интереса, во-вторыхъ, потому, что распоряженія по этому дѣлу должны быть сдѣланы безъ потери времени, и въ третьихъ, потому, что въ дѣлахъ частныхъ, до нѣкоторыхъ лицъ относящихся, личная отвѣтственность старосты или старшины лучше обезпечиваетъ правильность рѣшенія, нежели приговоръ схода. Что касается до повѣрки дѣйствій опекуновъ, то на сходѣ она даже невозможна. Къ тому же дѣла этого рода на крестьянскихъ сходахъ никогда и не производились: къ круглымъ сиротамъ, не имѣюшимъ крестныхъ отцовъ, ни родственниковъ, могутъ назначать опекуновъ старосты или старшины съ совѣта стариковъ. Но всѣ эти замѣчанія членовъ губернскихъ комитетовъ были оставлены безъ послѣдствій.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что первоначальное предположеніе редакціонныхъ коммисій состояло въ томъ, чтобы на крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, распространить, въ отношеніи личныхъ и семейственныхъ правъ, общія постановленія гражданскихъ законовъ; что предположеніе это, по отношенію къ опекѣ и попечительству, не осуществилось только изъ опасенія противодѣйствовать мѣстнымъ крестьянскимъ обычаямъ, которые, вслѣдствіе постояннаго и долговременнаго ихъ примѣненія, получили въ народномъ правосознаніи силу закона; что наличность такого рода обычаевъ въ крестьянской средѣ весьма рѣшительно опровергалась со стороны нѣкоторыхъ участниковъ крестьянской реформы,—и наконецъ,—что установленная общимъ положеніемъ 19 февраля 1861 г. обязанность сельскихъ сходовъ назначать и утверждать опекуновъ и производить повѣрку ихъ дѣйствій была обязанностью новою, не имѣвшею почвы въ условіяхъ дореформеннаго времени и не соотвѣтствовавшею, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ редакціонныхъ коммисій, общему характеру дѣятельности сельскихъ сходовъ. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что, подчиняя опекунское дѣло у крестьянъ всеобъемлящему дѣйствію обычая, а не положительнаго закона, дѣятели крестьянской реформы полагали, что такой исключительный порядокъ во всякомъ случаѣ будетъ имѣть временный характеръ и потеряетъ силу съ изданіемъ сельскаго устава.

Уставъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ изданъ, а между тѣмъ начала, усвоенныя положеніями 19 февраля 1861 г., были впослѣдствіи распространены и на другія, кромѣ крѣпостного, сельскія сословія, у которыхъ существовали, однако, болѣе или менѣе обстоятельныя правила объ опекахъ. Такъ, напр., отмѣнены были изложенныя въ первой части десятаго тома свода законовъ (изд. 1857 г.) правила объ опекѣ надъ малолѣтними дѣтьми государственныхъ крестьянъ, хотя опытомъ практической жизни дознана была разумность и цѣлесообразность большинства этихъ правилъ.

Въ конечномъ результатѣ, благодаря примѣненію крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 г., предоставившихъ опекунское дѣло безконтрольному усмотрѣнію сельскихъ сходовъ, весьма существенные имущественные интересы крестьянъ остались безъ надлежащей охраны.

Сельскія общества относятся къ интересамъ сиротъ совершенно безучастно, и часто распоряженія сходовъ клонятся къ ихъ вреду; пользуясь свободою дѣйствій, они совсѣмъ не учреждаютъ опеки и оставляютъ малолѣтнихъ и имущество на произволъ судьбы или же учреждаютъ опеку только для формы. Въ опекуны нерѣдко назначаются лица, или мало способныя вести хозяйство малолѣтнихъ, или не заслуживающія довѣрія. Члены общества, которые приняли на себя заботу о воспитаніи малолѣтнихъ, будутъ ли то родственники или сторонніе люди, тѣмъ самымъ признаются опекунами надъ имуществомъ наслѣдниковъ, причемъ по общему правилу общество считаетъ излишнимъ регулировать имущественныя отношенія опекуновъ къ малолѣтнимъ, а также приводить въ точную извѣстность составъ имущества, поступающаго въ распоряженіе опекуна. Описи имущества малолѣтнихъ часто вовсе не бываетъ, такъ что невозможно и провѣрить дѣйствія опекуна, или же такая опись составляется для вида и въ нее включается не все наличное имущество малолѣтнихъ. Въ екатеринославской, напр., губерніи опекуны, по вступленіи въ свои права, производятъ, въ присутствіи старосты и оцѣнщиковъ, опись и оцѣнку имущества сиротъ; но имущество оцѣнивается гораздо ниже дѣйствительной стоимости; движимое имущество продается, съ разрѣшенія схода, за ничтожную цѣну; сиротскіе долги не взыскиваются; большая часть ихъ изъ года въ годъ переписывается и наслѣдники, по достиженіи совершеннолѣтія, вынуждены сами отыскивать жалкіе остатки своего имущества; недвижимое имущество сиротъ находится въ номинальномъ завѣдываніи опекуновъ которые совершенно не наблюдаютъ за этимъ имуществомъ, вслѣдствіе чего постройки преждевременно разрушаются и приходятъ въ окончательную негодность. Отсюда вытекаютъ—полная безурядица въ дѣлѣ опеки, возможность злоупотребленій, споры относительно состава наслѣдственнаго имущества какъ со стороны наслѣдниковъ,

по достиженіи ими совершеннолѣтія, такъ и постороннихъ лицъ, состоявшихъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ умершему. Остается безъ всякой защиты и утрачивается самое право малолѣтнихъ на пользованіе общественнымъ надѣломъ, ибо съ теченіемъ времени, при отсутствіи у крестьянъ документовъ на землепользованіе, становится невозможнымъ доказать какимъ-либо порядкомъ размѣры правъ на усадебную землю, принадлежавшую родителямъ такихъ сиротъ, а право на отводъ полевого надѣла для лица, не имѣющаго ни усадьбы, ни хозяйства, при невозможности заведенія таковаго на новомъ мѣстѣ, остается часто однимъ голымъ правомъ. Иски, вчиняемые или самими малолѣтними, по достиженіи ими совершеннолѣтія, или ихъ матерями, какъ природными опекуншами, въ волостныхъ судахъ о правѣ на оставшееся послѣ смерти родителя имущество, не всегда разрѣшаются удовлетвореніемъ исковыхъ требованій. Въ большинствѣ случаевъ волостной судъ, ссылаясь въ своемъ рѣшеніи на обычай, признаетъ означенные иски не подлежащими удовлетворенію, причемъ такія рѣшенія оставляются въ силѣ и крестьянскими учрежденіями, такъ какъ послѣднія не входятъ въ существо рѣшеній. Такимъ образомъ, въ мѣстностяхъ общиннаго пользованія землею, при существующихъ въ настоящее время порядкахъ, малолѣтніе сироты ничѣмъ не гарантированы отъ присвоенія и растратъ, совершаемыхъ сторонними имъ лицами (сдольниками), при управленіи послѣдними имуществомъ, оставшимся послѣ смерти родителей малолѣтнихъ или близкихъ имъ родственниковъ. Не лучше обстоитъ дѣло и въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ подворно-участковымъ землевладѣніемъ. И здѣсь сельскій сходъ относится совершенно равнодушно къ участи малолѣтнихъ, непрочь и обдѣлить ихъ, если являются вліятельныя лица, желающія получить землю, находящуюся въ пользованіи малолѣтнихъ, а у этихъ послѣднихъ не окажется въ средѣ общества энергическаго заступника.

Особенно неблагопріятными послѣдствіями сопровождается на практикѣ правило, по которому обязанность относительно учрежденія опеки надъ имуществомъ и личностью крестьянскихъ сиротъ, а равно и отвѣтственность за дѣйствія опекуновъ и попечителей, назначенныхъ сельскимъ сходомъ, лежитъ на томъ сельскомъ обществѣ, къ которому принадлежатъ малолѣтніе, а не на обществѣ, въ которомъ можетъ находиться имущество малолѣтнихъ, хотя бы имущество состояло въ предѣлахъ даже другой губерніи. Гдѣ бы малолѣтній ни проживалъ, опекуна къ нему назначаетъ, по закону, только сельскій сходъ того общества, къ которому малолѣтній приписанъ. При такихъ условіяхъ весьма нерѣдко бываетъ, что несовершеннолѣтніе крестьяне долгое время остаются вовсе безъ опекуновъ, а принадлежащее имъ имущество, за отсутствіемъ надлежащаго надзора, подвергается расхищенію. Впрочемъ, и своевременное назначеніе сельскимъ сходомъ опекуна отнюдь не ограждаетъ интереса малолѣтнихъ

сиротъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда опекуну, обыкновенно безграмотному, приходится управлять имуществомъ, имѣющимъ городской характеръ, состоящимъ въ торговомъ или промышленномъ заведенiи. Отвѣтственность опекуновъ за причиненные сиротамъ убытки въ настоящее время сводится къ полной безнаказанности. Надъ опекунами со стороны сельскихъ обществъ нѣтъ никакого фактическаго надзора, а въ случаѣ злоупотребленiй со стороны опекуновъ, само общество является иногда укрывателемъ этихъ злоупотребленiй и выдаетъ опекунамъ учетный приговоръ, въ которомъ всѣ произведенные ими расходы и траты по опекѣ признаются правильными. Въ отчетахъ опекуновъ, между прочимъ, очень часто показываются крупныя суммы, истраченныя на похороны и поминки покойныхъ родителей сиротъ; такого рода расходныя статьи охотно утверждаются сходами, такъ какъ случается, что иногда весь сходъ угощался за счетъ сиротъ, поминая ихъ родителей. Опытъ показываетъ, что столь кропотливая обязанность, какъ учетъ опекуновъ, и притомъ не имѣющая непосредственной связи съ интересами сходовъ и отдѣльныхъ его членовъ, исполняется, по общему правилу, поверхностно, а иногда и вовсе не исполняется.

Жалобы на опекуновъ и на сельскiй сходъ со стороны пострадавшихъ лицъ въ настоящее время почти невозможны. Назначенiе опекуновъ предоставлено усмотрѣнiю сельскаго схода и никѣмъ не провѣряется. Опекуны и сами лишены возможности обжаловать неправильныя дѣйствiя сельскаго схода по распоряженiю принадлежащимъ сиротамъ имуществомъ, чаще всего земельнымъ надѣломъ. Жаловаться на неправильныя распоряженiя сельскаго схода предоставлено только родственникамъ несовершеннолѣтняго, но они могутъ и не воспользоваться своимъ правомъ жалобы, да, кромѣ того, родственниковъ у сироты можетъ и не быть. Ни на волостныя правленiя, ни на органовъ правительственнаго надзора за крестьянскимъ дѣломъ не возложено обязанности наблюденiя за дѣйствiями опекуновъ и сельскихъ сходовъ по опекѣ помимо жалобъ; жалобы же, хотя и разсматриваются по существу, но такъ какъ сходы во всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ по опекѣ руководствуются не указанiями положительнаго закона, а мѣстными обычаями, ссылка на которые не можетъ быть оспариваема, то при разсмотрѣнiи крестьянскими учрежденiями жалобъ встрѣчаются недоразумѣнiя, въ виду которыхъ нѣтъ никакой возможности удовлетворить вполнѣ справедливое и основательное заявленiе. Хотя обиженные дѣйствiями опекуновъ, по достиженiи совершеннолѣтiя, и возбуждаютъ въ подлежащихъ судебныхъ мѣстахъ жалобы на нихъ, но жалобы эти не достигаютъ своей цѣли, какъ потому, что обиженные не имѣютъ доказательствъ, подтверждающихъ основательность сдѣланныхъ ими заявленiй, а сельскiе сходы всегда склонны поддерживать сторону обидчиковъ, какъ провѣрявшiе ихъ дѣйствiя и

*

заинтересованные въ оправданіи виновныхъ, такъ и потому, что у виновныхъ, въ большинствѣ случаевъ, не оказывается имущества, изъ котораго можно было бы возмѣстить понесенные опекаемыми убытки.

Современное положеніе крестьянскаго опекунскаго дѣла характеризуется полнымъ отсутствіемъ надзора за опекунами со стороны сельскаго схода, и за дѣйствіями самихъ сельскихъ сходовъ—со стороны крестьянскихъ учрежденій. Хотя земскому начальнику предоставлено право наблюдать за опекунствами, учреждаемыми надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскаго состоянія, и разрѣшать жалобы, приносимыя на дѣйствія опекуновъ,—однако, дѣятельность земскихъ начальниковъ въ этомъ отношеніи не дала сколько-нибудь плодотворныхъ результатовъ. Въ настоящее время, какъ и прежде, огромное число сиротскихъ имуществъ и сами сироты остаются у крестьянъ внѣ всякаго опекунскаго надзора. Такъ, напр., по свѣдѣніямъ новгородскаго губернскаго присутствія, относящимся до 1893 и 1894 гг., въ нѣкоторыхъ участкахъ земскихъ начальниковъ не показано ими ни по одной опекѣ, въ иныхъ—открыто только по одной, по двѣ, по шести или по десяти опекъ, при количествѣ домохозяйствъ въ каждомъ участкѣ отъ 1,700 до 3,200. То же замѣчено и относительно денежныхъ суммъ. Во второмъ участкѣ бѣлозерскаго уѣзда показано въ 1893 году 34 опеки, но безъ какихъ-либо денежныхъ суммъ на нихъ, а въ 1894 году—35 опекъ лишь съ 37 руб. Въ третьемъ участкѣ тихвинскаго уѣзда значится за 1893 годъ въ 37 опекахъ только 122 руб., а за 1894 годъ въ 44 опекахъ—лишь 146 руб. Въ седьмомъ участкѣ новгородскаго уѣзда и въ третьемъ участкѣ кирилловскаго уѣзда за 1894 годъ по 16 дѣйствовавшимъ въ каждомъ участкѣ опекамъ не показано никакихъ суммъ. Въ губерніяхъ черноземныхъ степныхъ встрѣчаются волости, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ не было установлено ни одного опекунскаго управленія.

Недостаточность надзора со стороны земскихъ начальниковъ и невозможность этимъ путемъ упорядочить крестьянское опекунское дѣло признается и значительнымъ числомъ губернскихъ совѣщаній. По мнѣнію тверского совѣщанія, предоставленный земскимъ начальникамъ надзоръ за опекунствами является недостаточнымъ коррективомъ, такъ какъ земскій начальникъ имѣетъ возможность слѣдить за дѣйствіями сельскаго общества по назначенію опеки лишь въ случаѣ поступленія какой-либо жалобы и повѣрять дѣйствія формально избраннаго опекуна въ томъ же случаѣ; но отъ него совершенно ускользаютъ тѣ моменты, когда составъ имущества долженъ быть приведенъ въ извѣстность и учреждена опека. Тамбовское губернское совѣщаніе замѣчаетъ, что надзоръ земскихъ начальниковъ не можетъ быть такимъ детально строгимъ, какъ это должно бы быть, при существованіи въ участкѣ, напр., 30—40 опекъ, дѣла о которыхъ хранятся въ волостныхъ правленіяхъ; невозможно помимо частныхъ жалобъ услѣ-

дить за всѣми мелочными дѣйствіями опекуновъ по хозяйству малолѣтнихъ. Равнымъ образомъ, и екатеринославское губернское совѣщаніе находитъ, что слабый контроль со стороны земскихъ начальниковъ за дѣйствіями сельскихъ сходовъ и и должностныхъ лицъ по опекунскимъ дѣламъ не мало способствуетъ безпорядкамъ въ дѣлахъ этого рода.

Неупорядоченность крестьянскаго опекунскаго дѣла давно уже обращала на себя вниманіе правительства. Въ самое послѣднее время вопросъ этотъ былъ подвергнутъ ближайшему разсмотрѣнію со стороны какъ губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ, такъ и коммисіи по составленію гражданскаго уложенія. И губернскія совѣщанія, и коммисія, не ограничиваясь критическимъ разборомъ дѣйствующихъ узаконеній о крестьянскихъ опекахъ, составили рядъ предположеній, направленныхъ къ достиженію правильной постановки опекунскаго дѣла у крестьянъ. Однако, при полномъ почти тождествѣ критическаго взгляда на недостатки дѣйствующихъ узаконеній о крестьянскихъ опекахъ, губернскія совѣщанія и коммисія весьма неодинаково смотрятъ на характеръ предстоящей въ этой области реформы.

Главнѣйшій недостатокъ современной постановки крестьянскаго опекунскаго дѣла очень многія губернскія совѣщанія усматриваютъ въ роли, отведенной дѣйствующими узаконеніями сельскому сходу. Сходъ, по закону сельскій, а на практикѣ всегда селенный, состоитъ изъ лицъ, среди которыхъ люди, близкіе къ сиротѣ и потому всегда болѣе способные принять участіе въ заботахъ о немъ, не имѣютъ исключительнаго права голоса. Большинство схода состоитъ изъ лицъ совершенно безразличныхъ. Собираться для обсужденія сиротскихъ дѣлъ сходъ не имѣетъ ни времени, ни охоты, а потому, даже въ случаѣ назначенія опекуна, послѣдній дѣйствуетъ всегда безотчетно и безконтрольно. Матеріальная отвѣтственность общества, признаваемая въ принципѣ закономъ, не приводитъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Въ спорѣ съ цѣлымъ обществомъ никогда нельзя найти ни свидѣтелей, ни доказательствъ. При многочисленномъ составѣ селенія, сходъ, уже по трудности собранія его, вообще не способенъ быть органомъ, дѣйствующимъ съ надлежащею быстротою. Наконецъ, интересы общества, въ большинствѣ случаевъ, не совпадаютъ съ интересами осиротѣвшаго двора; распаденіе послѣдняго, даже совершенное исчезновеніе его даетъ обществу излишнюю полевую землю и усадебный участокъ. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ нерѣдко случается, что общество пропиваетъ кому-либо наслѣдственную усадьбу сироты, которая, подъ видомъ аренды, захватывается и уже навсегда, ибо вообще съ теченіемъ времени, при перестройкѣ усадебъ послѣ пожара, утрачивается самая возможность какого-либо судебнаго спора какъ съ самимъ владѣльцемъ такой захваченной усадьбы, такъ и съ обще-

ствомъ. Послѣднее, при самомъ лучшемъ оборотѣ дѣла, соглашается выдѣлить въ такомъ случаѣ ищущему утраченной и благоустроенной родовой усадьбы, взамѣнъ ея, какой-нибудь пустой участокъ поля, близъ околицы.

Отдавъ опекунское дѣло въ вѣдѣніе сельскаго схода и предоставивъ сходу широкое право въ этомъ дѣлѣ, дѣйствующій законъ совсѣмъ не выяснилъ права и обязанности сельскаго общества и не опредѣлилъ того, въ какихъ, именно, случаяхъ должно быть учреждено опекунское управленіе, въ лицѣ кого должно быть учреждено это управленіе, какія и въ какомъ случаѣ слѣдуетъ принимать мѣры къ охраненію имущества малолѣтнихъ и самый способъ охраны, когда и какимъ образомъ должны быть призрѣваемы опекаемые, а также при какихъ условіяхъ и въ какіе сроки опекунъ долженъ представлять отчетъ. Наконецъ, обязывая общество назначать опекуновъ и вѣдать имущество, находящееся внѣ надѣла и не только внѣ общества и волости, но даже внѣ уѣзда и губерніи, законъ ставитъ это общество въ полнѣйшую невозможность имѣть правильный надзоръ за цѣлостью имущества и вообще за дѣйствіями опекуна, а въ извѣстныхъ случаяхъ, именно при отсутствіи родственниковъ, затрудняетъ избраніе въ опекуны лицъ благонадежныхъ, ибо не каждый крестьянинъ рѣшится, бросивъ свое хозяйство, заняться хозяйствомъ опекаемыхъ.

Далѣе, дѣйствующія постановленія о крестьянскихъ опекахъ представляютъ, по мнѣнію губернскихъ совѣщаній, весьма много другихъ существенныхъ пробѣловъ. Въ нихъ нѣтъ указанія на возрастъ, по достиженіи котораго сироты освобождаются отъ опеки; не опредѣлено также, должна ли быть снимаема опека постепенно, по достиженіи совершеннолѣтія каждымъ изъ сиротъ даннаго семейства, или же единовременно, по достиженіи совершеннолѣтія послѣднимъ изъ опекаемыхъ; не указано, подлежатъ ли назначенію опекуны къ остающимся лишь круглымъ сиротамъ или къ тѣмъ, у которыхъ имѣются матери-вдовы или вновь вышедшія замужъ; не выяснено, подлежатъ ли имущественной отвѣтственности, въ какой мѣрѣ и какимъ порядкомъ какъ опекуны, въ случаѣ растраты имущества сиротъ, такъ и сходы, назначившіе опекуновъ; законъ объ опекѣ, предоставляя достигшимъ совершеннолѣтія сиротамъ право отыскивать съ опекуновъ недостающее имущество, не обезпечиваетъ въ достаточной степени интересовъ малолѣтнихъ сиротъ; въ виду же отсутствія матеріальной отвѣтственности схода за растрату имущества опекаемыхъ, могутъ быть назначены и такіе опекуны, которые не имѣютъ никакого имущества; законъ не налагаетъ на сельскіе сходы обязанности принимать мѣры охраны имущества малолѣтнихъ немедленно послѣ смерти родителя, какъ того требуетъ ст. 1224 и др. т. X, ч. I св. зак. Въ частности, одно изъ губернскихъ совѣщаній обращаетъ вниманіе на затруднительность порядка, соблюденіе котораго требуетъ при продажѣ иму-

щества (сельскохозяйственыхъ произведеній и скота) малолѣтнихъ на уплату казенныхъ и общественныхъ повинностей, а равно на пополненіе казенныхъ и частныхъ взысканій, въ виду необходимости каждый разъ испрашивать разрѣшеніе на то сельскаго схода; на практикѣ опекуны за разрѣшеніемъ продажи рѣдко обращаются къ сельскому сходу, созывъ котораго для такихъ случаевъ обременителенъ; продаютъ скотъ и другое имущество самовольно и только при учетѣ даютъ отчетъ въ расходованіи денегъ, вырученныхъ отъ продажи имущества.

Таковы существеннѣйшія замѣчанія губернскихъ совѣщаній относительно недостатковъ дѣйствующихъ узаконеній о крестьянскихъ опекахъ. Но критическими замѣчаніями роль ихъ не исчерпывалась; идя на-встрѣчу выраженному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ желанію, губернскія совѣщанія, съ большею или меньшею подробностію, высказались по вопросу и о тѣхъ главныхъ основаніяхъ, на которыхъ должно быть построено, по ихъ мнѣнію, крестьянское опекунское дѣло.

Предположенія губернскихъ совѣщаній, въ общемъ и въ частностяхъ, отличаются крайнимъ разнообразіемъ, но въ этомъ разнообразіи можно подмѣтить нѣкоторыя общія руководящія начала. Такимъ руководящимъ началомъ является, прежде всего, то соображеніе, что крестьянская масса относительно опеки, какъ и другихъ сторонъ своего юридическаго быта, должна быть поставлена въ особыя условія,— условія, не имѣющія ничего общаго съ юридическою жизнью всѣхъ другихъ сословій; далѣе, всѣ губернскія совѣщанія сходятся также на томъ, что существеннымъ условіемъ упорядоченія крестьянскаго опекунскаго дѣла является усиленіе власти, полномочій и надзора со стороны земскаго начальника.

Остановимся пока на этихъ общихъ началахъ. Составители крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 года, какъ извѣстно, стояли на той принципіальной точкѣ зрѣнія, что по отношенію къ семейному и имущественному праву, крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости, не должны отличаться отъ всѣхъ другихъ сословій; что въ данномъ случаѣ умѣстны и даже необходимы одни и тѣ же правила, одни и тѣ же законы; что обычай, въ качествѣ постоянно и долговременно примѣняемой юридической нормы, долженъ имѣть не самостоятельное значеніе, а лишь дополнительное: онъ не исключаетъ собою примѣненія писаннаго закона, а лишь восполняетъ пробѣлы сего послѣдняго. Конечно, эта принципіальная точка зрѣнія не могла быть выдержана редакціонными коммисіями во всей ея полнотѣ; въ средѣ многихъ дѣятелей крестьянской реформы воззрѣнія, сложившіяся въ эпоху крѣпостного времени, были все еще очень сильны, и съ этими воззрѣніями редакціоннымъ коммисіямъ пришлось серьезно считаться. Особенно настойчиво проводился взглядъ, будто крестьяне, по особымъ условіямъ своего семейнаго и имущественнаго быта, неспособны

жить одною юридической жизнью съ другими сословіями и что поэтому тутъ наиболѣе умѣстно примѣненіе крестьянскаго обычнаго права. И хотя нормы этого „права" даже тогда никому не были извѣстны, да и самая наличность таковыхъ нормъ многими отрицалась, однако, редакціоннымъ коммисіямъ пришлось пойти на уступки и такимъ образомъ многія стороны юридическаго быта крестьянскаго населенія изъяты были изъ дѣйствія писаннаго закона и предоставлены дѣйствію обычая, понимаемаго и примѣняемаго различно, въ зависимости отъ измѣнчиваго состава сельскихъ сходовъ. Особенно большія уступки сдѣланы были редакціонными коммисіями въ отношеніи опеки надъ малолѣтними сиротами и ихъ имуществомъ, завѣдываніе которою въ полномъ объемѣ предоставлено сельскимъ обществамъ, въ лицѣ сельскаго схода. Такая постановка крестьянскаго опекунскаго дѣла, допущенная въ силу признанія особеннаго значенія мѣстныхъ крестьянскихъ обычаевъ, на самомъ дѣлѣ совершенно расходилась съ этими послѣдними, такъ какъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ эпоху крѣпостного права, завѣдываніе личностью малолѣтнихъ сиротъ и ихъ имуществомъ лежало на обязанности помѣщика, а не сельскаго схода, а у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, до распространенія на нихъ положеній 19 февраля 1861 года, все опекунское дѣло опредѣлялось отнюдь не мѣстными обычаями, но нормами писаннаго закона. Но, какъ бы то ни было, редакціонныя коммисіи имѣли въ виду, что установленный ими „порядокъ" въ отношеніи опеки надъ малолѣтними сиротами и ихъ имуществомъ сохранитъ силу лишь до изданія сельскаго устава,—что должно было послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени,—а въ этомъ сельскомъ уставѣ, предполагалось, будутъ установлены подробныя правила, опредѣляющія всѣ стороны опекунскаго дѣла.

Изданія сельскаго устава до настоящаго времени не послѣдовало. А между тѣмъ за сорокъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ того дня, когда послѣдовало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, условія жизни крестьянства существенно измѣнились. Постепенно, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда сложныхъ причинъ, интересы крестьянства все болѣе и болѣе сплетались съ интересами всѣхъ другихъ сословій. Нормы обычнаго права, если они и выработались въ эпоху крѣпостной зависимости, совершенно не соотвѣтствовали уже новому порядку вещей,—порядку, основанному на свободныхъ правоотношеніяхъ, повлекшихъ за собою распаденіе прежнихъ артельныхъ семей и укрѣпленіе кровнаго семейнаго союза. Не имѣя опоры въ указаніяхъ обычнаго права, сельскіе сходы и волостные суды, при разрѣшеніи вопросовъ семейно-имущественнаго характера, стали руководствоваться исключительно благоусмотрѣніемъ, подчиняясь нерѣдко случайнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сельскіе сходы, выказывая сплошь и рядомъ совершенно безразличное отношеніе къ дѣламъ общественв-

нымъ, еще болѣе тяготились дѣлами частнаго характера, возникающими изъ-за опеки малолѣтнихъ, наслѣдованія или семейныхъ раздѣловъ. Завѣдываніе этими дѣлами, навязанное сельскимъ сходамъ и не имѣвшее достаточнаго оправданія въ условіяхъ пореформенной жизни крестьянства, открывало широкій просторъ всякаго рода злоупотребленіямъ, отъ которыхъ страдали всѣ заинтересованныя лица, а всего болѣе—беззащитные сироты.

Но губернскія совѣщанія по пересмотру законодательства о крестьянахъ и теперь, спустя почти сорокъ лѣтъ послѣ крестьянской реформы, далеки отъ мысли, одушевлявшей членовъ редакціонныхъ коммисій, что крестьяне въ области семейныхъ и имущественныхъ правоотношеній должны руководствоваться общегражданскими законами. Препятствіемъ къ распространенію на крестьянъ этихъ законовъ служитъ отнюдь не общепризнанное ихъ несовершенство: губернскія совѣщанія стоятъ на иной точкѣ зрѣнія. Они полагаютъ, что крестьянская масса еще не доросла до того, чтобы пользоваться общегражданскими законами и общими съ другими сословіями судебными и административными учрежденіями. Взглядъ этотъ особенно опредѣленнымъ образомъ высказанъ смоленскимъ совѣщаніемъ, по мнѣнію котораго „введеніе въ жизнь крестьянства всѣхъ правилъ общегражданскаго права, въ случаѣ, если бы подобный законъ и не остался мертвымъ, по невозможности его примѣненія, имѣло бы печальныя послѣдствія, преграждая дальнѣйшую выработку существующихъ въ средѣ крестьянства и неизвѣстныхъ гражданскому праву цѣлыхъ институтовъ обычнаго права, въ этой области, быть можетъ, весьма важныхъ и полезныхъ для будущаго“. Однако, самое смоленское совѣщаніе не указываетъ, въ чемъ состоятъ „институты“ крестьянскаго обычнаго права хотя бы по отношенію къ опекѣ, но предлагаетъ, въ видахъ упорядоченія у крестьянъ опекунскаго дѣла, учрежденіе семейныхъ совѣтовъ, мысль о которыхъ заимствована этимъ совѣщаніемъ отнюдь не изъ юридической практики мѣстнаго крестьянскаго населенія, а изъ гражданскихъ законовъ, дѣйствующихъ у насъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и примѣняемыхъ тамъ одинаково ко всѣмъ сословіямъ. Заслуживаетъ вниманія, что учрежденіе семейныхъ совѣтовъ для завѣдыванія опекунскими дѣлами рекомендуется также виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генералъ-губернаторомъ, но онъ при этомъ исходитъ изъ мысли, совершенно противоположной той, которая высказана была смоленскимъ совѣщаніемъ; по мнѣнію генералъ-губернатора, для дѣлъ объ опекахъ, „необходимо установить точныя правила, устраняющія возможность примѣненія неопредѣленныхъ мѣстныхъ обычаевъ, толкуемыхъ и измѣняемыхъ крестьянами по произволу, въ примѣненіи къ каждому отдѣльному случаю“. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что польскій крестьянинъ, въ началѣ прошлаго столѣтія, по условіямъ своего хозяйственнаго быта и гражданскаго развитія, болѣе от-

личался отъ остальныхъ сословій, нежели нынѣ отличается въ этомъ отношеніи русскій крестьянинъ; но указанныя отличія, глубоко коренившіяся въ историческомъ прошломъ польскаго народа, не послужили препятствіемъ къ распространенію на польскаго крестьянина общихъ нормъ гражданскаго права, благодаря чему въ значительной мѣрѣ выросло гражданское самосознаніе польскаго крестьянина и умножился его достатокъ; всего любопытнѣе, что общегражданскіе законы губерній Царства Польскаго заимствованы изъ французскаго права, а не были выработаны правосознаніемъ хотя бы только высшихъ слоевъ народа.

Далѣе, общимъ мѣстомъ въ заключеніяхъ почти всѣхъ губернскихъ совѣщаній является мысль, что упорядоченіе крестьянскаго опекунскаго дѣла предполагаетъ необходимость усиленія власти земскаго начальника и его полномочій. Однако, власть земскаго начальника какъ вообще, такъ въ частности въ отношеніи опекуновъ, учреждаемыхъ надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскихъ обывателей, уже и теперь такъ сильна, что идти далѣе въ этомъ отношеніи едва ли возможно. Имѣя въ виду приведенные выше отзывы тверского, тамбовскаго и екатеринославскаго губернскихъ совѣщаній, нельзя не придти къ заключенію, что какъ бы широки ни были полномочія земскихъ начальниковъ въ дѣлѣ крестьянскихъ опекъ, положеніе этихъ послѣднихъ не можетъ сколько-нибудь существенно улучшиться, разъ все опекунское дѣло, въ общемъ и въ частностяхъ, не будетъ поставлено на почву точныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ законодательныхъ правилъ.

Въ дальнѣйшемъ проекты губернскихъ совѣщаній, съ точки зрѣнія общихъ положеній и частностей, представляютъ довольно большее разнообразіе, но всѣ они могутъ быть сведены къ нижеслѣдующимъ двумъ главнѣйшимъ типамъ: едва ли не большинство проектовъ предоставляетъ и въ будущемъ руководящую роль въ опекунскомъ дѣлѣ сельскому сходу, поставленному подъ ближайшій надзоръ земскаго начальника; засимъ слѣдуютъ проекты, переносящіе обязанности по опекѣ съ сельскихъ сходовъ на волостные суды, или такъ называемые волостные опекунскіе присутствія и совѣты. Остальные проекты принадлежатъ, обыкновенно, единичнымъ губернскимъ присутствіямъ; въ этихъ проектахъ руководящая роль по завѣдыванію опеками отводится волостнымъ сходамъ, волостнымъ правленіямъ, особымъ опекунскимъ присутствіямъ и семейнымъ совѣтамъ.

Проекты упорядоченія крестьянскаго опекунскаго дѣла при участіи сельскихъ сходовъ, въ виду приведенныхъ выше соображеній, не нуждаются въ ближайшемъ разсмотрѣніи. Но едва ли болѣе правильно разрѣшается поставленная задача тѣми губернскими присутствіями, которыя возлагаютъ завѣдываніе опекунскими дѣлами на волостные суды или волостныя опекунскія присутствія и совѣты, причемъ какъ

въ этихъ присутствіяхъ, такъ и въ совѣтахъ видная роль отводится волостнымъ судьямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія отзывъ непремѣнныхъ членовъ олонецкаго губернскаго присутствія, по мнѣнію которыхъ включеніе въ составъ опекунскихъ присутствій волостныхъ судей затруднитъ исполненіе этими послѣдними ихъ прямыхъ обязанностей. Притомъ же волостные судьи въ большинствѣ случаевъ также неграмотны, какъ и члены сельскаго схода, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что они будутъ смотрѣть на свои обязанности по опекѣ болѣе серьезно, чѣмъ сельскіе сходы; напротивъ того, волостной судья, какъ членъ другого сельскаго общества, отнесется къ дѣлу еще безучастнѣе, нежели однообщественникъ. По дѣламъ малолѣтнихъ сиротъ, волостные судьи, завѣдуя опеками, являются должностными лицами, отвѣтственными за свою дѣятельность передъ земскимъ начальникомъ; между тѣмъ въ интересахъ правосудія желательно, чтобы волостные судьи пользовались возможною самостоятельностью и независимостью. Наконецъ, возникаетъ опасеніе, что волостной судъ—одинъ на цѣлую волость—никогда не будетъ въ состояніи хорошо слѣдить за всѣми опеками и свѣдѣнія о произведенныхъ опекунами злоупотребленіяхъ будутъ доходить до волостныхъ судовъ лишь тогда, когда уже поздно будетъ принятіе какихъ бы то ни было мѣръ къ ихъ предупрежденію.

Столь же безпочвенны тѣ проекты губернскихъ совѣщаній, въ которыхъ завѣдываніе опеками возлагается на обязанность волостныхъ сходовъ или волостныхъ правленій. Волостные сходы по самому своему устройству неспособны къ этой роли, требующей живого надзора и постояннаго наблюденія. Правда, дѣйствующимъ закономъ на волостные сходы возложено завѣдываніе опекою надъ имуществомъ умершихъ крестьянъ, бывшихъ приписанными къ волостямъ, и надъ личностью и имуществомъ остающихся послѣ нихъ сиротъ, но едва ли законъ этотъ выполняется на практикѣ и даетъ сколько нибудь положительные результаты. Что же касается волостныхъ правленій, то передача въ ихъ вѣдомство дѣлъ по опекѣ была бы равносильна новому обремененію волостного писаря, какъ единственной рабочей силы въ составѣ волостного правленія; а такъ какъ волостные писаря уже и безъ того крайне затруднены многосложными обязанностями, то завѣдываніе со стороны волостныхъ правленій опекунскими дѣлами на практикѣ превратилось бы въ бумажную формальность, безъ сколько-нибудь существенной пользы для интересовъ малолѣтнихъ сиротъ. Эти замѣчанія относятся, въ извѣстный мѣрѣ, и къ предположеніямъ орловскаго губернскаго совѣщанія, по мысли котораго для завѣдыванія опеками въ составѣ каждой волости образуется особое опекунское присутствіе, подъ предсѣдательствомъ волостнаго старшины, изъ двухъ членовъ, избираемыхъ на три года волостнымъ сходомъ, причемъ обязанности по дѣлопроизводству возлагаются на волостного писаря.

Наконецъ, мысль объ учрежденіи семейныхъ совѣтовъ, въ качествѣ опекунскаго установленія, высказанная смоленскимъ губернскимъ совѣщаніемъ, а равно виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генералъ-губернаторомъ, встрѣтила сочувственный откликъ и въ средѣ редакціонной коммисіи по составленію гражданскаго уложенія, къ предположеніямъ которой, относящимся до устройства крестьянскихъ опекунскихъ установленій, мы теперь обратимся.

Отмѣтимъ, прежде всего, то обстоятельство, что въ составленномъ редакціонною коммисіею проектѣ опекунскихъ установленій, она не признала возможнымъ сохранить на будущее время усвоенное дѣйствующимъ законодательствомъ сословное начало. Въ пользу такого рѣшенія даннаго вопроса коммисіею приведены нижеслѣдующія соображенія. Наши сословія съ теченіемъ времени, особенно послѣ отмѣны крѣпостного права и воспослѣдованія коренныхъ реформъ во всемъ строѣ государственной жизни, потеряли, въ значительной степени, прежнюю свою обособленность. Равенство всѣхъ передъ судомъ, всеобщая воинская повинность, отмѣна замкнутости духовнаго сословія, всесословныя среднія учебныя заведенія, открытый доступъ для всѣхъ въ высшія учебныя заведенія, а изъ тѣхъ и другихъ заведеній на государственную службу и вообще современныя условія жизни все болѣе и болѣе стушевываютъ прежнія сословныя различія и выдвигаютъ новыя группы жителей, въ зависимости отъ степени образованія, имущественнаго состоянія, занятій и проч. Государство же существуетъ для пользы всѣхъ гражданъ, а потому правительство должно заботиться о всѣхъ сословіяхъ одинаково. Принадлежащія по рожденію къ непривилегированнымъ сословіямъ лица, которыя кончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или трудомъ своимъ нажили большія состоянія, въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ ничего общаго съ тою средою, въ которой они родились. Какое же основаніе къ тому, чтобы попеченіе о личности и имуществѣ дѣтей этихъ полезныхъ дѣятелей ввѣрялись обособленному учрежденію сословія, съ которымъ уже родители несовершеннолѣтняго порвали всякую связь?

Учрежденіе въ 1775 году до нынѣ существующихъ опекунскихъ установленій на сословномъ началѣ, продолжаетъ редакціонная коммисія, не оправдывается въ настоящее время истиннымъ ихъ значеніемъ. Установленія эти сохранили сословное начало до судебной реформы потому, что принадлежали къ числу судебныхъ мѣстъ, которыя также были сословными. Съ упраздненіемъ этихъ судовъ, дворянскія опеки и сиротскіе суды были выдѣлены въ особыя установленія лишь въ видѣ временной мѣры, впредь до изданія общаго положенія объ опекахъ. Если верховная власть, въ постоянныхъ своихъ заботахъ о всѣхъ вѣрноподданныхъ, признала необходимымъ въ такихъ важныхъ установленіяхъ, какъ судебныя, охранѣ которыхъ ввѣрены достояніе, честь и самая жизнь гражданъ, уничтожить со-

словныя различія, то устраненіе сихъ различій въ устройствѣ опекунскихъ установленій является, казалось бы, лишь логическимъ выводомъ изъ судебной реформы или ея завершеніемъ.

Въ заключеніе коммисія считаетъ не лишнимъ напомнить о многихъ недоразумѣніяхъ и пререканіяхъ, порождаемыхъ нынѣ тѣмъ, что опекунскія дѣла вѣдаются различными сословными учрежденіями, подчиненными разнымъ властямъ. Изъ записки сенатора Половцова о состояніи опекунскихъ установленій въ кіевской и черниговской губерніяхъ видно, что часто опека долгое время не учреждалась, за невозможностью въ данный моментъ опредѣлить, къ какому сословію принадлежитъ опекаемый, вслѣдствіе чего опекунское дѣло передавалось то въ дворянскую опеку, то въ сиротскій судъ, то опять въ дворянскую опеку, а во все время этихъ пререканій не было учреждаемо опеки ни надъ личностью, ни надъ имуществомъ малолѣтнихъ. Подобныя пререканія съ одинаковыми послѣдствіями происходили и между сиротскимъ судомъ и духовнымъ начальствомъ. Кромѣ того, въ настоящее время нерѣдко встрѣчаются и такіе случаи, когда наслѣдники къ одному и тому же имуществу являются и дворяне и не дворяне, т. е. лица разныхъ сословій. Какимъ же образомъ установить предѣлы вѣдомства различныхъ сословныхъ опекунскихъ установленій? На этотъ, какъ и на многіе другіе, проистекающіе изъ принципа сословности, вопросы, нѣтъ основательныхъ отвѣтовъ со стороны лицъ, отстаивающихъ этотъ принципъ для опекъ, главнымъ образомъ, по историческимъ традиціямъ.

Таковы руководящія соображенія редакціонной коммисіи по вопросу о сословности въ опекунскомъ дѣлѣ. Посмотримъ, однако, въ какой мѣрѣ эти соображенія нашли практическое примѣненіе въ правилахъ, проектированныхъ коммисіею для сельскихъ обывателей.

Приступивъ къ разработкѣ означенныхъ правилъ, коммисія остановилась, прежде всего, на вопросѣ, можно ли распространить вѣдомство общихъ опекунскихъ установленій на крестьянскія опеки? Не располагая данными о числѣ опекъ, учреждаемыхъ надъ несовершеннолѣтними сельскими обывателями, коммисія приняла во вниманіе, что сельскіе обыватели составляютъ самый многочисленный классъ населенія Имперіи и, слѣдовательно, число этихъ опекъ должно быть весьма значительно. Поэтому потребовались бы значительныя матеріальныя средства на устройство общихъ опекунскихъ установленій, если бы передать имъ завѣдываніе всѣми опеками надъ сельскими обывателями. Но, независимо отъ финансовой стороны дѣла, осуществленіе на практикѣ означенной мысли представляется, по мнѣнію коммисіи, невозможнымъ. Если бы нашлись матеріальныя средства на увеличеніе числа опекунскихъ начальниковъ, то и въ такомъ случаѣ это предположеніе не могло бы быть приведено въ исполненіе, такъ какъ не имѣется достаточнаго контингента людей для замѣщенія зна-

чительнаго числа должностей опекунскихъ начальниковъ. Безъ значительнаго же увеличенія личнаго ихъ состава немыслима передача имъ всѣхъ сельскихъ опекъ.

Кромѣ того, мѣсто пребыванія опекунскихъ начальниковъ находится въ значительномъ разстояніи отъ мѣста учрежденія крестьянскихъ опекъ. Это обстоятельство, по мнѣнію коммисіи, также служитъ препятствіемъ для передачи всѣхъ крестьянскихъ опекъ въ вѣдѣніе опекунскихъ начальниковъ.

Наконецъ, нужно имѣть въ виду обособленность быта сельскаго населенія. Для завѣдыванія сельскими опеками необходимо близкое знакомство съ условіями сельскаго быта, что не всегда доступно опекунскимъ начальникамъ. Посему—заключаетъ коммисія—крестьянскія опеки должны быть ввѣрены болѣе близкому къ сельскому населенію установленію и притомъ такому, которое состояло бы изъ лицъ, принадлежащихъ къ сельскому же состоянію.

Редакціонная коммисія полагаетъ, что такимъ установленіемъ является волостной судъ, состоящій изъ лицъ того же сословія, къ которому принадлежитъ опекаемый; эти лица лучше могутъ разрѣшать всѣ вопросы, касающіеся воспитанія и обученія опекаемаго, нежели опекунскій начальникъ, принадлежащій къ другому сословію, къ другой средѣ. У опекунскаго начальника, естественно, не окажется также и достаточно времени входить въ обсужденіе всѣхъ мелочныхъ, по его мнѣнію, вопросовъ, имѣющихъ, между тѣмъ, весьма важное значеніе въ крестьянскомъ быту. Завѣдываніе обыкновеннымъ крестьянскимъ имуществомъ, не достигающимъ большею частью сколько-нибудь значительной цѣнности, удобнѣе ввѣрить также волостному суду. чѣмъ опекунскому начальнику. Волостной судъ лучше рѣшитъ, какую движимость (напр. скотъ, принадлежности хозяйства, носильное платье) нужно сохранить для опекаемаго или обратить въ деньги. Что на взглядъ опекунскаго начальника представляется ничтожнымъ, то на взглядъ крестьянскій можетъ считаться полезнымъ или необходимымъ. Далѣе, самый надзоръ волостного суда надъ опекунами будетъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ опекунскаго начальника, не говоря уже о томъ, что надзоръ названнаго суда ближайшій. До волостныхъ судей скорѣе могутъ дойти свѣдѣнія объ упущеніяхъ или злоупотребленіяхъ со стороны опекуновъ: крестьянинъ скорѣе о семъ доведетъ до свѣдѣнія волостного суда, состоящаго изъ лицъ, ему равныхъ, доступныхъ и понимающихъ его, чѣмъ до свѣдѣнія опекунскаго начальника, являющагося властью, начальствомъ, чиновниковъ, съ которымъ нельзя говорить по душѣ, такъ же просто какъ съ своимъ братомъ-крестьяниномъ. Крестьянскіе разговоры, слухи и пересуды, не доступные чиновнику, несравненно легче дойдутъ до крестьянъ—волостныхъ судей, постоянно вращающихся между сельскими обывателями.

Наконецъ, особое значеніе имѣетъ неграмотность большинства

сельскаго населенія. Неграмотность не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію опекуновъ отъ исполненія опекунскихъ обязанностей, ибо иначе опеки надъ сельскими обывателями оставались бы большею частью безъ опекуновъ. Отъ неграмотныхъ опекуновъ нельзя, напр., требовать письменныхъ отчетовъ, какіе по проекту опекунскаго устава должны представлять опекуны опекунскому начальнику. Словесные же отчеты удобно представлять лишь учрежденію, близкому къ мѣсту нахожденія опеки, такъ какъ словесные отчеты требуютъ личнаго присутствія опекуна. Тоже слѣдуетъ сказать о представленіи словесныхъ жалобъ, словесныхъ объясненій по требованію опекунскаго установленія и т. п.

По изложеннымъ основаніямъ редакціонная коммисія не признала возможнымъ распространить дѣйствіе общихъ опекунскихъ установленій на всѣ вообще опеки надъ лицами сельскаго состоянія, оставивъ ихъ, какъ и нынѣ, въ вѣдомствѣ крестьянскихъ учрежденій.

Однако, если оставшееся послѣ лица крестьянскаго сословія имущество, движимое или недвижимое, не принадлежитъ къ составу крестьянскаго надѣла, находится въ чертѣ города и, слѣдовательно, не имѣетъ непосредственной связи съ надѣльнымъ имуществомъ (притомъ послѣдняго можетъ вовсе и не быть у умершаго), то, по мнѣнію коммисіи, было бы нецѣлесообразно выдѣлять такое имущество изъ вѣдѣнія общихъ опекунскихъ установленій; иногда это едва ли было бы и возможно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ мѣстѣ нахожденія имущества состоитъ на жительствѣ и подлежащій опекѣ несовершеннолѣтній. Въ виду этого коммисія признаетъ необходимымъ — крестьянскія имущества, находящіяся въ городахъ, подчинить дѣйствію общихъ законовъ въ отношеніи опекунскаго завѣдыванія ими.

Въ иныхъ условіяхъ находится имущество внѣнадѣльное, когда оно лежитъ не въ чертѣ городского поселенія. Въ большинствѣ случаевъ такое имущество находится въ томъ же поселеніи, гдѣ имѣлъ жительство наслѣдодатель, или не въ дальнемъ отъ него разстояніи, и входитъ въ составъ общаго крестьянскаго хозяйства или тѣсно съ нимъ связано. Дробить завѣдываніе такими имуществами, какъ составляющими крестьянскій надѣлъ и не составляющими надѣла, значило бы, по мнѣнію коммисіи, нарушать установленный порядокъ хозяйства и тѣмъ самымъ не столько охранять, сколько нарушать имущественные интересы опекаемыхъ, въ особенности, когда имущество, не принадлежащее къ надѣлу, не составляетъ значительной цѣнности. Не практично было бы въ одно и то же время вручать завѣдываніе надѣльною землею крестьянскимъ опекунскимъ управленіямъ, а завѣдываніе участкомъ внѣнадѣльной земли или другой недвижимости (домомъ не на усадебной землѣ или инымъ строеніемъ)— общимъ опекунскимъ установленіямъ.

Если желательно единство опекунскаго управленія крестьянскимъ недвижимымъ имуществомъ, то еще болѣе это желательно въ отношеніи движимаго имущества. Прежде всего коммисія считаетъ нужнымъ замѣтить, что при незначительной цѣнности крестьянскаго движимаго имущества не всегда легко съ достаточною ясностью опредѣлить, что составляетъ принадлежность крестьянскаго надѣла и даже принадлежность крестьянскаго хозяйства вообще и что — предметъ довольства, зажиточности, излишества и даже роскоши. Напр., деньги составляютъ ли продуктъ хозяйства и оборотный его капиталъ, или же онѣ получены инымъ путемъ и на хозяйство не предназначаются, для хозяйства не нужны.

Но если недвижимость или движимое имущество составляютъ значительную для крестьянскаго быта цѣнность, такъ что такое имущество, очевидно, преобладаетъ при сравненіи его съ надѣломъ и принадлежностями хозяйства, то представляется, по мнѣнію коммисіи, болѣе удобнымъ, при поступленіи имущества въ опеку, подчинить его надзору общихъ опекунскихъ установленій. Несомнѣнно, что провести въ этомъ случаѣ разграничительную черту весьма трудно. Можно всегда указать, что дѣленіе будетъ произвольнымъ. Но и въ другихъ случаяхъ опредѣленіе подсудности дѣлъ по цѣнности также является произвольнымъ, напр., разграниченіе подсудности дѣлъ мировымъ судьямъ и окружнымъ судамъ. Коммисія полагаетъ, что стоимость недвижимаго или движимаго имущества въ 2,000 руб. можно принять мѣриломъ разграниченія опекунской подсудности по тому соображенію, что состоятельность крестьянъ въ этомъ размѣрѣ приближаетъ ихъ къ состоятельности другихъ сословій. Разграниченіе опекунской подсудности (крестьянской и общей) по стоимости подлежащаго опекѣ крестьянскаго имущества уже существуетъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, на основаніи постановленія учредительнаго комитета отъ 30 іюня (12 іюля) 1886 года, послѣдовавшаго во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ отзывѣ главнаго начальника Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что тамъ принята меньшая сумма.

Въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ, коммисія вернулась къ вопросу, какому установленію подчинить опеки надъ сельскими обывателями, изъятыя изъ вѣдомства общихъ опекунскихъ установленій? За устраненіемъ сельскихъ сходовъ, изъ числа крестьянскихъ установленій опеки могутъ быть отнесены къ вѣдомству или волостнаго старшины, или волостнаго суда.

Въ подтвержденіе необходимости передачи опекъ надъ сельскими обывателями волостнымъ старшинамъ было высказано въ редакціонной коммисіи мнѣніе, что по самому свойству крестьянскихъ опекъ требуется установленіе не формальной регламентаціи, а фактическаго,

дѣйствительнаго надзора за этими опеками. Поэтому обязанность такого надзора цѣлесообразнѣе возложить на лицо, ближайшее къ крестьянскому управленію, а именно на волостного старшину. Волостной же судъ не выполнитъ этой задачи: во-первыхъ, потому, что собирается лишь періодически, иногда по прошествіи весьма продолжительнаго времени; во-вторыхъ, не представляетъ собою принципа власти и, въ-третьихъ, какъ учрежденіе коллегіальное, лишенъ возможности той быстроты дѣйствій, которая можетъ оказаться необходимою въ интересѣ опекаемыхъ. Нельзя, далѣе, утверждать, чтобы волостные судьи были болѣе благонадежны, чѣмъ волостные старшины. Управленіе у крестьянъ можетъ тогда лишь удовлетворять своему назначенію, когда оно сосредоточено въ одномъ лицѣ, такъ какъ крестьяне не признаютъ и не понимаютъ властей безличныхъ. Притомъ же старшина, по своему положенію въ волости, не можетъ не оказывать вліянія на волостной судъ въ дѣлахъ по надзору за крестьянскими опеками, а вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи формально устраненъ отъ завѣдыванія этими опеками, остается безотвѣтственнымъ. Въ опекунскомъ дѣлѣ весьма важно предотвратить растраты, а въ этомъ отношеніи волостной старшина, какъ власть единоличная, можетъ дѣйствовать быстрѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ учрежденіе коллегіальное, т. е. волостной судъ. Къ тому же подъ начальствомъ старшины сосредоточена сельская полиція (сельскіе старосты, сотскіе и десятскіе). Конечно, надзоръ за опеками не можетъ быть постояннымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не долженъ ограничиваться лишь разсмотрѣніемъ отчетовъ по опекамъ; можетъ представиться надобность въ производствѣ внезапныхъ ревизій, что, безъ сомнѣнія, удобнѣе и легче сдѣлать волостному старшинѣ съ подчиненною ему полиціею, чѣмъ волостному суду. Хотя и съ устраненіемъ старшины отъ опекъ, за нимъ все-таки останется общая полицейская власть; но большая разница, будетъ ли онъ дѣйствовать въ отношеніи опекъ, какъ власть, уполномоченная на то самимъ закономъ, или какъ общая полицейская власть. На основаніи этихъ соображеній, завѣдываніе опеками надъ сельскими обывателями предлагалось возложить на волостныхъ старшинъ, какъ на органъ административной власти. Это, однако, не препятствуетъ отнесенію тѣхъ, возникающихъ по крестьянскимъ опекамъ вопросовъ, которые по характеру своему имѣютъ свойство судебныхъ, къ вѣдомству волостного суда (напр., разрѣшеніе продажи и залога имущества малолѣтнихъ и т. п.).

Коммисія, по всестороннемъ обсужденіи приведеннаго мнѣнія, не сочла возможнымъ съ нимъ согласиться. Во-первыхъ, въ настоящее время у волостныхъ старшинъ и безъ того уже масса обязанностей, которыя требуютъ постоянныхъ разъѣздовъ; поэтому предоставить имъ завѣдываніе опеками — значитъ поставить опекунское дѣло въ такое положеніе, что успѣшнаго его веденія ожидать едва ли можно. Если

той быстроты дѣйствія, которая иногда дѣйствительно желательна въ опекунскихъ дѣлахъ, нельзя ожидать отъ волостного суда, какъ учрежденія коллегіальнаго, то ничто не препятствуетъ, въ видахъ ускоренія опекунскихъ дѣлъ, распредѣлить обязанности по опекамъ между членами волостного суда. Во-вторыхъ, въ виду изложеннаго, можно опасаться, что опекунское дѣло попадетъ въ руки писарей, дѣятельность которыхъ достаточно извѣстна. Волостнымъ старшинамъ и теперь дано много власти, а при усиленіи этой власти подчиненіемъ ей опекъ всѣ имущественныя и семейныя дѣла крестьянъ оказались бы находящимися подъ вліяніемъ волостного старшины. Само собою разумѣется, замѣчаетъ коммисія, что коль скоро дошло до свѣдѣнія волостного старшины о нарушеніи тѣхъ или другихъ интересовъ опекаемыхъ, онъ въ правѣ и обязанъ употреблять принадлежащую ему властъ для прекращенія нарушенія; но нежелательно, чтобы это была власть, которая сама дѣйствуетъ и сама себя контролируетъ; нежелательно въ особенности, чтобы въ единоличное распоряженіе старшины были отданы имущественные и семейные интересы сельскихъ жителей. Засимъ, при тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на старшинѣ, нельзя ожидать отъ него постояннаго, дѣятельнаго и фактическаго надзора за опеками. Лучше, по мнѣнію коммисіи, остановиться на мысли о предоставленіи дѣлъ по опекамъ волостному суду. Волостной судъ избирается изъ людей пожилыхъ, опытныхъ и заслуживающихъ довѣрія, а коллегіальное устройство суда даетъ больше обезпеченія, чѣмъ единоличная власть; въ особенности этого обезпеченія можно ожидать въ настоящее время, ибо заботы земскихъ начальниковъ должны быть направлены и на улучшеніе личнаго состава, и на упорядоченіе дѣлопроизводства, и на благоустройство вообще всего крестьянскаго управленія. Если волостному суду предоставлены широкія права по уголовной и гражданской юрисдикціи, то нѣтъ достаточнаго основанія исключать изъ его вѣдомства и опекунскія дѣла. Надо заботиться, чтобы волостной судъ былъ хорошъ, чтобы онъ не былъ однимъ пустымъ словомъ и не находился всецѣло во власти старшинъ и въ рукахъ волостныхъ писарей. Но улучшеніе въ этомъ отношеніи въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію. Въ-третьихъ, по дѣйствующему закону волостные старшины никакихъ обязанностей по надзору за опеками не несутъ. Въ настоящее время опекунскими дѣлами у крестьянъ завѣдуетъ сельскій сходъ — учрежденіе коллегіальное. Желательно въ дѣлахъ этого рода и удержать это начало—коллегіальное устройство, но съ отнесеніемъ опекунскихъ дѣлъ къ вѣдомству волостного суда. Въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа созваніе семейнаго совѣта по крестьянской опекѣ и назначеніе предсѣдателя совѣта (лавника) принадлежитъ гминному суду, этому же суду приносятся и жалобы на опредѣленія семейныхъ совѣтовъ. Въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ — въ

положении 9 іюля 1889 г. о преобразованіи судебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ, завѣдываніе крестьянскими опеками возложено также на волостные суды. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что коллегіальное учрежденіе представляетъ болѣе гарантій, въ особенности въ настоящее время, когда принимаются мѣры къ улучшенію волостныхъ судовъ. Что касается мнѣнія, что при завѣдываніи опеками волостнымъ старшиною надзоръ за опекунами будетъ болѣе дѣйствительнымъ, то едва ли не преувеличивается значеніе такого предполагаемаго надзора. Главная задача наблюденія за опеками — это повѣрка опекунскихъ отчетовъ, а такую повѣрку болѣе умѣло можетъ сдѣлать судъ, чѣмъ старшина. Опасаться того, что волостной старшина совсѣмъ лишится вліянія на опекунскіе дѣла, по мнѣнію коммисіи, нѣтъ основанія, такъ какъ, по силѣ временныхъ правилъ 12 іюля 1889 г. (ст. 1) о волостныхъ судахъ, старшина можетъ быть предсѣдателемъ волостного суда. По указаннымъ соображеніямъ, коммисія признала необходимымъ подчинить крестьянскія опеки вѣдомству волостного суда.

Изъ изложеннаго усматривается, что отрицательное отношеніе редакціонной коммисіи къ сословному началу въ опекунскомъ дѣлѣ привело къ довольно неожиданнымъ практическимъ результатамъ: для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ, коммисіею проектированы общія, а для крестьянъ—особыя крестьянскія опекунскія установленія. Такимъ образомъ, сословное начало въ опекунскомъ дѣлѣ по отношенію къ сельскимъ обывателямъ еще болѣе подчеркнуто, нежели это замѣчается въ дѣйствующемъ законодательствѣ, когда каждое почти сословіе имѣетъ свою опеку и, слѣдовательно, крестьяне не составляютъ особаго исключенія. Сословный характеръ крестьянской опеки еще болѣе выступаетъ въ составленномъ редакціонною коммисіею проектѣ опекунскаго устава. Нѣкоторыя обязанности по этому проекту возложены даже не на волостной сходъ, въ качествѣ замѣстителя опекунскаго начальника, и не на опекуновъ, а на сельскихъ старостъ и сельскіе сходы, какъ-то: составленіе описи подлежащаго опекѣ имущества; принятіе до учрежденія опеки мѣръ попеченія о личности несовершеннолѣтняго; указаніе лицъ, могущихъ быть опекунами, и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ принятіе первоначальныхъ мѣръ охраненія имущества возложено на волостного старшину, а назначеніе опекуновъ — непосредственно на волостной судъ. Относительно продажи, залога и найма имуществъ допущены нѣкоторыя исключенія. Опекунамъ дозволяется въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководствоваться мѣстными обычаями. Безграмотность сельскихъ обывателей не признана причиною, освобождающею отъ опекунскихъ обязанностей. Штрафы на опекуновъ налагаются въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ вообще по опекунскому уставу, и т. д. Наконецъ, при волостныхъ судахъ не учреждаются семейные совѣты. Заслуживаютъ, между прочимъ, вниманія соображе-

нія, которыми руководствовалась редакціонная коммисія при допущеніи этого послѣдняго весьма существеннаго отличія крестьянскихъ опекъ отъ опекъ всѣхъ другихъ сословій. Дѣла, подвѣдомственныя волостнымъ судамъ, замѣчаетъ коммисія, обыкновенно не сложны и касаются незначительныхъ имуществъ и потому нѣтъ надобности для обсужденія ихъ еще въ особо учрежденной коллегіи, какою представляется семейный совѣтъ. Кромѣ того, учрежденіе этихъ совѣтовъ у насъ представляется мѣрою новою. Если можно думать, что семейные совѣты вообще будутъ учреждаться только въ рѣдкихъ случаяхъ, то еще болѣе есть основаніе предполагать, что созваніе ихъ въ сельскомъ быту было бы явленіемъ исключительнымъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что учрежденіе семейныхъ совѣтовъ по опекамъ можетъ имѣть практическое значеніе лишь тогда, когда опеки состоятъ подъ вѣдѣніемъ единоличной власти—опекунскихъ начальниковъ. Но при передачѣ завѣдыванія опеками надъ сельскими обывателями учрежденіямъ коллегіальнымъ—волостнымъ судамъ, не представляется, по мнѣнію коммисіи, удобнымъ учреждать при нихъ семейные совѣты. Семейный совѣтъ — также учрежденіе коллегіальное; если учредить его въ видѣ самостоятельной коллегіи, можно опасаться пререканій и столкновеній съ волостнымъ судомъ, не на пользу, а во вредъ опекунскому дѣлу; при этомъ безразлично, будетъ ли предсѣдательствовать въ этой коллегіи особый предсѣдатель или же мѣсто его будетъ заступать одинъ изъ членовъ волостного суда. Въ виду изложеннаго, коммисія признала, что по крестьянскимъ опекамъ, подвѣдомственнымъ волостнымъ судамъ, нѣтъ надобности учреждать семейные совѣты. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ семейные совѣты могутъ привиться въ нашей сельской средѣ, нельзя не обратить вниманія на своеобразный характеръ соображеній редакціонной коммисіи о практическомъ значеніи семейныхъ совѣтовъ въ крестьянской опекѣ. Такое значеніе отрицается коммисіею не потому, чтобы семейные совѣты и для крестьянъ не могли оказать практической пользы, но что завѣдываніе крестьянскими опеками имѣется въ виду передать волостнымъ судамъ, т. е. такимъ же коллегіальнымъ учрежденіямъ, какъ семейные совѣты. Совсѣмъ иначе ставился коммисіею вопросъ о практическомъ значеніи семейныхъ совѣтовъ въ примѣненіи ко всѣмъ другимъ сословіямъ. Въ этомъ случаѣ коммисія разсуждала слѣдующимъ образомъ. „Практически полезное значеніе семейныхъ совѣтовъ для опекъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Опекунское установленіе, хотя бы единоличное (мировой судья, опекунскій судья), по самому положенію своему, не можетъ стоять къ опекѣ въ такихъ же близкихъ отношеніяхъ, какъ члены совѣта, избираемые исключительно изъ той же среды, къ которой принадлежитъ опекаемый, и состоящіе въ болѣе или менѣе близкихъ родственныхъ узахъ съ опекаемымъ. Имъ должно быть извѣстно и семейное, и иму-

щественное положеніе опекаемаго, какъ лицамъ, принадлежащимъ или къ тому же семейству, изъ котораго происходитъ опекаемый, или, по крайней мѣрѣ, къ той же средѣ. Слѣдовательно, они обыкновенно имѣютъ всѣ средства обсудить, какое воспитаніе, сообразно средѣ, въ которой въ будущемъ предстоитъ вращаться опекаемому, должно быть ему дано, къ какому роду занятій приготовляли его или намѣрены были приготовлять его родители, насколько онъ по своему здоровью, физическому или умственному развитію можетъ быть способенъ къ той или другой дѣятельности и т. п. Въ то же время имъ можетъ быть извѣстно, какую нравственную или фактическую поддержку могутъ оказать ему родственники и другіе близкіе къ нему люди. Наконецъ, имъ можетъ быть близко извѣстно и положеніе имущественныхъ средствъ опекаемаго, какое наиболѣе выгодное для опекаемаго употребленіе изъ нихъ можетъ быть сдѣлано, какъ выгоднѣе управлять его имуществомъ, промышленными заведеніями и т. п. Этими общими чертами опредѣляется значеніе семейныхъ совѣтовъ, ихъ польза и необходимость учрежденія ихъ. Все это подтверждается опытомъ и примѣромъ тѣхъ государствъ, законодательства которыхъ допускаютъ образованіе семейныхъ совѣтовъ“.

Такимъ образомъ, для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ, учрежденіе семейныхъ совѣтовъ признается коммисіею практически полезнымъ и необходимымъ даже при единоличномъ опекунскомъ установленіи; а для крестьянъ совѣты эти не имѣютъ никакого практическаго значенія даже при наличности коллегіальнаго опекунскаго установленія въ лицѣ волостного суда! Не лишено извѣстнаго интереса также слѣдующее сопоставленіе. Говоря о необходимости передать завѣдываніе крестьянскимъ опекунскимъ дѣломъ волостнымъ судамъ, а не опекунскимъ начальникамъ (т. е. земскимъ начальникамъ), коммисія ссылалась, между прочимъ, на то, что для завѣдыванія сельскими опеками необходимо близкое знакомство съ условіями сельскаго быта; что волостные судьи лучше могутъ разрѣшать всѣ вопросы, касающіеся воспитанія и обученія опекаемаго; что они болѣе свѣдущи въ распоряженіи принадлежащаго опекаемому имуществомъ; что ихъ надзоръ надъ опекунами будетъ болѣе дѣйствительнымъ. Однако, тѣ же соображенія и, конечно, съ большимъ правомъ высказаны коммисіею и по вопросу о значеніи семейныхъ совѣтовъ въ опекунскомъ дѣлѣ и, слѣдовательно, довольно неожиданнымъ представляется выводъ, будто семейные совѣты для крестьянскихъ опекъ не нужны, потому что обязанности опекунскаго установленія имѣютъ быть возложены на волостной судъ.

Обратимся теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію основаній, въ силу которыхъ редакціонная коммисія признала необходимымъ разграничить опекунскую подсудность на общую и крестьянскую, сохраняя за нею, такимъ образомъ, и на будущее время сословный харак-

теръ. На первомъ мѣстѣ коммисіею поставлены финансовыя соображенія; далѣе слѣдуютъ: недостатокъ людей для замѣщенія значительнаго числа должностей опекунскихъ начальниковъ; удаленность мѣста пребыванія опекунскихъ начальниковъ отъ мѣста учрежденія крестьянскихъ опекъ; обособленность быта сельскаго населенія; примѣръ законодательства, примѣняемаго въ губерніяхъ Царства Польскаго, и наконецъ, неграмотность большинства сельскаго населенія.

Для надлежащаго выясненія вопроса о размѣрѣ матеріальныхъ средствъ, которыя могли бы понадобиться въ случаѣ, если бы завѣдываніе всѣми опеками надъ сельскими обывателями передано было общимъ опекунскимъ установленіямъ, въ соображеніяхъ редакціонной коммисіи не приведено никакихъ данныхъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что всякая реформа той или другой стороны народной жизни, а слѣдовательно и опекунскаго дѣла, сопряжена съ необходимостью новыхъ затратъ, но обстоятельство это едва ли можетъ служить основаніемъ къ установленію упрощеннаго порядка завѣдыванія опекунскими дѣлами менѣе зажиточной части крестьянъ — порядка, едва ли обезпечивающаго въ должной мѣрѣ интересы опекаемыхъ и къ тому же построеннаго на чисто сословномъ началѣ. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что, при допущеніи устройства семейныхъ совѣтовъ и у крестьянъ, число опекунскихъ начальниковъ не должно бы увеличиться сколько-нибудь значительно, въ особенности, если, основываясь на опытѣ новгородской губерніи, признать, что одна опека будетъ приходиться на 50 домохозяйствъ. Несомнѣнно, съ другой стороны, что передача опекунскихъ дѣлъ въ завѣдываніе волостного суда неизбѣжно повлечетъ за собою новый ростъ мірскихъ сборовъ на усиленіе личныхъ и матеріальныхъ средствъ волостныхъ судовъ. Такимъ образомъ, финансовая экономія отъ такой передачи представляется довольно призрачной, а между тѣмъ возложеніе на волость новаго обязательнаго расхода по веденію опекунскихъ дѣлъ едва ли правильно съ принципіальной точки зрѣнія, ибо охрана имущества и наслѣдственныхъ правъ малолѣтнихъ сиротъ составляетъ прямую обязанность государственной власти. Было бы совершенно непонятно, почему расходы по завѣдыванію опеками болѣе зажиточной части крестьянства, съ имущественнымъ цензомъ свыше 2,000 руб., падаютъ на общегосударственныя средства, а тѣ же расходы, производимые въ пользу менѣе состоятельныхъ сельскихъ обывателей, должны обременять собою волостной бюджетъ? Вообще, финансовыя соображенія въ данномъ случаѣ должны бы побуждать лишь къ такому устройству опекунскихъ установленій, которое сопряжено было бы съ наименьшими затратами для государственнаго казначейства, но они едва ли могутъ служить основаніемъ къ выдѣленію огромной массы сельскихъ обывателей изъ дѣйствія общихъ опекунскихъ установленій и общаго опекунскаго устава.

Еще большее значеніе, нежели финансовымъ соображеніямъ, редакціонная коммисія придаетъ тому обстоятельству, что передача всѣхъ сельскихъ опекъ общимъ опекунскимъ установленіямъ представляется невозможною, за неимѣніемъ достаточнаго контингента людей для замѣщенія значительнаго числа должностей опекунскихъ начальниковъ. Въ пользу этого соображенія не приведено никакихъ фактическихъ данныхъ, а между тѣмъ опытъ нашей повседневной административной жизни показываетъ, что на каждую вновь открываемую должность въ распоряженіи правительства имѣется столь значительное число кандидатовъ, что представляется возможнымъ предъявлять къ нимъ все болѣе и болѣе высокія требованія образовательнаго ценза. Такъ, напр., по министерству финансовъ всѣ должности помощниковъ податныхъ инспекторовъ, обставленныя въ матеріальномъ отношеніи отнюдь не очень щедро, также какъ и должности податныхъ инспекторовъ, замѣщены лицами почти исключительно съ высшимъ университетскимъ образованіемъ. Едва ли и судебное вѣдомство можетъ жаловаться на недостатокъ кандидатовъ съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, хотя первоначальное прохожденіе судебной службы обставлено весьма неблагопріятными матеріальными условіями. Отсюда видно, что опасенія редакціонной коммисіи относительно невозможности пополнить необходимый контингентъ опекунскихъ начальниковъ представляются едва ли вполнѣ основательными.

Далѣе, препятствіе къ передачѣ всѣхъ крестьянскихъ опекъ въ вѣдѣніе общихъ опекунскихъ установленій коммисія усматриваетъ и въ томъ, что мѣстопребываніе опекунскихъ начальниковъ находится въ значительномъ разстояніи отъ мѣста учрежденія крестьянскихъ опекъ. По этому поводу необходимо замѣтить, что въ одинаковомъ положеніи оказываются и всѣ дворянскія опеки, находящіяся въ предѣлахъ даннаго опекунскаго участка: онѣ также могутъ быть значительно удалены отъ мѣста пребыванія опекунскаго начальника. И хотя дворянскихъ опекъ несравненно меньше, по сравненію съ крестьянскими опеками, но онѣ во всякомъ случаѣ разбросаны по всему опекунскому участку, тогда какъ крестьянскія опеки скучены по селеніямъ и, слѣдовательно, представляютъ большія удобства съ точки зрѣнія надзора. А такъ какъ обязанности опекунскаго начальника предположено возложить на земскаго начальника, то послѣдній, по условіямъ своей служебной дѣятельности, долженъ находиться въ постоянныхъ разъѣздахъ по своему участку, наблюдая попутно и за ходомъ находящихся въ его вѣдѣніи сельскихъ опекъ.

Обособленность быта сельскаго населенія, на которую далѣе ссылается редакціонная коммисія въ виду своего предположенія, направленнаго къ обособленію и сельскихъ опекъ, проистекаетъ, главнымъ образомъ, отъ того, что сельское населеніе поставлено дѣйствующимъ законодательствомъ въ своеобразныя условія управленія и суда, от-

личныя отъ тѣхъ, которыя допущены въ отношеніи всѣхъ другихъ сословій, причемъ имущественныя и семейныя правоотношенія въ самой сельской средѣ опредѣляются не писаннымъ закономъ, а мѣстными обычаями. Такимъ образомъ, если стать на точку зрѣнія редакціонной коммисіи, то получается заколдованный кругъ: обособленность быта сельскихъ обывателей обусловливается тѣмъ, что на нихъ не распространено дѣйствіе общегражданскихъ законовъ, а изъятіе сельскихъ обывателей изъ дѣйствія этихъ законовъ въ области опекунскаго дѣла оправдывается редакціонною коммисіею обособленностью быта крестьянъ. Нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не предвидѣть, что, въ случаѣ осуществленія предположеній редакціонной коммисіи, обособленность быта по крайней мѣрѣ нѣкоторой части крестьянства сдѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время все сельское населеніе поставлено въ одинаковыя условія по отношенію къ опекунскому дѣлу; въ будущемъ—имѣется въ виду создать двойственный порядокъ: опека надъ малолѣтними крестьянами, принадлежащими къ двору съ стоимостью внѣнадѣльнаго имущества, недвижимаго или движимаго, свыше 2,000 руб., будетъ находиться въ вѣдѣніи общихъ опекунскихъ установленій, а рядомъ сосѣдній дворъ съ меньшимъ имущественнымъ цензомъ будетъ опекаться крестьянскими опекунскими установленіями. Не говоря уже о практическихъ затрудненіяхъ, связанныхъ съ подобнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ дворовъ по цѣнности движимаго или недвижимаго имущества, въ особенности въ мѣстностяхъ общиннаго пользованія землею, нельзя не указать на крайнюю нежелательность и неудобство такого опекунскаго порядка, при которомъ допускается по закону въ сельской средѣ привилегированное положеніе богатыхъ крестьянскихъ дворовъ, по сравненію съ бѣднѣйшими дворами.

Ссылка коммисіи, въ этомъ отношеніи, на примѣръ законодательства, примѣняемаго въ губерніяхъ Царства Польскаго, гдѣ также проводится различіе въ опекунской подсудности по характеру и стоимости подлежащаго опекѣ имущества, очевидно, основана на недоразумѣніи, такъ какъ упущено изъ вида, что польская гмина является всесословнымъ учрежденіемъ и что къ вѣдомству гминныхъ войтовъ отнесено учрежденіе опекъ и принятіе мѣръ къ охраненію наслѣдства не только крестьянъ, но и всѣхъ прочихъ жителей гмины, безъ различія сословій.

Наконецъ, на вопросѣ о неграмотности большинства сельскаго населенія, препятствующей распространить на таковое дѣйствіе общихъ опекунскихъ установленій, врядъ ли нужно останавливаться. Замѣтимъ, что всѣ западно-европейскіе и наши польскіе крестьяне находились на одинаковой степени безграмотства, когда на нихъ распространено было дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ; такое распространеніе уже само по себѣ является новымъ и притомъ могу-

щественнымъ толчкомъ къ усвоенію грамотности народной массой, ибо знаніе писаннаго закона доступно всякому грамотному. Съ другой стороны, нельзя же не считаться и съ тѣмъ не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ, что грамотность въ нашемъ сельскомъ населеніи дѣлаетъ постоянные успѣхи.

Такимъ образомъ, доводы, приведенные редакціонною коммисіею въ пользу учрежденія особыхъ крестьянскихъ опекунскихъ установленій, едва ли могутъ быть признаны убѣдительными. Намѣченная коммисіею постановка крестьянскаго опекунскаго дѣла, помимо указанныхъ уже неудобствъ, представляетъ ту еще дурную сторону, что она на практикѣ поведетъ за собою ухудшеніе дѣятельности волостныхъ судовъ и усиленіе зависимости ихъ отъ земскаго начальника. Въ объясненіяхъ къ ст. 282 проекта опекунскаго устава прямо указывается, что „съ подчиненіемъ волостныхъ судовъ по опекунскимъ дѣламъ земскимъ начальникамъ, послѣдніе имѣютъ право и обязанность надзора какъ за опекунами, такъ и за волостными судами". Между тѣмъ и въ настоящее время зависимость волостныхъ судовъ отъ земскихъ начальниковъ уже достигла предѣловъ, которые едва ли соотвѣтствуютъ интересамъ сельскаго правосудія [1]).

Очевидно, что единственно правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса о крестьянскихъ опекахъ представляется то, при которомъ опеки эти будутъ подчинены вѣдѣнію общихъ опекунскихъ установленій и опредѣляться правилами общаго опекунскаго устава. Въ опекунскомъ дѣлѣ нѣтъ и не должно быть мѣста сословному началу. Нѣкоторыя особенности семейнаго быта крестьянъ, сложившіяся при современныхъ условіяхъ ихъ правовой жизни, будутъ, конечно, учтены семейными совѣтами. Вопреки предположеніямъ редакціонной коммисіи, можно думать, что дѣятельность семейныхъ совѣтовъ, въ качествѣ опекунскаго установленія, разовьется у насъ не въ высшихъ общественныхъ классахъ, гдѣ значеніе кровнаго родства и родовыхъ связей постепенно ослабѣваетъ и ограничивается тѣсными предѣлами данной семьи или самыхъ близкихъ родственниковъ, а именно въ крестьянствѣ, гдѣ родственныя и родовыя связи все еще очень сильны. Такая точка зрѣнія на возможное значеніе семейныхъ совѣтъ у нашихъ крестьянъ раздѣляется и многими лицами, близко стоящими къ народной жизни. Одно изъ такихъ лицъ высказываетъ нижеслѣдующія соображенія, заслуживающія полнѣйшаго вниманія. „Чѣмъ сильнѣе и устойчивѣе связь родства, тѣмъ болѣе благотворно будетъ дѣйствіе семейныхъ совѣтовъ, тѣмъ легче будетъ ихъ осуществить и тѣмъ полезнѣе они будутъ для интересовъ опекаемыхъ. Но едва ли въ какомъ-либо классѣ

---

[1]) Вотъ отзывъ по этому предмету авторитетнаго „Журнала Министерства Юстиціи": „въ настоящее время волостной судъ является лишь слѣпымъ и невѣжественнымъ исполнителемъ велѣній земскаго начальника, не имѣющимъ самъ по себѣ рѣшительно никакого значенія" (ст. К. А. Шишко, въ № 9 за 1900 г., стр. 62).

нашего общества родственныя отношенія играютъ болѣе важную роль, чѣмъ въ сельскомъ быту, гдѣ помнятъ и чтутъ самыя отдаленныя степени родства и свойства, и даже отношенія, не имѣющія въ своемъ основаніи родственныя связи, уподобляются родственнымъ. Ни въ какомъ другомъ классѣ общества родственники не живутъ такъ близко другъ отъ друга, какъ въ средѣ сельскихъ обывателей... При такихъ условіяхъ какъ образованіе семейныхъ совѣтовъ, такъ и ихъ созваніе не представляютъ никакихъ затрудненій и весьма мало обременительны для членовъ этихъ совѣтовъ. Съ другой стороны, условія быта и развитія крестьянской массы именно таковы, что связи родства представляютъ наилучшую гарантію участливаго и дѣятельнаго отношенія опекунскаго надзора къ интересамъ опекаемыхъ“ [1]).

Съ справедливостью приведенныхъ соображеній нельзя не согласиться. Но если такъ, то отпадаетъ послѣднее препятствіе къ распространенію на сельскихъ обывателей обще-гражданскихъ законовъ объ опекѣ. Учрежденіе и развитіе семейныхъ совѣтовъ у крестьянъ облегчитъ задачу опекунскаго надзора, обезпечитъ интересы опекаемыхъ, уменьшитъ матеріальныя затраты на устройство правительственныхъ опекунскихъ установленій и устранитъ необходимость въ возложеніи на волостной судъ несвойственныхъ ему обязанностей. Уравненіе крестьянъ со всѣми другими сословіями вызоветъ къ жизни самодѣятельность сельской среды, въ лицѣ наиболѣе близкихъ къ опекаемому людей, и, благодаря этому, достигнута будетъ цѣлесообразная и дѣйствительная охрана личности и имущества малолѣтнихъ сиротъ.

---

[1]) Отзывъ Танцова, земскаго начальника 2 уч. смоленскаго уѣзда (Сводъ замѣчаній на проекты устава объ опекахъ и попечительствахъ. С.-Петербургъ, 1894 г., т. II, стр. 622).

Наслѣдованіе у крестьянъ.

I.

Русская деревня въ дореформенную эпоху представляла собою особый замкнутый міръ, внутренняя жизнь котораго, въ области семейныхъ и имущественныхъ отношеній, опредѣлялась требованіями обычнаго права. Блюстителями и истолкователями обычая при разрѣшеніи споровъ, возникшихъ между крестьянами, являлись сельскіе сходы, состоявшіе изъ выборныхъ домохозяевъ; на сходахъ особымъ вліяніемъ пользовались „старики“, въ качествѣ представителей житейскаго опыта и знанія мѣстныхъ преданій. Ни помѣщикъ, ни окружное или удѣльное начальство не стѣсняли, по общему правилу, дѣятельности сельскихъ сходовъ, поскольку она относилась до отправленія правосудія или до завѣдыванія незначительнымъ по объему мірскимъ хозяйствомъ.

Въ области наслѣдственныхъ правоотношеній дѣйствіе обычая было всеобъемлющимъ.

Изъятія изъ этого общаго правила составляли семейные участки государственныхъ крестьянъ. Какъ эти участки, такъ равно и имущество, внесенное въ постоянную хозяйственную опись, переходило въ нераздѣльномъ составѣ къ старшему изъ *законныхъ* наслѣдниковъ умершаго домохозяина, если этотъ послѣдній при жизни своей не назначилъ, законнымъ порядкомъ, къ кому именно изъ его дѣтей или другихъ ближайшихъ родственниковъ должно, по смерти его, перейти право пользованія семейнымъ участкомъ и имуществомъ, къ нему принадлежащимъ. Засимъ все прочее имущество раздѣлялось, по смерти домохозяина, между его наслѣдниками на основаніи общихъ законовъ и мѣстныхъ обычаевъ [1]). Такимъ образомъ, въ отношеніи наслѣдованія семейныхъ участковъ и принадлежавшаго къ нимъ имущества государственные крестьяне могли руководствоваться, въ извѣстной мѣрѣ, и общимъ закономъ.

[1]) Св. зак. т. XII, ч. II, ст. 115 и 116, изд. 1857 г.

При всей замкнутости русской дореформенной деревни и обособленности разныхъ группъ крестьянства, общій складъ крестьянской жизни, съ точки зрѣнія семейныхъ и имущественныхъ отношеній, представлялся довольно однообразнымъ. Однообразною была, прежде всего, хозяйственная обстановка трудовой дѣятельности народа. Недвижимой собственности у крестьянъ, по общему правилу, не было: земля принадлежала помѣщикамъ, казнѣ или удѣламъ, но главную цѣнность представляла не она, а „души" человѣческія,—эти источники даровой рабочей силы, которою кормилось помѣстное сословіе и пополнялась государственная казна. Что касается движимаго имущества—земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, утвари, изрѣдка денежныхъ сбереженій,—то количество его лишь въ рѣдкихъ случаяхъ превышало потребности даннаго хозяйства и представляло сколько-нибудь замѣтную цѣнность, Не капиталъ, а личный трудъ составлялъ основу хозяйственнаго достатка крестьянъ: зажиточнымъ домохозяиномъ былъ, прежде всего, домохозяинъ семьянистый. Поэтому и движимое имущество, по общему правилу, не признавалось личною собственностью домохозяина—главы семейства; онъ только распоряжался этимъ имуществомъ, а собственникомъ являлась вся семья, въ ея цѣломъ,—всѣ тѣ члены домохозяйства, трудомъ которыхъ имущество было добыто и пріумножено. Въ крестьянской семьѣ, при такихъ условіяхъ, на первомъ планѣ стояла трудовая, а не кровная связь ея членовъ; она — хозяйственный рабочій союзъ, а не союзъ лицъ, связанныхъ общностью происхожденія отъ главы семейства.

Личнымъ трудомъ всѣхъ своихъ членовъ крестьянская семья кормилась и отбывала всѣ лежащія на ней повинности въ пользу собственника земли и государства. Повинности эти и платежи въ крѣпостную эпоху были крайне обременительны, что въ связи со строгостью паспортной системы, затруднявшей болѣе производительное помѣщеніе свободныхъ рабочихъ силъ, ставило почти непреодолимую преграду накопленію сбереженій въ народной массѣ. При такомъ широкомъ использованіи рабочей силы крестьянина, жизнь послѣдняго по необходимости ограничивалась удовлетвореніемъ наиболѣе насущныхъ потребностей. Имущественный уровень крестьянства въ дореформенное время былъ не только низокъ, но и однообразенъ; замѣтная неравномѣрность въ этомъ отношеніи наблюдалась лишь въ средѣ государственныхъ крестьянъ. Поставленные въ болѣе благопріятныя административныя и податныя условія, они располагали къ тому же и значительно большею, по сравненію съ помѣщичьими крестьянами, хозяйственною свободою; все это открывало способнѣйшимъ личностямъ изъ среды государственныхъ крестьянъ возможность выдвинуться своимъ достаткомъ надъ среднимъ уровнемъ массы.

Выше было уже замѣчено, что до освобожденія крестьянъ, какъ и въ настоящее время, важнѣйшая сторона юридическаго народнаго

быта — порядокъ наслѣдованія — опредѣлялась исключительно требованіями обычая. Благодаря совершенно случайному обстоятельству, въ 1848 и 1849 гг. были собраны министерствомъ государственныхъ имуществъ, по опредѣленной программѣ, свѣдѣнія о существовавшихъ у государственныхъ крестьянъ обычаяхъ наслѣдованія въ 47 губерніяхъ. Свѣдѣнія эти были разработаны покойнымъ Ѳ. Л. Барыковымъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ" за 1862 г. Казалось бы, что въ ту эпоху замкнутой крестьянской жизни обычаи наслѣдованія должны представлять разнообразіе, исключавшее возможность установленія какихъ-либо общихъ началъ. Но это предположеніе не оправдывалось на дѣлѣ. „При сильномъ преобладаніи экономическаго элемента, замѣчаетъ Барыковъ, обычаи наслѣдства разныхъ мѣстностей не представляютъ достаточно характеристическихъ признаковъ для раздѣленія ихъ (даже) на этнографическія группы". Выводъ этотъ самому почтенному автору кажется нѣсколько неожиданнымъ; однако, причина отмѣченнаго явленія вполнѣ понятна: она коренится въ однородности хозяйственныхъ, имущественныхъ и административныхъ условій быта крестьянъ разныхъ мѣстностей Россіи,—а это обстоятельство не могло не повлечь за собою и однообразія основныхъ началъ, по которымъ совершалась наслѣдственная передача крестьянскаго имущества.

Каковы же были эти начала у государственныхъ крестьянъ въ дореформенное время?

Крестьянское имущество является общею принадлежностью дома, семьи, находящеюся въ завѣдываніи домохозяина; отдѣльной личной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ, и потому со смертью ихъ наслѣдство не открывается. Имущество это не составляетъ также личной собственности и самого домохозяина, со смертью котораго оно, обыкновенно, не дѣлится, а, продолжая быть общимъ достояніемъ семьи, переходитъ въ хозяйственное распоряженіе его преемника. Этого преемника домохозяинъ или самъ назначаетъ, или имъ дѣлается тотъ, кто по обычаю считается старшимъ послѣ него въ домѣ: въ однѣхъ мѣстностяхъ—его братъ, т. е. дядя оставшимся его сыновьямъ, въ другихъ—старшій изъ сыновей умершаго. На ряду съ этимъ, въ весьма многихъ мѣстностяхъ домъ и хозяйство переходитъ обыкновенно къ старшему по лѣтамъ, независимо отъ занимаемаго имъ мѣста въ родственномъ распорядкѣ, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что онъ опытнѣе всѣхъ въ веденіи хозяйства; въ иныхъ случаяхъ члены семейства сами выбираютъ себѣ въ хозяева наиболѣе расторопнаго и способнаго изъ своей среды. Если по смерти домохозяина въ домѣ остаются изъ мужчинъ только малолѣтніе, то хозяйство принимаетъ одинъ изъ родственниковъ изъ другой семьи и притомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, не въ качествѣ опекуна, до совершеннолѣтія питомцевъ, а на правахъ полнаго хозяина; по смерти

его хозяйство переходитъ, однако, не къ его дѣтямъ, а къ старшему сыну прежняго хозяина.

Раздѣлы имущества по смерти хозяина повсемѣстно, особенно же въ великорусскихъ губерніяхъ, составляютъ не правило, а исключеніе; бываютъ только при раздѣлахъ самой семьи, главнѣйше вслѣдствіе семейныхъ разногласій, осуждаются обычаемъ, признаются вредными для хозяйства и требуютъ разрѣшенія схода. Въ основаніи этихъ раздѣловъ, во многихъ мѣстностяхъ, замѣчается сильное вліяніе экономическаго начала. Это—не раздѣлъ наслѣдства и даже не раздѣлъ общаго имущества, доставшагося по наслѣдству, а дѣлежъ общаго заработка. Если семья состоитъ изъ родственниковъ разныхъ степеней, то имущество дѣлится не поколѣнно, а по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ. Такъ, взрослые сыновья получаютъ равныя доли со своимъ отцомъ и дядями; малолѣтній сирота племянникъ не получаетъ доли своего умершаго отца, а поступаетъ къ кому-нибудь изъ раздѣлившихся членовъ семейства. Зятья и свойственники, живущіе въ домѣ, посторонніе пріемыши получаютъ такую же часть, какъ и родственники. Словомъ, каждый, кто только участвовалъ въ общемъ заработкѣ, получаетъ равную съ прочими долю, безотносительно къ родственнымъ линіямъ и степенямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пріемыши такъ и называются „дольниками“.

Отдѣленные отъ дома родственники, хотя бы и самыхъ близкихъ степеней, вовсе въ раздѣлѣ не участвуютъ, если только остается при хозяйствѣ кто-нибудь изъ членовъ того же дома. Встрѣчаются мѣстности, гдѣ обычай дѣлаетъ тонкое различіе между родственнымъ и трудовымъ артельнымъ началомъ. Если дѣлится общее имущество дома послѣ хозяина, то доли назначаются по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ; если же наслѣдство идетъ съ боку, изъ другого дома, то оно дѣлится по родственнымъ линіямъ и степенямъ.

Важный при крестьянскихъ раздѣлахъ вопросъ, кто получаетъ домъ—„остается на старомъ коренюˮ,—разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Въ большей части мѣстности домъ достается старшему изъ сыновей хозяина, но встрѣчается и противоположное явленіе, преимущественно въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ. Здѣсь старшіе сыновья, большею частью еще при жизни отца, отдѣляются и переходятъ на особыя хозяйства; семья обстраиваетъ ихъ общими силами на отдѣльныхъ усадьбахъ и домохозяинъ выдѣляетъ имъ часть имущества по своему усмотрѣнію. Младшаго же сына родители обыкновенно оставляютъ при себѣ; по смерти отца онъ и остается въ домѣ хозяиномъ.

Лица женскаго пола, при родственникахъ мужского, не получаютъ опредѣленной доли наслѣдства; онѣ остаются жить при которой либо изъ дѣлящихся частей, а при замужествѣ награждаются приданнымъ, по достатку и усмотрѣнію семьи.

Въ большей части мѣстностей вдова не получаетъ опредѣленной части изъ доли, слѣдовавшей ея мужу. Если у ней есть дѣти, то она всего чаще остается при нихъ въ домѣ мужской родни; бездѣтная возвращается въ родительскій домъ; семья мужа обязана возвратить ей только приданое, если она его съ собой принесла; дать же ей что либо сверхъ того зависитъ вполнѣ отъ доброй воли мужниной семьи.

Заслуживаютъ вниманія также свѣдѣнія, относящіяся въ частности до участія отставныхъ солдатъ въ наслѣдствѣ. По общимъ законамъ о наслѣдствѣ, солдатъ долженъ былъ бы получить одинаковую долю съ прочими родственниками равной степени, за вычетомъ развѣ наградныхъ денегъ при поступленіи на службу и пособій въ продолженіе ея, если считать ихъ за выдѣлъ. При этомъ слѣдующая ему доля могла бы быть назначена или изъ того лишь имущества, которое осталось при открытіи наслѣдства по смерти отца, не простираясь на послѣдующія приращенія, или же изъ наличнаго состоянія имущества ко времени возвращенія солдата, такъ какъ принадлежащая ему часть также находилась въ обращеніи. Такъ и бываетъ, по обычаямъ крестьянъ, во многихъ мѣстностяхъ; но встрѣчаются мѣстности, гдѣ отставной солдатъ или вовсе не получаетъ никакой доли, или при опредѣленіи послѣдней берется въ разсчетъ состояніе имущества лишь до того времени, когда солдатъ поступилъ на службу, а не то имущество, которое оказывалось въ наличности или состояло въ моментъ смерти отца. Очевидно, въ данномъ случаѣ принималось во вниманіе, что съ выходомъ изъ рабочаго союза прекращалось и право солдата на долю въ послѣдующемъ общемъ заработкѣ [1]).

Само собою разумѣется, что указанный выше порядокъ наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ примѣнялся въ отношеніи имуществъ, такъ сказать, крестьянскаго типа. Въ этомъ отношеніи весьма характерно свѣдѣніе, сообщенное палатою государственныхъ имуществъ нижегородской губерніи, что тамошніе „зажиточные крестьяне, имѣющіе значительное благопріобрѣтенное имущество: капиталы, товаръ, земли, промышленныя заведенія, большею частью дѣлятъ ихъ сами между наслѣдниками по духовному завѣщанію; если нѣтъ завѣщанія, то въ этихъ случаяхъ споры по раздѣлу имущества рѣшаются общими судебными мѣстами, на основаніи правилъ свода законовъ“ [2]).

Такъ было до отмѣны крѣпостного права. Характерныя особенности обычая, на почвѣ котораго совершалась въ то время наслѣдственная передача имущества въ крестьянствѣ, опредѣлялись своеобразными условіями имущественнаго и семейнаго быта крестьянъ. Усло-

---

[1]) *Ѳ. Барыковъ.* Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ. „Журналъ министерства государственныхъ имуществъ“, 1862, стр. 7 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 371.

вія эти всюду были болѣе или менѣе одинаковы,—довольно однообразнымъ представляется поэтому и обычный порядокъ „наслѣдованія“, если только это понятіе въ данномъ случаѣ вообще примѣнимо. Въ эпоху крѣпостного права крестьянинъ жилъ исключительно для отбыванія повинностей и платежа податей; это была „душа“, не имѣвшая никакихъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, а, слѣдовательно, лишенная возможности передавать эти права по наслѣдству. Крестьянское имущество, по общему правилу, отнюдь не было результатомъ особыхъ, присущихъ домохозяину личныхъ качествъ:—его смышленности, оборотливости, предпріимчивости; для проявленія этихъ цѣнныхъ качествъ условія крѣпостной эпохи давали слишкомъ мало простора; имущество это обязано было своимъ происхожденіемъ напряженной трудовой дѣятельности всѣхъ членовъ домохозяйства, въ общей собственности которыхъ оно и состояло; кровное родство при такихъ условіяхъ не имѣло, не могло имѣть рѣшающаго значенія. Поэтому смерть домохозяина не была моментомъ открытія наслѣдства для лицъ, состоявшихъ съ нимъ въ кровномъ родствѣ: обыкновенно все оставалось на своемъ мѣстѣ, только на смѣну умершаго выступалъ новый руководитель и представитель того рабочаго союза, которымъ по необходимости являлась крестьянская семья въ дореформенное время. Такъ продолжалось до того момента, когда, въ силу тѣхъ или другихъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, не являлась потребность въ раздѣлѣ общаго имущества между совладѣльцами, причемъ основанія такого раздѣла опредѣлялись обычаемъ. Случалось, конечно, что смерть домохозяина влекла за собою столь существенное измѣненіе въ сочетаніи рабочихъ силъ домохозяйства, что послѣднее распадалось; но происходившій при этомъ раздѣлъ имущества отнюдь не имѣлъ значенія раздѣла наслѣдства, такъ какъ право каждаго члена домохозяйства на часть общаго достоянія существовало и при жизни домохозяина, смерть котораго явилась лишь внѣшнимъ поводомъ осуществленія этого права.

Ясно, что завѣщательныя имущественныя распоряженія не имѣли почвы подъ собою въ условіяхъ жизни крѣпостного крестьянства. Но когда имущество, оставленное крестьяниномъ, было результатомъ его собственной дѣятельности, присущихъ ему личныхъ предпринимательскихъ качествъ, то и въ эпоху крѣпостного права, оно становилось предметомъ завѣщательнаго распоряженія, при отсутствіи котораго къ такому имуществу примѣнялись нормы общаго писаннаго закона.

На первый взглядъ могло казаться, что съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости явились чрезвычайно благопріятныя условія для развитія и упроченія въ народномъ сознаніи нормъ обычнаго права. Положеніями 19 февраля 1861 г. крестьянамъ было даровано широкое самоуправленіе и учрежденъ волостной судъ, со-

ставленный изъ выборныхъ волостными сходами судей, для разбора крестьянскихъ тяжбъ по мѣстнымъ обычаямъ и правиламъ, принятымъ въ крестьянскомъ быту, а равно для разслѣдованія маловажныхъ проступковъ. Волостной судъ былъ поставленъ независимо отъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія—сельскаго старосты и волостного старшины; его рѣшенія считались окончательными и только въ 1866 г. за съѣздомъ мировыхъ посредниковъ признано было право входить въ обсужденіе вопроса о томъ, содержитъ ли данное рѣшеніе волостного суда такое нарушеніе закона, вслѣдствіе котораго оно не можетъ быть оставлено въ силѣ и подлежитъ отмѣнѣ.

На ряду съ волостнымъ судомъ, выразителемъ народнаго правосознанія долженъ былъ явиться и сельскій сходъ,—этотъ центральный органъ крестьянскаго самоуправленія, созданнаго положеніями 19 февраля 1861 года. Ни по своему составу, ни по объему и значенію порученныхъ ему дѣлъ и задачъ, новый сельскій сходъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ сходомъ, который дѣйствовалъ въ дореформенной деревнѣ. Сходъ въ сельскомъ обществѣ, образованномъ на основаніи положеній 19 февраля 1861 г., состоялъ изъ представителей всѣхъ дворовъ даннаго сельскаго общества, а не изъ лицъ, избираемыхъ въ извѣстномъ соотношеніи къ общему числу домохозяевъ, какъ это было въ дореформенное время. Кругъ вѣдомства и степень власти сельскаго схода при крѣпостномъ правѣ были ничтожны; всѣ важнѣйшія хозяйственныя дѣла, въ томъ числѣ и земельныя, разрѣшались сходомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и нерѣдко при ближайшемъ участіи контролирующей власти (помѣщика, окружнаго начальника), отъ произвольнаго усмотрѣнія которой зависѣла отмѣна всякаго вообще рѣшенія схода, хотя бы поставленнаго вполнѣ согласно съ мѣстными обычаями. Наконецъ, участіе сельскаго схода въ податныхъ дѣлахъ у государственныхъ крестьянъ было ограничено предѣлами крайней необходимости, а у помѣщичьихъ крестьянъ, по общему правилу, каждый былъ отвѣтчикомъ лично за себя по своимъ платежамъ и повинностямъ.

Не таково значеніе схода по положеніямъ 19 февраля 1861 года. Помимо всѣхъ другихъ предметовъ вѣдѣнія, онъ является полнымъ распорядителемъ общинной земли, служащей для обезпеченія быта и для исправнаго выполненія крестьянами ихъ податныхъ обязанностей. Сходу, во имя круговой отвѣтственности, предоставлена и полная самостоятельность въ податномъ дѣлѣ: онъ разверстываетъ подати и собираетъ ихъ, взыскиваетъ недоимку или раскладываетъ ее на членовъ общества, вноситъ деньги въ казначейство, учитываетъ должностныхъ лицъ, опредѣляетъ порядокъ счетоводства и отчетности. При этомъ всѣ хозяйственныя дѣла были предоставлены полному усмотрѣнію сельскаго общества безъ права вмѣшательства по существу въ распоряженія сельскаго схода учрежденій по крестьянскимъ

дѣламъ, за которыми оставлено было лишь полномочіе отмѣнять приговоры схода, постановленные съ нарушеніемъ формальныхъ условій ихъ составленія.

Ни сельскій сходъ, ни волостной судъ для своей дѣятельности не имѣли почти никакихъ руководящихъ указаній въ положительномъ законѣ. Поэтому существеннѣйшіе вопросы гражданско-правовой и хозяйственной жизни крестьянъ должны были разрѣшаться на почвѣ обычнаго права, которое, согласно предположеніямъ нѣкоторыхъ дѣятелей реформы 1861 года, имѣлось будто бы въ сознаніи народа.

Такое предположеніе не имѣло, однако, твердой почвы подъ собою. Замкнутость деревенской жизни въ дореформенную эпоху, простота крестьянскаго быта и крайне ограниченный кругъ имущественныхъ интересовъ и потребностей въ народной массѣ,—все это благопріятствовало выработкѣ и сохраненію въ народѣ цѣлаго ряда обычаевъ, продолжительное соблюденіе которыхъ упрочило за ними значеніе нормъ обычнаго права, обязательно примѣняемыхъ для разрѣшенія извѣстныхъ правонарушеній. Но обычное право, выработанное сознаніемъ крестьянства при крѣпостныхъ порядкахъ, не могло, однако, удовлетворять запросамъ новыхъ правовыхъ потребностей. Бытъ сельскаго населенія во многомъ складывался иначе. Реформа 19 февраля 1861 г. поколебала всѣ устои прежняго сословно-крѣпостного государства и направила теченіе государственной жизни по иному руслу. Въ томъ круговоротѣ, въ той ломкѣ старыхъ порядковъ и отжившихъ свое время правительственныхъ учрежденій, которыя явились неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отмѣны крѣпостного права, сплелись интересы всѣхъ сословій русскаго народа. Но среди этихъ сословій, крестьянское вступало на новые пути наиболѣе безпомощнымъ, наименѣе подготовленнымъ къ воспріятію дарованнаго ему самоуправленія. Реформа 19 февраля 1861 г. для русскаго крестьянина если и была освобожденіемъ, то очень неполнымъ и весьма несовершеннымъ; это скорѣе начало освобожденія, первый шагъ къ тому, чтобы уничтожить ту пропасть, которая, благодаря особымъ условіямъ исторической жизни русскаго народа, выросла между крестьянствомъ и всѣми другими сословіями въ государствѣ.

Обособленность крестьянскаго сословія осталась въ полной силѣ и съ выходомъ крестьянъ „на волю“. Предоставленіе надѣльной земли въ собственность не отдѣльныхъ домохозяевъ, а всего сельскаго общества, связаннаго круговою порукою по податямъ и повинностямъ, привело къ полному подчиненію крестьянина, во всей совокупности его хозяйственныхъ интересовъ и даже гражданскихъ правъ, власти „міра“, дѣйствія котораго опредѣлялись не писаннымъ закономъ, а обычаемъ, и слѣдовательно могли быть вполнѣ произвольны, такъ какъ самая наличность обычая удостовѣряется приговоромъ того же схода. Обычаемъ долженъ руководствоваться и волостной судъ при

разрѣшеніи споровъ, возникавшихъ среди крестьянъ на почвѣ семейныхъ и имущественныхъ отношеній. Съ другой стороны, весь этотъ крестьянскій „міръ“, столь произвольно распоряжавшійся въ своей средѣ, — сама община находилась въ полномъ подчиненіи у мѣстныхъ властей, всего болѣе озабоченныхъ взысканіемъ съ крестьянъ платежей и повинностей. Такимъ образомъ, безправное положеніе личности крестьянина въ общинѣ имѣло естественное свое продолженіе въ безправномъ положеніи общины передъ властями, полномочія которыхъ въ этомъ отношеніи опять таки не были съ надлежащею опредѣленностью выяснены закономъ. Крѣпостное право къ тому же было дурною школою и для крестьянъ, и для представителей власти, а съ отмѣною крѣпостныхъ порядковъ не могли сразу же обновиться унаслѣдованныя вѣками привычки. Крестьяне и послѣ реформы 19 февраля 1861 года продолжали смотрѣть на власть, какъ на силу, дѣйствующему по своему благоусмотрѣнію, а не сообразно съ закономъ; органы власти, съ своей стороны, видѣли въ крестьянствѣ главнѣйше плательщиковъ податей, — податное сословіе, стоящее нѣкоторымъ образомъ внѣ общаго закона; оправданіемъ такому взгляду служили, между прочимъ, понудительныя мѣры взысканія недоимокъ, отразившія на себѣ особенно ярко духъ крѣпостного времени. При наличности такихъ условій, въ средѣ крестьянъ и въ отношеніяхъ къ ней органовъ власти законность не имѣла рѣшающаго значенія; самое понятіе закона сдѣлалось очень растяжимымъ: „законъ, что дышло: куда повернешь, туда и вышло“. Въ этой народной поговоркѣ мѣтко очерчена вся неприглядность юридическаго быта крестьянъ: кто властенъ повернуть дышло, тотъ и творитъ законъ.

Правовое творчество народа въ пореформеннео время могло проявляться во внѣ въ приговорахъ сельскаго „схода“ и въ рѣшеніяхъ волостного суда. Однако ни сельскій сходъ, ни волостной судъ не были поставлены въ условія, благопріятствовавшія выработкѣ нормъ обычнаго права. Отсутствіе въ законѣ точно указанныхъ требованій для права участія въ трудахъ сельскаго схода, при обширномъ объемѣ предоставленныхъ ему полномочій, повело къ тому, что наиболѣе вредные элементы сельскаго общества стали нерѣдко направлять дѣятельность схода сообразно своимъ видамъ и цѣлямъ. Не имѣя возможности поставить серьезный отпоръ всѣмъ вреднымъ вліяніямъ на мірскія дѣла извнѣ и изъ среды самаго крестьянства, сходъ сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кому это было выгодно и нужно. Право сельскаго схода руководствоваться обычаемъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ должно было, прежде всего, привести къ крайнему разнообразію практики при разрѣшеніи однихъ и тѣхъ же вопросовъ, причемъ мірскіе приговоры не столько основывались на обычаѣ, сколько служили выраженіемъ взглядовъ и стремленій случайно образовавшагося на сходѣ большинства. Отмѣченное разнообразіе

мірскихъ приговоровъ имѣло, впрочемъ, нѣкоторое для себя оправданіе и въ общихъ условіяхъ хозяйственнаго быта крестьянскаго населенія въ пореформенную эпоху. Несмотря на продолжавшуюся строгость паспортной системы, крестьянство перестало быть замкнутымъ прикрѣпленнымъ къ мѣсту сословіемъ. Постройка обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ привлекла къ намъ громадные капиталы и доставила обильные, небывалые въ прижнее время, заработки сельскому населенію. Съ развитіемъ городской жизни, оживленіемъ юга, съ расширеніемъ торгово-промышленной дѣятельности въ странѣ, увеличеніемъ оборотовъ по внѣшней торговлѣ, съ возникновеніемъ и быстрымъ ростомъ фабрично-заводского производства, — явился, почти повсемѣстно въ Россіи, значительный спросъ на рабочую силу. Все это, въ связи съ приростомъ населенія, а мѣстами недостаточностью доходовъ отъ надѣльной земли для пополненія лежавшихъ на ней повинностей, вызывало и вызываетъ періодическіе отливы части крестьянъ на отхожіе заработки. Вліяніе этого явленія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сказалось въ крайней измѣнчивости состава сельскихъ сходовъ, причемъ приговоры одного схода шли въ разрѣзъ съ приговорами другого.

Волостной судъ, въ свою очередь, не могъ не отразить на себѣ всѣхъ слабыхъ сторонъ общественнаго и юридическаго быта крестьянъ послѣ реформы. Неопредѣленность и шаткость началъ, которыя примѣнялись въ волостномъ судѣ, и отсутствіе въ его рѣшеніяхъ постоянныхъ и устойчивыхъ правилъ, которыя заслуживали бы названія обычнаго права, — стали общимъ мѣстомъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Патріархальный строй крѣпостной русской деревни все болѣе и болѣе отходилъ въ вѣчность. Семейныя и имущественныя отношенія въ крестьянской средѣ послѣ реформы усложнялись и запутывались; измѣнялся исподволь самый укладъ крестьянской семьи въ смыслѣ усиленія кровнаго начала передъ трудовымъ; подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, развивается и принимаетъ нерѣдко весьма рѣзкія формы имущественное неравенство среди членовъ одной и той же общины. Ясно, что обычное гражданское право, выработанное крестьянствомъ при крѣпостныхъ порядкахъ, не соотвѣтствовало, не могло соотвѣтствовать правосознанію народной массы, вышедшей на волю, очутившейся въ совершенно иныхъ услувіяхъ общественнаго, имущественнаго и даже семейнаго быта. Волостной судъ, долженствующій, по закону, руководствоваться обычаемъ, лишь въ рѣдкикъ случаяхъ находилъ въ немъ руководящія указанія. Всего чаще поэтому, подъ прикрытіемъ обычая, постановлялись рѣшенія произвольныя, завѣдомо пристрастныя. Подкупъ волостныхъ судей, лихоимство и угощенія водкой [1]) стали практиковаться въ весьма

[1]) „На обычай смотрѣть — заявилъ одинъ изъ волостныхъ судей Горкинской волости, костромской губ., нерехтскаго уѣзда, — глупо бываетъ. У насъ, на волости,

широкихъ размѣрахъ. О выработкѣ крестьянскаго обычнаго права при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи; волостной судъ не былъ, по общему правилу, носителемъ народно-правовыхъ обычаевъ, и не обычаи служили ему руководствомъ при разрѣшеніи подвѣдомственныхъ дѣлъ. Въ трудахъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ имѣются свѣдѣнія, собранныя въ началѣ семидесятыхъ годовъ посредствомъ устнаго опроса самихъ крестьянъ, относительно какъ самихъ волостныхъ судовъ, такъ и соблюдаемыхъ ими юридическихъ обычаевъ. Въ отзывахъ крестьянъ обращаетъ на себя особенное вниманіе ихъ отношеніе къ обычаю. Крестьяне заявляли: „обычаи теперь не существуютъ, ихъ перезабыли“; „коренного обычая своего у насъ нѣтъ“, „никакіе обычаи не соблюдаются“; „обычаевъ никакихъ нѣтъ“, „опредѣленныхъ мѣстныхъ обычаевъ у насъ нѣтъ“, „никакихъ мѣстныхъ крестьянскихъ обычаевъ у насъ нѣтъ и судьи такихъ обычаевъ не знаютъ“, „сходы и волостной судъ не руководствуются обычаями, которыхъ теперь не существуетъ“, „при рѣшеніи дѣлъ (волостные) судьи не руководствуются мѣстными крестьянскими обычаями, потому что у всякой бабы свой обычай, гдѣ ихъ знать“. Хотя на самомъ дѣлѣ изъ послѣдующихъ объясненій тѣхъ же крестьянъ оказывалось, что нѣкоторые обычаи, въ особенности въ области семейныхъ отношеній (наслѣдованія, раздѣла), какъ наиболѣе устойчивыхъ, сохранились въ крестьянской средѣ и въ извѣстной мѣрѣ соблюдались, тѣмъ не менѣе отрицаніе наличности обычаевъ и какъ бы пренебрежительное отношеніе къ обычному праву со стороны опрошенныхъ крестьянъ представляется въ высшей сьепени знаменательнымъ. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что, согласно народному представленію, сельскіе сходы и волостные суды въ своихъ рѣшеніяхъ по общему правилу руководствуются прежде всего своимъ благовоззрѣніемъ, что требованія обычая при этомъ отнюдь не являются обязательными. Такъ, напримѣръ, при распредѣленіи наслѣдства сельскіе сходы и волостные суды принимаютъ во вниманіе „только обстоятельства дѣла“, „хозяйственный бытъ крестьянъ“, „нравственность каждаго изъ наслѣдниковъ“; въ другомъ мѣстѣ крестьяне заявляютъ: „мѣстныхъ обычаевъ у насъ нѣтъ а рѣшаемъ всѣ дѣла, соображаясь съ обстоятельствами и глядя по человѣку, по здравому смыслу“; „смотримъ, каковъ есть человѣкъ, рабочій или лѣнивый“; „по спорамъ о раздѣлѣ трудолюбивому и трезвому волостной судъ больше присудитъ, чѣмъ озорнику и пьяницѣ“.

Но случаи, когда рѣшенія сельскихъ сходовъ и волостныхъ судовъ постановляются по соображеніямъ нравственнаго порядка, срав-

---

къ примѣру, есть обычай, что ежели кто подерется, то ставитъ полведра вина.. По этому обычаю въ одной деревнѣ за одну весну выпили съ тяжущихся 60 ведеръ. Какъ можно на судѣ обычаевъ держаться, да и кто ихъ знаетъ? на судъ мы смотримъ, не на обычай, а по своему обстоятельству рѣшаемъ“. („Труды коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ“, т. III стр. 326; С.-Петербургъ, 1873).

нительно не такъ часты. Гораздо чаще встрѣчаются рѣшенія, постановляемыя по соображеніямъ фискальнаго свойства. Отвѣчая по круговой порукѣ за платежи и повинности каждаго домохозяина, сельское общество получило возможность вмѣшиваться въ семейныя и имущественныя отношенія каждаго отдѣльнаго двора и постановлять въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшенія, ограждающія главнымъ образомъ интересы самого же общества, хотя бы и расходящіяся съ требованіями обычая.

Въ трудахъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ имѣются многочисленные отзывы крестьянъ, что при рѣшеніи дѣлъ о наслѣдствѣ „смотрятъ, что за человѣкъ, какое у него хозяйство, и сообразуются съ круговою порукою“. Такая точка зрѣнія оказывается весьма невыгодною для наслѣдованія женщинъ: лица мужскаго пола получаютъ столько, чтобы они могли „вести самостоятельное хозяйство и уплачивать подати и повинности“, а женщины—„только необходимое для ихъ прокормленія“. Въ Марьинской волости, мологскаго уѣзда, ярославской губерніи, „сходъ, при утвержденіи завѣщанія, наблюдаетъ, согласно ли оно съ круговою порукою. Ежели завѣщаніе противно круговой порукѣ, то сходъ отказывается утвердить такое завѣщаніе, Такъ, по нашему, сходъ не утвердитъ завѣщанія въ пользу дочери, ежели у завѣщателя остается сынъ малосильный“...

Очевидно, что при наличности всѣхъ указанныхъ выше условій въ пореформенномъ крестьянскомъ быту не было достаточно устойчивыхъ основаній ни для развитія новыхъ нормъ обычнаго права, ни для соблюденія уже имѣвшихся въ народномъ правосознаніи. Все стало на почву случайности и произвола; соблюденіе и примѣненіе обычая было не общимъ правиломъ, а исключеніемъ. Въ одной изъ волостей московской губерніи опрашивались: волостной старшина, шесть волостныхъ судей, волостной писарь и девять домохозяевъ о правахъ сыновей и дочерей при раздѣлѣ наслѣдства, оставшагося послѣ смерти отца. Отвѣтъ получился слѣдующій: „наслѣдниками считаются какъ сыновья, такъ и дочери, но послѣднія въ меньшей степени противъ первыхъ; впрочемъ, твердо сказать не могутъ, такъ какъ общество лучше знаетъ, что кому слѣдуетъ“... Еще характернѣе въ этомъ отношеніи отзывъ крестьянъ одной изъ волостей костромской губерніи: „мѣстныхъ обычаевъ по наслѣдству у насъ почти что нѣтъ; у насъ никто не знаетъ, что ему изъ наслѣдства дадутъ; кому судъ что дастъ, тотъ то и получаетъ“... А одинъ изъ волостныхъ выборныхъ харьковской губерніи откровенно заявилъ: „на счетъ наслѣдства никакихъ обычаевъ нѣтъ: судятъ просто, какъ въ голову придетъ— разъ по закону, другой—по тому, кто угоститъ; иной разъ такъ насудятъ, что хоть вонъ бѣги“...

Труды коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ представляются вообще чрезвычайно цѣннымъ и поучительнымъ матеріаломъ,

для изученія правовой жизни русскаго крестьянства по истеченіи первыхъ десяти лѣтъ со времени освобожденія его отъ крѣпостной зависимости. Матеріалъ этотъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, обогатившихъ нашу юридическую литературу. Одно изъ лучшихъ такихъ изслѣдованій принадлежитъ С. В. Пахману; оно озаглавлено: „Обычное гражданское право въ Россіи". Въ частности, относительно обычнаго права наслѣдованія у крестьянъ выводы С. В. Пахмана заключаются въ слѣдующемъ.

Главнымъ основаніемъ такого права, какъ и по закону, признается родство. Только родственники, т. е. лица, связанныя между собою узами крови или принадлежащія къ составу семьи на правахъ родственниковъ, имѣютъ право на оставшееся послѣ умершаго имущество. Смыслъ этого начала тотъ, что право наслѣдованія не предоставлено лицамъ постороннимъ, не принадлежавшимъ къ семьѣ на правахъ ея членовъ. Личный трудъ самъ по себѣ не даетъ никому права на имущество, принадлежащее семьѣ, а даетъ его только принадлежность къ составу семьи на правахъ ея члена: стороннія лица, живущія въ крестьянской семьѣ, но не принятыя на правахъ ея членовъ, никакого права на имущество не имѣютъ а имѣютъ лишь право на вознагражденіе за трудъ и, слѣдовательно, разсчитываются, какъ работники по найму. Съ другой стороны, хотя при распредѣленіи наслѣдства между самими членами семьи, какъ наслѣдниками, по заявленію крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, и дѣлается различіе, такъ что иному дадутъ меньше, чѣмъ другимъ, или даже вовсе устраняется отъ наслѣдства тотъ изъ наслѣдниковъ, который вовсе не принималъ участія своимъ трудомъ въ накопленіи семейнаго имущества, но случаи подобнаго рода являются какъ бы изъятіемъ изъ признаннаго почти повсюду принципа равноправности наслѣдниковъ, безъ всякаго различія между работавшими на семью и не работавшими. Указанное различіе, къ тому же, дѣлается не между членами семьи вообще, а между лицами, имѣющими и по обычаю право на наслѣдство, такъ что уменьшеніе доли или устраненіе отъ наслѣдства касается только лицъ, имѣющихъ на него право въ силу родства или принадлежности къ семьѣ на правахъ родственниковъ. Подтвержденіемъ того начала, что не трудъ самъ по себѣ признается основаніемъ права наслѣдованія, а связь родственная, семейная, служитъ, по мнѣнію профессора Пахмана, и то обстоятельство, что нерѣдко, при отсутствіи нисходящихъ родственниковъ, получаютъ наслѣдство братья умершаго, вовсе не жившіе въ его семьѣ и не принимавшіе никакого участія въ накопленіи имущества, или, напр., что родитель получаетъ, на правахъ отца, имѣніе незамужней дочери, ею самою пріобрѣтенное, хотя она не получила отъ него никакого приданаго и вовсе не жила въ его домѣ.

Основаніемъ права наслѣдованія, кромѣ родства, можетъ служить, по началамъ обычнаго права, и брачный союзъ; однако, въ этомъ от-

ношеніи обычаи далеко не одинаковы: обыкновенно вдова при дѣтяхъ наслѣдства не получаетъ, а имѣетъ лишь право на содержаніе со стороны сыновей; но при малолѣтнихъ дѣтяхъ вдова остается въ домѣ хозяйкою или же получаетъ все имущество мужа въ пожизненное владѣніе.

Что касается порядка наслѣдованія, то нельзя сказать, чтобы онъ обставленъ былъ какими либо строго опредѣленными правилами. Однако, и при громадномъ разнообразіи началъ и воззрѣній по этому предмету въ различныхъ мѣстностяхъ, проф. Пахману представляется возможнымъ выяснить, до извѣстной степени, самую систему порядка наслѣдованія и не только въ общихъ чертахъ, но и въ подробностяхъ. Въ основаніи этой системы лежитъ то общее начало, въ силу котораго ближайшими наслѣдниками повсюду признаются нисходящіе родственники и притомъ съ преимуществомъ, въ одной и той же линіи, ближайшей степени передъ дальнѣйшими. Такое предпочтеніе нисходящихъ родственниковъ остальнымъ является какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ права на содержаніе, которое предоставлено дѣтямъ при жизни родителей. При отсутствіи нисходящихъ, въ наслѣдство обыкновенно вступаютъ боковые родственники, и притомъ съ предпочтеніемъ ближайшей линіи дальнѣйшимъ: боковые родственники получаютъ наслѣдство, большею частью, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда не осталось въ живыхъ родителей или другихъ восходящихъ родственниковъ умершаго; въ противномъ случаѣ восходящіе предпочитаются боковымъ. Не рѣдки поэтому случаи наслѣдованія отца послѣ бездѣтно умершаго сына, — что и составляетъ одну изъ особенностей нашего обычнаго права, такъ какъ по писанному закону, въ отличіе отъ обычая и иностранныхъ системъ наслѣдованія, родители послѣ дѣтей не наслѣдники, а получаютъ „яко даръ“ только то имущество, которое дано было ими дѣтямъ, или получаютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, лишь пожизненное владѣніе. Затѣмъ во всѣхъ линіяхъ и степеняхъ лица мужского пола, по общему правилу, пользуются преимуществомъ предъ лицами женскаго пола,—хотя правило это далеко не безусловное. Въ порядкѣ наслѣдованія опредѣляются также тѣми или другими началами, представляющими крайнее разнообразіе, права супруговъ, равно какъ и особыхъ членовъ семьи, пользующихся правами дѣтей [1]).

Эти выводы проф. Пахмана, основанные на внимательномъ изученіи матеріала, собраннаго коммисіею по преобразованію волостныхъ судовъ, оспаривались и продолжаютъ оспариваться многочисленными писателями-юристами. Они настойчиво доказываютъ, что въ основѣ крестьянской семьи, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ сословій, лежитъ личное трудовое начало: имъ опредѣляются всѣ семейныя имущественныя правоотношенія, оно—исключительное основаніе наслѣдованія

---

[1]) *Пахманъ, С. В.* Обычное гражданское право въ Россіи. С.-Петербургъ 1879; т. II, стр. 210—215.

въ крестьянскомъ быту. Съ этимъ взглядомъ сторонниковъ трудовой теоріи врядъ ли можно согласиться.

Дѣйствительно, въ дореформенное время, при простотѣ и незначительности имущественнаго и кредитнаго оборота, при натуральномъ строѣ крестьянскаго хозяйства, общность семейнаго имущества у крестьянъ и преобладающее значеніе въ области семейныхъ имущественныхъ правоотношеній личнаго трудового начала были явленіями понятными и даже неизбѣжными: они вполнѣ соотвѣтствовали эпохѣ крѣпостного права, не признававшаго за крестьянами личной частной собственности и низведшаго крестьянство на степень рабочей силы.

Иначе складывался внутренній бытъ сельскаго населенія въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, слѣдовавшихъ за реформою. На первыхъ порахъ все остается на своемъ мѣстѣ: продолжаетъ дѣйствовать и укоренившееся въ народныхъ привычкахъ семейно-имущественное обычное право, признававшее имущество домохозяина общимъ достояніемъ семьи, а личный трудъ—основаніемъ для участія въ наслѣдствѣ и раздѣлѣ. Но постепенно новыя начала пробиваютъ себѣ дорогу въ народномъ правосознаніи, частью вслѣдствіе измѣнившихся условій хозяйственнаго быта сельскаго населенія, частью благодаря усиливающемуся вліянію писаннаго закона.

Все въ новой обстановкѣ жизни сельскаго населенія вело къ тому, чтобы ослабить хозяйственное значеніе общей семейной собственности, родоваго наслѣдственнаго имущества. Въ дореформенное время, при натуральномъ строѣ крестьянскаго хозяйства, всѣ излишки, всѣ хозяйственныя сбереженія воплощались въ домашнемъ скарбѣ, въ живомъ и мертвомъ инвентарѣ, приростомъ и количествомъ которыхъ измѣрялся достатокъ семьи; артельная организація послѣдней (у государственныхъ крестьянъ) поддерживалась и законодательствомъ, и мѣстными властями; она находила для себя опору и въ ограниченной до крайнихъ предѣловъ гражданской правоспособности крестьянъ.

Между тѣмъ послѣ реформы, до самыхъ 80-хъ годовъ, когда отмѣнена была подушная подать и понижены выкупные платежи, родовое имущество крестьянъ, по общему правилу, не представляло сколько-нибудь замѣтной цѣнности и не служило показателемъ достатка. Земля обложена была повинностями, въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствовавшими ея доходности: повинности эти поглощали земельную ренту и часть промысловыхъ заработковъ крестьянъ. Движимое имущество, равнымъ образомъ, не пріумножилось, а мѣстами замѣтно даже сократилось; въ особенности сократился рабочій скотъ— этотъ главнѣйшій показатель достатка и хозяйственной устойчивости сельскаго населенія. Сбереженія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, если и были, получали теперь иную, преимущественно денежную форму,— тѣмъ болѣе, что при постепенно и безостановочно возраставшей по-

датной задолженности крестьянъ и взысканіяхъ по круговой порукѣ, сколько-нибудь замѣтное увеличеніе движимаго имущества въ надѣльномъ домохозяйствѣ всегда сопряжено было съ извѣстнымъ рискомъ.

Однако, хозяйственная дѣятельность вышедшаго изъ крѣпостной зависимости крестьянина уже не ограничивалась областью земледѣльческаго промысла, какъ это было, по преимуществу, въ дореформенное время. Крестьянству, наравнѣ съ прочими сословіями въ государствѣ, были уже открыты и другіе, помимо земледѣлія, способы законнаго обогащенія. Пользуясь правомъ входить въ договоры, обязательства и подряды, производить торговлю, открывать фабрики и разныя торговыя и промышленныя и ремесленныя заведенія, отстаивать свои права на судѣ, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества, а также отчуждать таковыя, отдавать въ залогъ и вообще распоряжаться по своему усмотрѣнію [1]), каждый отдѣльный крестьянинъ получилъ доступъ къ обладанію благопріобрѣтеннымъ имуществомъ. Крестьянское населеніе при такихъ условіяхъ не могло остаться чуждымъ тому громадному перевороту въ экономическихъ условіяхъ и соціальномъ строѣ, который совершился у насъ въ эпоху реформъ: новыя теченія, благопріятствовавшія развитію капитализма, разлившись широкою волною, проникли не только въ высшіе и средніе слои русскаго общества, но и въ среду крестьянскую. Зародилось и крѣпло въ этой средѣ стремленіе къ индивидуализму, къ хозяйственной самостоятельности, къ выходу изъ стѣснительныхъ условій общиннаго быта, — стремленіе здоровое и разумное, но принимавшее нерѣдко болѣзненную форму, такъ какъ оно расходилось съ духомъ и строемъ пореформеннаго законодательства о крестьянахъ, принесшаго личное начало въ жертву общинному. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ условій исподволь совершается распаденіе большихъ семей, имѣвшихъ характеръ трудовыхъ артелей, на малыя, связанныя уже только кровнымъ родствомъ, гдѣ недостатокъ рабочей силы нерѣдко пополнялся наймомъ рабочихъ. Родовое надѣльное имущество составляетъ теперь общую собственность членовъ кровной семьи, такъ какъ всѣ они сообща отбываютъ лежащіе на этомъ имуществѣ платежи и повинности и всѣ работаютъ на одной нивѣ; но кромѣ родоваго, есть уже въ отдѣльныхъ домохозяйствахъ другое имущество — благопріобрѣтенное, обязанное своимъ происхожденіемъ трудовой дѣятельности не всѣхъ членовъ данной семьи, а лишь одного изъ нихъ, удачника на жизненномъ пути. Благопріобрѣтенное имущество не могло не произвести полнаго переворота въ семейно-имущественныхъ правоотношеніяхъ, сложившихся при иныхъ условіяхъ хозяйственной жизни крестьянъ. Будучи результатомъ личныхъ способностей, личной предпріимчивости и оборотливости даннаго лица, благопріобрѣтенное имущество, по не-

[1]) Общее положеніе, ст. 22—24, 29, 33 и др.

обходимости, допускаетъ большую свободу распоряженій со стороны его владѣльца. Вотъ почему къ началу 70-хъ годовъ завѣщательныя распоряженія, почти неизвѣстныя въ эпоху крѣпостного права, получаютъ довольно широкое распространеніе въ крестьянскомъ быту; достойно вниманія, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ располагать въ завѣщаніяхъ предоставляется однимъ лишь благопріобрѣтеннымъ имуществомъ—„нажитіемъ“ [1]), тогда какъ имущество родовое, надѣльное, или вовсе не подлежитъ завѣщанію или, если подлежитъ, то можетъ быть завѣщано только лицамъ, которымъ оно должно бы достаться и безъ завѣщанія, въ силу обычнаго порядка наслѣдованія. Такимъ образомъ, въ гражданскомъ оборотѣ крестьянъ является какъ бы два вида имуществъ, существенно отличавшихся между собою по своему экономическому значенію и юридическому характеру. Все это вносило новую путаницу въ народное правосознаніе и ставило на почву случайности и благоусмотрѣнія исходъ многихъ имущественныхъ споровъ, возникавшихъ между членами отдѣльныхъ крестьянскихъ семей изъ за наслѣдства и раздѣла имущества.

Крайняя неустойчивость правовыхъ нормъ, которыми руководствовались сельскіе сходы и волостные суды при разрѣшеніи существеннѣйшихъ вопросовъ хозяйственнаго быта крестьянъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они сознательно слѣдовали обычаю, а не находились подъ вліяніемъ соображеній, иногда мало имѣвшихъ общаго съ правосудіемъ,—не могла не способствовать проникновенію въ крестьянскую среду началъ писаннаго закона. Разсчитанный на иную среду и на иной строй экономическихъ отношеній, нашъ писанный законъ и для этой среды давно уже признавался устарѣвшимъ и несовершеннымъ. Тѣмъ очевиднѣе, казалось бы, непримѣнимость этого закона къ семейно-имущественнымъ правоотношеніямъ крестьянъ. Однако, съ отмѣною крѣпостной зависимости вліяніе въ сельской средѣ писаннаго закона становится все сильнѣе и все замѣтнѣе.

Какъ ни своеобразны были, на почвѣ узаконеній 19 февраля 1861 года, условія правоваго и хозяйственнаго быта крестьянъ въ ихъ собственной средѣ,—они внѣ этой среды, по необходимости, подчинялись дѣйствію общихъ судебно-административныхъ учрежденій и должны были считаться съ требованіями общегражданскихъ законовъ. Введеніе земства, новое судебное устройство, городское самоуправленіе, общая воинская повинность, преобразованіе податной системы,—всѣ эти реформы, шагъ за шагомъ, разрушали сословныя перегородки въ многословномъ русскомъ государствѣ и пріобщали крестьянство къ гражданской жизни высшихъ сословій. Реформами этими обезпечивался экономическій и культурный ростъ всего русскаго народа, а не от-

[1]) Труды коммиссіи по преобр. вол. суд. т. I, стр. 811; т. II, стр. 53; т. IV, стр. 659, § 5.

дѣльнаго общественнаго класса. Проживая въ городѣ, занимаясь торговлею и промыслами, уходя на заработки и вообще перенося свою хозяйственную дѣятельность за предѣлы общины, крестьянинъ исподоволь усвоивалъ требованія и начала писаннаго закона, которыми опредѣлялись семейныя и имущественныя правоотношенія той болѣе культурной среды, съ которою онъ непосредственно соприкасался.

Этими внѣшними условіями не исчерпываются, однако. причины быстраго усвоенія сельскимъ населеніемъ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ началъ писаннаго закона. Болѣе существенное значеніе имѣли въ данномъ случаѣ условія внутренняго порядка, коренившіяся въ глубинахъ самой сельской среды.

Обычное право, выработанное народною жизнью при крѣпостныхъ порядкахъ, не могло охватить собою всей той массы явленій, которыми осложнился правовой и хозяйственный бытъ крестьянъ сельскаго населенія послѣ реформы, а для выработки новыхъ нормъ обычнаго права не было твердой почвы въ общихъ условіяхъ русскаго пореформеннаго быта. Все ухудшавшійся, съ теченіемъ времени, строй крестьянскаго общественнаго самоуправленія и крайняя неудовлетворительность волостныхъ судовъ отнюдь не благопріятствовали закономѣрному примѣненію обычая, даже при наличности таковаго; тѣмъ менѣе способны были эти органы къ самостоятельному юридическому творчеству, къ созданію правовыхъ нормъ въ полномъ соотвѣтствіи съ измѣнившеюся обстановкою народной жизни. Не зная обычая или не находя въ немъ руководящихъ указаній, волостные судьи могли постановлять рѣшеніе, или сообразованное исключительно съ обстоятельствами даннаго дѣла, или соотвѣтствовавшее болѣе или менѣе требованіямъ писаннаго закона, истолкователемъ котораго для нихъ, по общему правилу, являлся волостной писарь. Въ первомъ случаѣ открытъ былъ широкій просторъ разнымъ стороннимъ вліяніямъ, особенно опаснымъ при безконтрольномъ характерѣ дѣятельности волостныхъ судовъ; во второмъ—примѣнялась норма, быть можетъ и не соотвѣтствовавшая народному правосознанію, но устранявшая возможность произвола и случайности. Къ чему вела подобная постановка крестьянскаго правосудія? Здравый смыслъ народа не могъ не оцѣнить важнѣйшаго преимущества писаннаго закона, что требованія его обязательны не только для заинтересованныхъ лицъ, но и для самого судьи. Крестьянамъ не трудно было усвоить мысль, что благоусмотрѣніе и произволъ судьи могутъ быть устранены лишь при дѣйствіи писаннаго закона, и неустранимы при дѣйствіи обычая, такъ какъ въ первомъ случаѣ судья примѣняетъ общеизвѣстную норму права къ данному частному случаю, а во второмъ — онъ самъ является какъ бы творцомъ права и каждый частный случай разрѣшаетъ по собственному усмотрѣнію. Тяготѣніе къ нормамъ писаннаго закона, ограждающаго личность отъ судейскаго произвола и предоставляющаго

бо̀льшій просторъ ея самоопредѣленію, дѣлаетъ поэтому быстрые успѣхи въ средѣ сельскаго населенія, особенно въ высшихъ слояхъ крестьянства, выдѣляющихся достаткомъ и умственнымъ развитіемъ.

Эти общія положенія вполнѣ подтверждаются приведенными выше свѣдѣніями объ обычномъ порядкѣ наслѣдованія у крестьянъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Семья крестьянская къ тому времени стала уже союзомъ лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ; юридическія отношенія между членами семьи представляются почти въ томъ же видѣ, какъ и по праву писанному, съ нѣкоторыми лишь уклоненіями, обусловленными наличностью общаго семейнаго хозяйства; основаніемъ права наслѣдованія служитъ кровное родство; въ самомъ порядкѣ наслѣдственнаго преемства нѣтъ строго опредѣленныхъ правилъ, однако, и тутъ замѣчается много общаго съ системою писаннаго закона.

Въ матеріалахъ, собранныхъ коммисіею по преобразованію волостныхъ судовъ, имѣется не мало указаній на то, что, разрѣшая наслѣдственныя дѣла, сельскіе сходы и волостные суды руководствуются писаннымъ закономъ. „Съ писаремъ совѣтуемся, — заявляютъ волостные судьи Соболевской волости костромской губерніи—какъ „по закону“ и онъ намъ только вычитываетъ права“. Въ Норской волости ярославской губерніи при распредѣленіи имущества между наслѣдниками нерѣдко „принимаются во вниманіе общіе законы о наслѣдствѣ“. Въ Крестобогородской волости той же губерніи „обычаевъ при распредѣленіи наслѣдства никакихъ нѣтъ; сельскіе сходы и волостной судъ руководствуются въ этихъ дѣлахъ общими законами, изложенными въ книгѣ изданія Мунина“.

Вліяніе писаннаго закона всего нагляднѣе прослѣдить въ измѣнившемся порядкѣ наслѣдованія дочерей. Согласно общему правилу, относящемуся къ наслѣдованію дочерей въ имуществѣ отца и выработанному, несомнѣнно, въ эпоху, предшествующую реформѣ 19 февраля,—дочери при сыновьяхъ вовсе устраняются отъ наслѣдованія послѣ отца—„сестра при братьяхъ не наслѣдница“. При опросѣ крестьянъ, ими приводились различныя основанія къ устраненію дочерей отъ наслѣдства: „изъ чего ей выдѣлять, когда намъ самимъ подчасъ ѣсть нечего;“ „онѣ, какъ женскаго пола, не имѣютъ правъ, а могутъ только надѣяться на милость“; „хозяйства вести не могутъ“. Кромѣ такихъ показаній, объясненіе столь распространеннаго обычая можно видѣть, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ, что дочь въ семьѣ какъ бы чужая, во всякое время готовая выйти въ другую семью, такъ что выдѣленіе ей части изъ имущества умершаго было бы потерею для прочихъ членовъ семьи, которые должны продолжать хозяйство послѣ умершаго. Взамѣнъ наслѣдства дочь получаетъ содержаніе отъ братьевъ: она обыкновенно остается на жительствѣ у одного изъ братьевъ, который обязанъ кормить и одѣвать ее, а при выходѣ замужъ снабдить приданымъ по своему состоянію; братъ за-

ступаетъ сестрѣ мѣсто отца. Впрочемъ, эта обязанность братьевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ признавалась не столько юридическою, сколько нравственною.

Но уже къ началу 70-хъ годовъ, по свѣдѣніямъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ, правило объ устраненіи дочерей, при братьяхъ, отъ наслѣдства послѣ отца не вездѣ имѣетъ безусловную силу. Есть мѣстности, гдѣ принято, чтобы братья удѣляли незамужней сестрѣ, послѣ смерти отца, нѣкоторую часть имущества, размѣръ которой, однакоже, не опредѣленъ, а обозначается выраженіями: „по усмотрѣнію“, „изъ милости“, „малость“ „малая часть“, „малая толика“, т. е. зависитъ вполнѣ отъ воли братьевъ. Иногда нѣкоторая часть движимаго имущества выдѣляется дочерямъ, при раздѣлѣ послѣ умершаго, самими крестьянскими учрежденіями; въ этомъ случаѣ величина ея зависитъ отъ ихъ усмотрѣнія и опредѣляется, главнѣйше, тѣмъ соображеніемъ, „чтобы не разстроить хозяйства“.

Отъ общаго правила объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца встрѣчаются, однако, уклоненія и въ смыслѣ права, такъ что часть оставшагося имущества выдѣляется и сестрѣ независимо отъ желанія или нежеланія ея братьевъ: крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей прямо заявляли, что дочь при сыновьяхъ также наслѣдуетъ послѣ отца. Мѣстами, несомнѣнно подъ вліяніемъ писаннаго закона, установился и самый размѣръ выдѣляемой сестрѣ части отцовскаго имущества. Такъ ей выдѣляется, а если сестеръ нѣсколько, то всѣмъ вмѣстѣ, напр. $^1/_{14}$, $^1/_8$, $^1/_7$, $^1/_4$ или $^1/_3$ часть — большею частью только изъ оставшейся послѣ отца движимости, причемъ, однако же, не устраняется вовсе обязанность братьевъ давать сестрамъ пріютъ и приданое. Встрѣчаются указанія, что сестра получаетъ, обыкновенно изъ движимаго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и изъ недвижимаго имущества, даже равную съ братьями часть [1]).

Нѣтъ надобности, казалось бы, въ другихъ болѣе яркихъ и убѣдительныхъ доказательствахъ того положенія, что уже въ первое десятилѣтіе жизни освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости крестьянства, имъ усвоены нѣкоторыя начала писаннаго закона, даже шедшія въ явный разрѣзъ съ обычаемъ. А чѣмъ дальше шло время, чѣмъ сильнѣе и могущественнѣе сплеталась жизнь крестьянства съ жизнью другихъ сословій въ государствѣ, тѣмъ это усвоеніе сельскимъ населеніемъ писаннаго закона становилось неизбѣжнѣе и необходимѣе. Преобразованіе волостныхъ судовъ, по закону 12 іюля 1889 года, открыло новый просторъ воздѣйствію писаннаго закона на всѣ стороны юридическаго быта крестьянъ. Временными правилами о волостномъ судѣ компетенція этого суда по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ расширена. „При разрѣшеніи жалобъ и споровъ между кре-

[1]) *Пахманъ* Обычное право, т. II, стр. 228.—232.

стьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, волостной судъ руководстуется мѣстными обычаями". Дѣятельность волостныхъ судовъ контролируется отдѣльными лицами и учрежденіями—уѣздными съѣздами и губернскими присутствіями. Уѣздный съѣздъ получилъ значеніе не только кассаціонной, но и апелляціонной инстанціи надъ волостнымъ судомъ, съ правомъ постановлять новое рѣшеніе по существу, въ отмѣну рѣшенія волостного суда. Пересмотръ рѣшеній волостныхъ судовъ отнесенъ къ судебнымъ дѣламъ уѣздныхъ съѣздовъ, которые по этимъ дѣламъ дѣйствуютъ на основаніи правилъ о волостномъ судѣ, слѣдовательно руководствуются „мѣстными обычаями".

Такимъ образомъ, законодатель упорно проводилъ тотъ взглядъ, что гражданскія правоотношенія крестьянъ должны опредѣляться „на основаніи обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту" [1]). Но если сами крестьяне, уже въ началѣ 70-хъ годовъ, отнѣкивались незнаніемъ обычая, то откуда могли почерпнуть такое знаніе,—знаніе „обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту" уѣздные съѣзды и губернскія присутствія, руководящія и нынѣ гражданско-правовою жизнью крестьянъ?

Да и научная разработка такъ называемаго обычнаго права за послѣднія 20 — 25 лѣтъ не сдѣлала у насъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Причина очень понятна. Хотя и послѣ изданія, въ началѣ 70-хъ годовъ, трудовъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ, отъ времени до времени появлялись у насъ и продолжаютъ появляться новые литературные источники по обычному праву, но самая разновременность заключающагося въ нихъ матеріала и слишкомъ мѣстный его характеръ дѣлаютъ тѣ источники непригодными для цѣлей широкаго научнаго обобщенія. Между тѣмъ новой попытки собрать и издать, въ сколько-нибудь систематическомъ видѣ, рѣшенія волостныхъ судовъ, собранныя по возможности въ различныхъ раіонахъ Россіи и относящіяся къ одному и тому же періоду времени, повторено не было: примѣръ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ остался, къ сожалѣнію, безъ подражанія. Такимъ образомъ, изслѣдователи, интересующіеся обычнымъ правомъ, все еще безплодно вращаются въ области собранныхъ той коммисіею крайне устарѣвшихъ матеріаловъ, не замѣчая полнаго ихъ несоотвѣтствія съ условіями современной жизни русскаго крестьянства [2]).

При наличности указанныхъ условій, временныя правила о волостномъ судѣ, введенныя въ дѣйствіе закономъ 12 іюля 1889 года,

---

[1]) Общее положеніе, ст. 107.

[2]) Примѣромъ такого рода изслѣдованій является трудъ В. Ф. *Мухина*, „Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ". Изданіе редакціонной коммисіи по составленію гражданскаго уложенія. С.-Петербургъ, 1888.

не могли оправдать ожиданій законодателя. Уѣздные съѣзды и губернскія присутствія, поставленные на стражѣ „обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“, на самомъ дѣлѣ явились дѣятельными проводниками въ крестьянскую среду писаннаго закона. Жизнь взяла свое. Прежде усвоеніе началъ писаннаго закона сельскимъ населеніемъ было слѣдствіемъ причинъ, коренившихся въ самыхъ условіяхъ народнаго быта, — шло только снизу; теперь оно идетъ и сверху, совершается какъ бы принудительнымъ порядкомъ.

Судить о томъ, въ какой мѣрѣ начала писаннаго закона усвоены правосознаніемъ современнаго крестьянства и проявляются въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, — не представляется возможнымъ за неимѣніемъ надлежащихъ данныхъ. Нѣкоторый свѣтъ на это, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи порядка наслѣдованія у крестьянъ, проливаютъ, однако, заключенія губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Между прочимъ совѣщаніямъ предложено было высказаться по слѣдующимъ вопросамъ. Соблюдается ли какой-нибудь опредѣленный обычный порядокъ наслѣдованія подворно-наслѣдственными участками и въ чемъ онъ заключается? Не существуетъ ли, въ частности, обычая перехода наслѣдственныхъ правъ на такіе участки къ одному изъ сыновей (старшему или младшему) и какія права предоставляются въ этомъ случаѣ остальнымъ членамъ семейства? Какъ разрѣшаются вопросы о наслѣдованіи вдовъ, дочерей (замужнихъ и незамужнихъ), пріемышей (усыновленныхъ), незаконнорожденныхъ? Возможно ли внести въ законъ какія-либо общія правила въ отношеніи порядка наслѣдованія или какія-либо ограниченія обычныхъ правилъ, напр., недопущеніе къ наслѣдованію постороннихъ лицъ (не принадлежащихъ къ обществамъ или къ сельскому состоянію)? Если это невозможно, то какими иными мѣрами слѣдуетъ упорядочить наслѣдственный переходъ подворныхъ участковъ, имѣя при этомъ въ виду соблюденіе постановленій о низшей и высшей нормахъ? Какія мѣры надлежало бы принять для устраненія затрудненій, связанныхъ съ утвержденіемъ правъ на подворные участки при переходѣ ихъ по наслѣдству (по закону и по завѣщанію)? [1]).

Хотя, такимъ образомъ, губернскимъ совѣщаніямъ надлежало представить свѣдѣнія, относящіяся исключительно до наслѣдованія подворно-наслѣдственными участками, однако, собранный ими матеріалъ имѣетъ болѣе широкое значеніе. Не говоря уже о томъ, что подворно-участковое землевладѣніе въ губерніяхъ великороссійскихъ въ чистомъ видѣ не встрѣчается и что, слѣдовательно, между этимъ землевладѣніемъ и общиннымъ не можетъ быть существенной разницы съ точки зрѣнія наслѣдственнаго преемства, — представляется несомнѣн-

---

[1]) Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. Томъ III, стр. 273 и слѣд.

нымъ, что земельное имущество составляетъ тотъ центръ, около котораго вращаются всѣ хозяйственные интересы родовой крестьянской земли. Поэтому начала, примѣняемыя къ наслѣдованію земельныхъ участковъ, характеризуютъ современный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ вообще. Правда, свѣдѣнія, сообщаемыя губернскими совѣщаніями, не отличаются надлежащею полнотою и разработанностью, но онѣ имѣютъ то большое достоинство, что всѣ относятся къ одному и тому же времени — къ началу 90-хъ годовъ и обнимаютъ собою, за немногими исключеніями, всѣ губерніи Европейской Россіи. Предварительно общихъ выводовъ и заключеній, разсмотримъ подробно матеріалъ объ обычномъ порядкѣ наслѣдованія у крестьянъ, располагая таковой, въ видахъ большаго удобства, по отдѣльнымъ раіонамъ Россіи.

II.

Изъ числа сѣверныхъ пріозерныхъ губерній свѣдѣнія объ обычномъ порядкѣ наслѣдованія подворно-наслѣдственными участками имѣются только для с.-петербургской губерніи. Какого-либо общаго порядка въ этомъ отношеніи здѣсь не существуетъ. Если между членами семьи умершаго домохозяина не состоится соглашенія, то они обыкновенно дѣлятъ между собою какъ движимое, такъ и недвижимое имущество. У поселенцевъ нѣмецкихъ колоній петергофскаго уѣзда принято за правило: не дѣлить имущества на такомъ участкѣ, въ которомъ земли менѣе, нежели полагается на полудворъ, причемъ членъ семьи, принявшій полудворъ, уплачиваетъ остальнымъ отдѣляющимся членамъ семьи соотвѣтствующія доли по оцѣнкѣ, произведенной на сходѣ. Въ лужскомъ уѣздѣ наслѣдованіе въ крестьянскихъ семьяхъ, вообще, происходитъ и по обычаю, и по общимъ гражданскимъ законамъ. Имущество, оставшееся послѣ умершаго домохозяина, имѣвшаго сыновей и дочерей, обыкновенно дѣлится между его сыновьями поровну, безъ выдѣла долей дочерямъ. По с.-петербургскому уѣзду установился обычай, въ силу котораго, послѣ смерти отца, наслѣдуютъ сыновья въ такихъ доляхъ: старшій сынъ и тѣ, которые записаны въ ревизскія сказки, получаютъ по цѣлому душевому надѣлу, а другіе — остальную землю, смотря по тому, сколько надѣловъ было въ данной семьѣ, причемъ, если нѣтъ завѣщанія, то по равной части, а при завѣщаніи — по усмотрѣнію завѣщателя. При живыхъ братьяхъ дочери не наслѣдуютъ, а получаютъ или единовременную выдачу при выходѣ въ замужество, или ежегодныя выдачи съ доходовъ хозяйства; наслѣдуютъ же они лишь при отсутствіи братьевъ. Встрѣчаются примѣры вступленія въ завѣдываніе хозяйствомъ и вдовъ, хозяйствованіе которыхъ, впрочемъ, бываетъ непродолжительное, такъ какъ сыновья немедленно требуютъ раздѣла. Въ

подобныхъ случаяхъ мать уходитъ изъ дома съ другимъ членомъ семьи и, затѣмъ, получаетъ часть съ общихъ доходовъ. Въ отношеніи наслѣдованія дочерей есть примѣры завѣщанія имъ части усадьбы или полевого надѣла съ постройками, даже при выходѣ ихъ въ замужество за лицъ, не принадлежащихъ къ составу общества и волости:— за мѣщанъ, финляндскихъ уроженцевъ и т. п. Зятья, входящіе въ домъ, по обычаю пользуются правами сыновей. Далѣе, въ петербургскомъ уѣздѣ существуетъ обычай, по которому участокъ, остающійся послѣ умершаго домохозяина, переходитъ къ сыну, остающемуся въ домѣ при смерти отца, если старшіе сыновья отдѣлены раньше. Вдова, при неимѣніи сыновей, выйдя замужъ за постороннее лицо, послѣ смерти своей передаетъ участокъ этому лицу. Дочь, при вдовѣ матери или престарѣломъ отцѣ, выходя замужъ за постороннее лицо, дѣлается хозяйкой участка вмѣстѣ съ мужемъ.

Въ вятской губерніи, — единственной изъ числа сѣверныхъ лѣсныхъ губерній, относительно которой имѣются свѣдѣнія, — подворный участокъ, по понятію мѣстнаго населенія, есть собственность не одного домохозяина, а всей семьи, составляющей дворъ, пока кто-либо изъ членовъ семьи не выйдетъ (черезъ раздѣлъ, выходъ въ замужество) изъ состава этого двора. Такимъ образомъ, дочери наслѣдодателя, выданныя замужъ при его жизни въ другую деревню, въ наслѣдованіе подворнымъ участкомъ уже не вступаютъ. Вдова, по смерти мужа, если не выйдетъ въ замужество, пользуется въ подворномъ участкѣ всѣми правами умершаго супруга. Послѣ смерти вдовы участокъ переходитъ къ ея сыновьямъ, а незамужнія дочери, послѣ матери, участвуютъ въ наслѣдствѣ вмѣстѣ съ сыновьями въ равныхъ частяхъ, а иногда и въ половинной части. Такимъ же правомъ пользуются зятья, взятые въ домъ при неимѣніи сыновей. Незаконнорожденный, прижитый вдовою послѣ смерти мужа, въ наслѣдованіи его имуществомъ не участвуетъ. Незаконнорожденные же, взятые въ домъ вмѣстѣ съ матерью при выходѣ ея въ замужество, участвуютъ наравнѣ съ сыновьями, прижитыми отъ законнаго брака. Весь участокъ, если онъ состоитъ только изъ одного сѣнокоса, къ одному изъ наслѣдниковъ (старшему или младшему брату) никогда не переходитъ, а дѣлится между ними. Одворица же, обыкновенно, достается младшему брату, а старшій, при раздѣлѣ, выѣзжаетъ на запасную, если по строительнымъ правиламъ, при возведеніи новыхъ избъ и построекъ, братья не могутъ помѣститься на одной одворицѣ. При такомъ взглядѣ крестьянъ на сущность подворнаго владѣнія, постороннія лица, не принадлежащія ко двору, а тѣмъ болѣе къ составу мѣстной общины, по мѣстнымъ обычаямъ къ наслѣдованію подворными участками не допускаются. Иногда со стороны домохозяевъ, владѣльцевъ подворныхъ участковъ, замѣчается стремленіе пойти въ разрѣзъ существующему взгляду на подворное владѣніе и распоряжаться подворнымъ

участкомъ, какъ своею личною собственностью, предоставляя его въ наслѣдство кому-либо одному, въ прямой ущербъ остальнымъ членамъ семьи, посредствомъ духовнаго завѣщанія, чаще всего составляемаго у нотаріусовъ. Бывали случаи, что, имѣя двухъ взрослыхъ сыновей, трудами которыхъ упрочено благосостояніе цѣлой семьи, крестьянинъ-домохозяинъ свое имущество, не исключая и подворнаго участка, оставлялъ только одному изъ нихъ или, будучи вдовъ и женившись на другой женѣ, все свое имущество предоставлялъ этой послѣдней, обходя взрослыхъ и семейныхъ своихъ сыновей.

Въ распоряженіе подворно-наслѣдственными участками сельскія общества сѣверныхъ лѣсныхъ губерній не вмѣшиваются.

Въ пріуральскихъ губерніяхъ опредѣленнаго порядка наслѣдованія подворныхъ участковъ не имѣется; въ маломъ количествѣ встрѣчающагося здѣсь подворнаго пользованія, въ случаѣ выдѣленія частей семействъ, раздѣлы совершаются примѣнительно къ раздѣламъ въ селеніяхъ, пользующихся землею на общинномъ правѣ. Вдовы (при обоихъ видахъ землепользованія) нерѣдко бываютъ на сходахъ съ пользою для дѣла, а вопросъ о наслѣдованіи является только по возникновеніи желанія раздѣла, разрѣшается же разнообразно. Въ случаѣ смерти родителя безъ завѣщанія, участокъ обыкновенно поступаетъ въ пользу всѣхъ наслѣдниковъ, между которыми и дѣлится. Вдовы, если онѣ пожелаютъ отдѣлиться отъ сыновей, получаютъ извѣстную часть, которою могутъ располагать по своему усмотрѣнію. Замужнія дочери наслѣдуютъ лишь при неимѣніи сыновей. Пріемыши и незаконнорожденные пользуются одинаковыми правами съ законными сыновьями наслѣдодателей. Между магометанами всякіе раздѣлы совершаются на основаніи шаріата; впрочемъ недовольные могутъ просить о пересмотрѣ дѣла общимъ порядкомъ.

По сохранившимся до сего времени воззрѣніямъ крестьянъ, подворный участокъ принадлежитъ цѣлому крестьянскому двору, если только онъ не былъ пріобрѣтенъ домохозяиномъ путемъ покупки. Такіе участки, по принятому обычаю, отчуждаются не иначе, какъ съ согласія всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи: жены и сыновей. Обычай этотъ настолько глубоко вкоренился въ сознаніи крестьянъ, что волостнымъ судамъ нерѣдко приходится разбирать жалобы даже со стороны достигшихъ совершеннолѣтія сыновей на неправильное отчужденіе родителемъ ихъ наслѣдственнаго участка во время ихъ малолѣтства.

Въ раіонѣ пріуральскихъ губерній распоряженія владѣльцевъ своими участками никакимъ ограниченіямъ со стороны сельскихъ обществъ не подвергаются.

Указать съ положительностью обычный порядокъ наслѣдованія въ крестьянской средѣ подворными участками въ губерніяхъ средняго Поволжья, при всѣхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ и семейныхъ хозяй-

ственныхъ отношеніяхъ наслѣдниковъ между собою и наслѣдодателемъ, губернскія совѣщанія признали затруднительнымъ, такъ какъ случаи наслѣдованія подворными участками, доходившіе до суда и до присутственныхъ мѣстъ, весьма немногочисленны. Общепринятыя, повидимому, правила наслѣдованія подворныхъ участковъ заключаются въ слѣдующемъ. При существованіи въ семьѣ лицъ мужского и женскаго пола, наслѣдниками признаются только первыя; лица женскаго пола, незамужнія имѣютъ право лишь на прокормленіе отъ семьи и на помѣщеніе, иногда даже на устройство особой кельи, въ зависимости отъ состава семьи и ея средствъ. Замужнія дочери никакихъ наслѣдственныхъ правъ послѣ отца не имѣютъ. Права наслѣдованія дочерей принимаются въ соображеніе лишь въ томъ случаѣ, когда нѣтъ наслѣдниковъ мужского пола. Сыновья, отдѣленные при жизни отца, наслѣдственныхъ правъ на подворно-наслѣдственные участки не имѣютъ. Прочіе же сыновья, жившіе съ отцомъ или присылавшіе ему свои заработки, имѣютъ одинаковыя права наслѣдованія. Зять, принятый въ домъ, пріемыши и незаконнорожденные имѣютъ право на подворный участокъ лишь при завѣщаніи о семъ старшаго члена; въ противномъ случаѣ означенныя лица имѣютъ право только на урожай, инвентарь и, вообще, на движимость, въ пріобрѣтеніи которой они участвовали личнымъ трудомъ. Старшій членъ семьи или домохозяинъ во всякомъ случаѣ признается полноправнымъ распорядителемъ подворнаго участка, за исключеніемъ права отчужденія; всѣ члены семьи безусловно подчиняются ему въ экономическомъ и хозяйственномъ отношеніи. Когда старшій членъ семьи отецъ, то при жизни его, помимо его воли, раздѣлъ не можетъ имѣть мѣста; послѣ же смерти отца, домохозяиномъ дѣлается старшій изъ проживающихъ дома братьевъ или кто-либо иной изъ состава семьи, по завѣщанію умершаго главы ея; раздѣлъ семьи совершается по правиламъ о семейныхъ раздѣлахъ. Женщины, сироты и престарѣлые, согласно существующему обычаю, должны пользоваться помѣщеніемъ и пищею отъ семьи.

Вмѣшательства сельскихъ обществъ въ губерніяхъ средняго Поволжья въ распоряженія отдѣльныхъ членовъ подворно-наслѣдственными участками не наблюдается, за исключеніемъ случаевъ, когда участки эти представляются забытыми или земля передѣляется между домохозяевами по правиламъ общиннаго землевладѣнія.

Въ раіонѣ черноземныхъ степныхъ губерній опредѣленнаго порядка наслѣдованія подворно-наслѣдственными участками у крестьянъ не существуетъ. Въ однихъ уѣздахъ частнаго обычая перехода наслѣдственныхъ правъ къ одному изъ членовъ семейства не установилось, причемъ наслѣдованіе вдовъ и замужнихъ дочерей послѣ смерти мужей и отцовъ производится такимъ образомъ, что земля всецѣло переходитъ въ ихъ полное потомственное пользованіе до тѣхъ поръ, пока участокъ не сдѣлается выморочнымъ. Въ другихъ уѣздахъ при-

нято за правило, что выданныя при жизни отца въ замужество дочери, а также и тѣ, которыя будутъ выданы въ замужество по смерти отца оставшимися въ живыхъ братьями, не простираютъ своихъ правъ на пользованіе подворно-наслѣдственными участками; пріемыши же, усыновленные и незаконнорожденные, пользуются одинаковыми правами съ родными дѣтьми; наконецъ, есть мѣстности, гдѣ порядокъ наслѣдованія подворно-наслѣдственными участками разрѣшается общими судебными учрежденіями и, слѣдовательно, обычай здѣсь уступаетъ мѣсто писанному закону. Въ воронежской губерніи, преимущественно въ южныхъ ея уѣздахъ, имѣются четвертные владѣльцы, которые принадлежатъ иногда не только къ разнымъ обществамъ, но и къ разнымъ уѣздамъ и, владѣя своими землями по владѣннымъ записямъ, пользуются ими подворно. Въ наслѣдованіи этихъ земель наблюдается въ бирюченскомъ уѣздѣ нижеслѣдующій порядокъ. Земля переходитъ отъ отца къ сыновьямъ въ равныхъ частяхъ и къ дочерямъ, когда нѣтъ сыновей. Если земля перешла къ дочерямъ, то послѣ нихъ наслѣдуютъ сначала дочери въ разныхъ частяхъ, а сыновья только тогда, когда нѣтъ дочерей; такимъ образомъ, земля женщины идетъ въ женское потомство, а мужская—въ мужское. По общему правилу сельскія общества не вмѣшиваются въ распоряженія подворныхъ владѣльцевъ принадлежащими имъ наслѣдственными участками. Но въ тамбовской губерніи въ нѣкоторыхъ обществахъ, получившихъ отводы надѣловъ на все селеніе, но пользующихся подворно, такое вмѣшательство допускается при распланированіи селеній послѣ пожара и при семейныхъ раздѣлахъ, когда надѣлъ и усадьбы распредѣляются пропорціонально числу наличныхъ душъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ сходъ, при недостаткѣ земли, пользуется правомъ отводить вновь образующемуся отъ раздѣла подворному участку земельный надѣлъ изъ выморочныхъ участковъ или, вообще, изъ имѣющейся въ общемъ владѣніи земли; наконецъ, подворно-наслѣдственными участками сходъ распоряжается и въ случаѣ принятія мѣръ противъ недоимщиковъ, на основаніи ст. 188 полож. о вык.

Изъ числа новороссійскихъ губерній сравнительно большею полнотою отличаются свѣдѣнія о порядкѣ наслѣдованія подворно-наслѣдственными участками въ бессарабской губерніи. Въ бессарабскомъ положеніи 14 іюля 1868 года объ устройствѣ быта мѣстныхъ поселянъ-царанъ постановлено (ст. 35), что земля, отведенная поселянамъ въ надѣлъ, остается подъ названіемъ мірской земли въ постоянномъ пользованіи сельскаго общества и образуетъ собою неприкосновенную землю поселянскаго надѣла, предназначенную для постояннаго обезпеченія быта всего земледѣльческаго сословія. Для каждой мѣстности опредѣлена положеніемъ и высшая норма надѣла, достаточнаго для обезпеченія быта одного семейства, а по силѣ примѣчанія къ ст. 10 положенія, каждый женатый домохозяинъ или вдовецъ, имѣющій дѣтей,

признается отдѣльнымъ семействомъ, долженъ быть записанъ отдѣльнымъ нумеромъ по ревизіи и получить окладной надѣлъ. Такимъ образомъ, въ Бессарабіи почти въ каждомъ селеніи бывали случаи, что отецъ получалъ отдѣльный надѣлъ, а сынъ женатый или дочь, вышедшая замужъ, получали самостоятельные надѣлы, какъ составлявшіе отдѣльныя семейства. Наконецъ, по силѣ ст. 36 того же мѣстнаго положенія, участки мірской земли усадебные и полевые, предоставленные въ надѣлъ отдѣльныхъ семействъ, остаются въ потомственномъ пользованіи этихъ семействъ; порядокъ же наслѣдованія этими семейными участками опредѣляется мѣстными обычаями.

Послѣ надѣленія царанъ землею, въ разныхъ мѣстностяхъ бессарабской губерніи стали возбуждаться споры о порядкѣ наслѣдованія крестьянскими надѣлами и при разрѣшеніи таковыхъ на практикѣ возникъ вопросъ о томъ, въ правѣ ли сынъ или дочь, составляющіе отдѣльныя семейства и получившіе самостоятельные надѣлы, унаслѣдовать отцовскіе участки.

Крестьянскіе сословные волостные суды Бессарабіи и мѣстныя учрежденія, вѣдающія крестьянское дѣло, примѣняясь къ точному смыслу приведеннаго положенія 14 іюля 1868 года и основываясь на мѣстныхъ, существующихъ у крестьянъ, обычаяхъ, опредѣлительно установили, что участокъ даннаго семейства, послѣ смерти хозяина, переходитъ по наслѣдству только къ безземельнымъ членамъ того же семейства и ихъ нисходящимъ потомкамъ, но отнюдь не къ членамъ другого семейства, образовавшагося, согласно ст. 10 положенія и примѣчанія къ ней, и получившаго самостоятельный надѣлъ земли. Крестьянскіе волостные суды губерніи и крестьянскія учрежденія установили такое положеніе, исходя изъ тѣхъ соображеній, что если допустить право наслѣдованія въ отцовскомъ надѣлѣ сына, имѣющаго самостоятельный надѣлъ, или дочери, вышедшей замужъ за надѣленнаго поселянина, то другіе сыновья, живущіе при отцѣ и не имѣющіе вовсе земли, должны были бы очевидно дѣлить отцовскій надѣлъ не только между собой, но и между братьями и сестрами, имѣющими собственные надѣлы. Между тѣмъ, при такомъ порядкѣ въ рукахъ одного поселянина путемъ наслѣдованія сосредоточилось бы болѣе одного надѣла и не достигнута была бы цѣль, которая положена въ основу положенія 14 іюля 1868 года относительно обезпеченія надѣльною землею всѣхъ членовъ общества. Поэтому волостные суды и крестьянскія учрежденія установили правило, что участокъ такого семейства, послѣ котораго въ нисходящей линіи не осталось бы потомковъ, имѣющихъ, въ силу вышеизложеннаго, права на унаслѣдованіе, переходитъ въ распоряженіе общества, которое предоставляетъ такой упразднившійся участокъ семейству, не надѣленному землей.

Примѣненія обычая къ порядку наслѣдованія надѣльными землями при подворномъ владѣніи въ бессарабской губерніи всегда и

вездѣ имѣло мѣсто какъ у бывшихъ помѣщичьихъ поселянъ, надѣленныхъ землею по уставнымъ грамматамъ, такъ равно у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, колонистовъ (нѣмецкихъ и болгарскихъ) и бывшихъ казаковъ упраздненнаго новороссійскаго казачьяго войска,— но съ различными измѣненіями въ каждомъ уѣздѣ, смотря по національностямъ и разнымъ мѣстнымъ условіямъ. Такъ, напр., у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (молдаванъ и малороссовъ) болѣе укоренившимся обычаемъ, заимствованнымъ отчасти отъ древнихъ мѣстныхъ мелкихъ собственниковъ-резешей Бессарабіи, является въ дѣлѣ наслѣдованія тотъ, что подворный участокъ раздѣляется поровну между всѣми членами семьи мужского пола, не получившими отдѣльно самостоятельныхъ семейныхъ надѣловъ, съ предоставленіемъ усадьбы всегда младшему сыну. Дочерямъ, вышедшимъ замужъ за членовъ другихъ обществъ или мѣстныхъ поселянъ, обезпеченныхъ землей, равно вдовамъ, вышедшимъ вторично замужъ, надѣльной земли по наслѣдству не предоставляется, но онѣ участвуютъ въ наслѣдованіи только движимымъ имуществомъ; дочери же, вышедшія замужъ за мѣстныхъ безземельныхъ односельцевъ поселянъ, равно незамужнія, допускаются или къ наслѣдованію части полевыхъ угодій полевого участка, или взамѣнъ этого получаютъ соотвѣтственное своимъ долямъ денежное вознагражденіе, либо иное движимое имущество. Вдовы, не вышедшія замужъ, при малолѣтнихъ дѣтяхъ распоряжаются всѣмъ оставшимся, за выдѣломъ старшихъ, движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Если же малолѣтнихъ нѣтъ, то такая вдова, пользуясь послѣ смерти мужа особымъ участкомъ надѣльной земли вмѣстѣ съ усадьбой, оставляетъ таковые послѣ своей смерти, обыкновенно, младшему сыну, при которомъ она и живетъ, а при совершенномъ отсутствіи сыновей—одной изъ дочерей, при которой она умерла. Этотъ обычный порядокъ наслѣдованія соблюдается также у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и бывшихъ новороссійскихъ казаковъ съ тою лишь разницею, что какъ надѣльная полевая земля, такъ и усадьба переходятъ всегда къ младшему сыну, а виноградные сады и огороды дѣлятся между сыновьями поровну и, только при отсутствіи сыновей, эти угодья дѣлятся и между дочерьми. У нѣмцевъ колонистовъ, съ отмѣной закономъ 4 іюня 1871 года обязательнаго минората, установленнаго т. XII св. зак., ч. II, уст. о кол., подворные участки, въ томъ числѣ и усадьбы, дѣлятся между сыновьями поровну; дочери при братьяхъ въ участкахъ надѣльной земли не наслѣдуютъ, но участвуютъ въ полученіи деньгами равной съ братьями доли, причитающейся по стоимости строеній, оцѣниваемыхъ каждый разъ особою оцѣночною коммисіею, избираемою на три года сельскимъ сходомъ изъ мѣстныхъ жителей, приводимыхъ къ присягѣ. Вдовы получаютъ полностью въ возвратъ свое приданое и долю изъ движимаго имущества, нажитаго въ супружествѣ съ своимъ мужемъ; кромѣ того, онѣ

получаютъ отъ своихъ сыновей, владѣющихъ подворными участками, особое вдовье содержаніе до смерти или до вступленія во вторичный бракъ. У болгарскихъ колонистовъ соблюдается такой порядокъ, что отецъ при жизни выдѣляетъ старшимъ сыновьямъ незначительные и неодинаковые полевые участки надѣльной земли, оставляя меньшему большую часть надѣла и всю усадьбу. Дочери при жизни отца или при братьяхъ никакого наслѣдства не получаютъ, за исключеніемъ необходимой одежды, домашнихъ и хозяйственныхъ вещей; при совершенномъ же отсутствіи наслѣдниковъ мужского пола, дочери дѣлятся наслѣдствомъ поровну, оставляя по преимуществу усадьбу мужу меньшей сестры. Вдовы при малолѣтнихъ дѣтяхъ распоряжаются всѣмъ имуществомъ до совершеннолѣтія младшаго сына, которому по совершеннолѣтіи или послѣ женитьбы предоставляется отцовская усадьба съ надѣломъ и при которомъ мать вдова остается уже до своей смерти. Пріемыши и незаконнорожденные во всѣхъ уѣздахъ губерніи пользуются равными съ прочими наслѣдниками правами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ незаконнорожденные наслѣдуютъ только послѣ матери. Хотя въ силу мѣстныхъ обычаевъ, а по отношенію къ бывшимъ помѣщичьимъ поселянамъ и въ силу закона [1], переходъ надѣльной земли по наслѣдству къ постороннимъ лицамъ не допускается, но на практикѣ встрѣчаются нѣкоторыя отступленія въ этомъ отношеніи отъ обычнаго порядка.

Въ екатеринославской губерніи установившійся въ сельскихъ обществахъ при подворно-наслѣдственномъ владѣніи землею обычный порядокъ наслѣдованія состоитъ въ томъ, что наслѣдуютъ лица только мужского пола, обыкновенно младшіе; дочери же, замужнія и незамужнія, лишаются этого права. Въ херсонской губерніи обычный порядокъ наслѣдованія различается какъ для мѣстностей, такъ и для національностей сельскихъ обывателей. У великороссовъ, напр., женщины не наслѣдуютъ земельныхъ угодій; въ нѣкоторыхъ малорусскихъ поселеніяхъ и въ значительной части нѣмецкихъ и болгарскихъ существуетъ миноратный порядокъ наслѣдованія и т. д.

Въ губерніяхъ новороссійскихъ, въ обществахъ, получившихъ отводъ надѣла на все селеніе, но пользующихся землею подворно, вмѣшательство общества въ распоряженіе подворно-наслѣдственными участками, по общему правилу, не допускается. Только въ бессарабской губерніи такое вмѣшательство на практикѣ допускается у бывшихъ помѣщичьихъ поселянъ въ случаяхъ разграниченія надѣльной земли отъ помѣщичьей; при разверстаніи и обмѣнѣ угодій владѣльца съ удѣльными поселянами или частью общества; при опредѣленіи выпасовъ; при отводѣ земель для общественныхъ надобностей: подъ полосы желѣзныхъ дорогъ, почтовыя дороги, церкви, школы, больницы;

---

[1]) Ст. 40 и 41 мѣстп. бессарабскаго положенія.

при отводѣ изъ крестьянскаго надѣла земель для церковныхъ причтовъ и т. п. Такое же вмѣшательство допускается также въ нѣмецкихъ колоніяхъ съ тою разницею, что оно исходитъ не отъ всего общества, а отъ группы лицъ (частнаго схода), тѣсно связанныхъ между собою земельными интересами.

Опредѣленнаго порядка наслѣдованія подворно-наслѣдственныхъ участковъ въ раіонѣ центральныхъ черноземныхъ губерній не замѣчается въ виду разнообразія и исключительности существующихъ обычаевъ, окончательно утратившихъ мѣстами свою первоначальную устойчивость и опредѣленность. Отсутствіе строго опредѣленныхъ для каждой данной мѣстности обычныхъ порядковъ и даже колебанія въ примѣненіи того или другого изъ обычаевъ въ одной и той же мѣстности объясняются мѣстнымъ губернскимъ совѣщаніемъ, съ одной стороны, тѣмъ, что не принималось мѣръ къ изслѣдованію таковыхъ обычаевъ и къ однообразному примѣненію ихъ въ практикѣ волостныхъ судовъ, а съ другой — продолжительнымъ участіемъ въ разрѣшеніи таковыхъ дѣлъ окружныхъ судовъ, которые совершенно игнорировали примѣненіе какихъ бы то ни было обычаевъ и, принимая къ своему разсмотрѣнію просьбы крестьянъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и раздѣлахъ, на основаніи правилъ т. X св. зак., ч. I, вносили въ крестьянскую жизнь новыя начала въ порядкѣ наслѣдованія земельными подворными участками. Дѣло усложнилось и практикою окружныхъ судовъ, прибѣгавшихъ къ свободной продажѣ подворныхъ участковъ государственныхъ крестьянъ съ аукціона за частные долги: путемъ выдачи векселя и продажи засимъ участка по такому фиктивному векселю, могъ совершиться переходъ участковъ внѣ обычнаго порядка наслѣдованія.

Несмотря на это, обычный порядокъ, хотя не всегда и не вездѣ строго опредѣленный, продолжаетъ и нынѣ примѣняться въ наслѣдованіи подворными участками. Самымъ общимъ порядкомъ наслѣдованія, установившимся въ раіонѣ центральныхъ черноземныхъ губерній, слѣдуетъ признать право наслѣдованія сыновей въ равныхъ частяхъ, а при отсутствіи сыновей, — также и право дочерей, не вышедшихъ, впрочемъ, замужъ въ другія селенія. По выходѣ въ замужество въ другое общество, вдовы и дочери пользуются правами своихъ мужей и считаются вышедшими изъ состава того общества, къ которому принадлежали до замужества. Право наслѣдованія дочерьми, вышедшими замужъ въ другія селенія, и, особенно, случаи выдѣла имъ части наслѣдства даже при живыхъ сыновьяхъ не могутъ быть отнесены къ числу обычныхъ правъ, а скорѣе объясняются примѣненіемъ общаго закона, когда наслѣдницы обращались о признаніи ихъ наслѣдственныхъ правъ въ общія судебныя мѣста. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ малоархангельскаго уѣзда орловской губерніи существуетъ и такой обычай, по которому земли матерей поступаютъ къ дочерямъ безразлично, про-

живаютъ ли онѣ въ своемъ обществѣ или вышли замужъ за посторонних обществу лицъ; надѣльныя же земли отцовъ—поступаютъ во владѣніе сыновей. Вдовы послѣ мужей, а равно дочери дѣвицы послѣ отцовъ, до смерти своей или до выхода въ замужество, пользуются въ орловской губерніи всѣмъ имуществомъ и землею двора, также какъ и усыновленные пріемыши и незаконнорожденныя дѣти. Въ рязанской губерніи мѣстами начинаетъ устанавливаться обычай, по которому вдовы, участвовавшія въ пріобрѣтеніи имущества вмѣстѣ съ умершимъ своимъ мужемъ, получаютъ движимое и недвижимое имущество въ пожизненное пользованіе. Въ тульской губерніи вдовы наслѣдуютъ участками при отсутствіи сыновей; при наличности же сыновей, онѣ остаются совладѣльцами участка; относительно права наслѣдованія пріемышей и незаконнорожденныхъ здѣсь строго опредѣленнаго порядка наслѣдованія не установилось. Обычая перехода земли по наслѣдству къ одному только сыну, старшему или младшему, не существуетъ ни въ одномъ изъ уѣздовъ центральныхъ черноземныхъ губерній.

Сельскія общества не входятъ, вообще, въ распоряженіе подворными участками при дробленіи, отчужденіи и переходѣ ихъ по наслѣдству.

Въ порядкѣ наслѣдованія при подворномъ владѣніи въ губерніяхъ центральнаго промышленнаго раіона не наблюдается никакого различія съ порядкомъ, существующимъ въ селеніяхъ, пользующихся надѣльной землей на общинномъ правѣ. Участокъ, по смерти домохозяина, переходитъ въ пользованіе тѣхъ членовъ его семьи, которые входили въ составъ его двора; старшимъ въ домѣ признается или вдова домохозяина, или, всего чаще, его старшій сынъ. Утвержденіе окружными судами къ исполненію духовныхъ завѣщаній домохозяевъ влечетъ за собою нарушеніе принципа о принадлежности подворнаго участка не одному домохозяину, а всей его семьѣ, и всегда вызываетъ споры по этому поводу между членами семьи, разрѣшаемые нерѣдко волостными судами на основаніи „обычая" вопреки выраженной въ завѣщаніи волѣ домохозяина.

Въ обществахъ центральнаго промышленнаго раіона, получившихъ отводы надѣла на все селеніе, но пользующихся землею подворно, никакое вмѣшательство сельскаго схода въ распоряженіе подворно-наслѣдственными участками при жизни владѣльцевъ не допускается.

Въ порядкѣ наслѣдованія подворными крестьянскими участками замѣчается различіе между харьковской губерніей и двумя другими губерніями малороссійскаго раіона—полтавской и черниговской.

Въ уѣздахъ волчанскомъ, лебединскомъ, сумскомъ и купянскомъ харьковской губерніи наслѣдственные участки дѣлятся поровну между сыновьями (въ волчанскомъ уѣздѣ сынъ, взявшій вдову мать, полу-

чаетъ большій участокъ); въ богодуховскомъ уѣздѣ участки, послѣ смерти домохозяина, переходятъ преимущественно къ младшему сыну; старшимъ же общество отводитъ новыя мѣста, на которыхъ и возводятся строенія общими средствами всего семейства.

Вдовы при сыновьяхъ въ лебединскомъ уѣздѣ никакихъ правъ на недвижимость не имѣютъ; въ остальныхъ указанныхъ выше четырехъ уѣздахъ—владѣютъ пожизненно при сыновьяхъ или до второго брака; сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ, при отсутствіи братьевъ наслѣдуютъ. Пріемыши въ купянскомъ и сумскомъ уѣздахъ, какъ законные наслѣдники, пользуются правомъ наслѣдованія, а незаконнорожденные въ сумскомъ уѣздѣ получаютъ наслѣдство изъ материнской части; въ волчанскомъ уѣздѣ права пріемышей и незаконнорожденныхъ опредѣляются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и бываютъ предметомъ спора въ волостномъ судѣ. Въ харьковскомъ уѣздѣ не допускается перехода наслѣдственныхъ правъ къ одному изъ сыновей.

Благодаря тому обстоятельству, что бывшія судебно-мировые учрежденія, въ производствѣ у которыхъ была значительная часть крестьянскихъ земельныхъ споровъ (намѣренное возвышеніе цѣны иска свыше 100 рублей), руководствовались въ крестьянскихъ дѣлахъ, въ большинствѣ случаевъ, законами гражданскими,—обычный порядокъ наслѣдованія среди крестьянскаго населенія полтавской и черниговской губерній въ настоящее время вполнѣ уже соотвѣтствуетъ порядку законнаго наслѣдованія, какъ онъ установленъ въ литовскомъ статутѣ, откуда и перенесенъ въ десятый томъ свода законовъ о наслѣдованіи въ губерніяхъ черниговской и полтавской.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи примѣняются изрѣдка нижеслѣдующіе обычаи. Дочь, вышедшая замужъ при отцѣ, не получаетъ послѣ его смерти никакого наслѣдства, хотя бы при замужествѣ и не была надѣлена отцомъ; вдова получаетъ четвертую часть имущества мужа пожизненно или же до выхода вновь въ замужество; усыновленные пріемыши пользуются наслѣдствомъ усыновителя, съ устраненіемъ боковыхъ родственниковъ; незаконнорожденные пользуются частью имѣнія послѣ отчима, въ особенности, если остаются единственными домохозяевами. Мѣстами вдовѣ выдѣляется часть движимости, которая послѣ ея смерти поступаетъ въ пользу сына, въ семьѣ котораго проживала она передъ смертью; бездѣтнымъ вдовамъ пожизненно или до выхода замужъ предоставляется иногда дворъ и часть огорода; пріемыши (не усыновленные) пользуются тѣми правами, какія указаны въ сдѣлкахъ съ принявшими ихъ; сестры живутъ при братьяхъ, не получая наслѣдства, каковымъ не пользуются и при выходѣ замужъ въ другое общество. Вступленіе во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ совершается, обыкновенно, безъ посредства какихъ-либо властей, — послѣдствіемъ чего являются споры и тяжбы въ судахъ.

Что касается права наслѣдованія лицъ, не принадлежащихъ къ обществу, то этотъ вопросъ въ разное время разрѣшался въ полтавской губерніи различно. При существованіи мировыхъ съѣздовъ и крестьянскихъ присутствій, вопросъ о правѣ наслѣдованія дочерей, вышедшихъ въ замужество въ другое общество, и ихъ потомства въ наслѣдствѣ ихъ родителей, при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ мужского пола, разрѣшался въ положительномъ смыслѣ; но съ введеніемъ положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, уѣздные съѣзды, подъ вліяніемъ членовъ окружнаго суда, стали толковать ст. 99 мѣстн. полож. въ томъ смыслѣ, что выходъ въ замужество въ другое общество равносиленъ выходу изъ общества, предусмотрѣнному ст. 99 мѣст. полож., и поэтому отвергали право наслѣдованія дочерей, вышедшихъ замужъ въ другое общество, даже при отсутствіи наслѣдниковъ мужского пола. Но это касается только надѣльныхъ земель. Въ земляхъ же, находящихся въ личной собственности, порядокъ наслѣдованія вполнѣ соотвѣтствуетъ законному порядку.

Пунктомъ 7 ст. 51 общаго положенія вмѣшательство общества, при подворномъ пользованіи, ограничено точно указанными случаями. То же положеніе узаконяется и ст. 121 мѣстн. малорос. полож. Съ своей стороны, правительствующій сенатъ неоднократными рѣшеніями утвердилъ правило, что сельскіе сходы, при подворно-участковомъ землепользованіи, не могутъ дѣлать никакихъ распоряженій относительно подворныхъ участковъ при наличности домохозяина. Въ богодуховскомъ и лебединскомъ уѣздахъ харьковской губерніи такое вмѣшательство хотя и бываетъ, но очень рѣдко, — въ случаѣ неплатежа податей. Въ харьковскомъ уѣздѣ, въ одномъ случаѣ, общество отдало въ аренду подворно-наслѣдственный участокъ въ возмѣщеніе уплаченной больничной недоимки, а въ другомъ — отрѣзало клинъ земли подъ общественную запашку, давъ взамѣнъ отошедшей земли часть изъ своихъ общественныхъ земель.

Въ губерніяхъ юго-западнаго края крестьяне все болѣе и болѣе отступаютъ отъ обычнаго порядка наслѣдованія и все чаще, для опредѣленія своихъ правъ на наслѣдственное имущество, обращаются къ общему суду,—въ особенности въ виду того, что волостные суды, руководясь въ своихъ рѣшеніяхъ мѣстными обычаями, не всегда, однако, могутъ изслѣдовать и установить наличность даннаго обычая. Строго опредѣленнаго и однообразнаго для всѣхъ губерній юго-западнаго края порядка наслѣдованія подворными участками не существуетъ; наиболѣе распространенными являются слѣдующія правила. Послѣ смерти хозяина сыновья и зять, принятый въ домъ, дѣлятся землей поровну. При вдовѣ съ малолѣтними дѣтьми участокъ переходитъ къ ней, по выходѣ же ея замужъ въ другой дворъ—къ ея дѣтямъ отъ перваго брака, если же отчимъ принимается въ домъ, то матери удѣ-

ляется извѣстная доля; дѣти второго брака участвуютъ въ правахъ наслѣдства, если земля записана за ихъ матерью или перешла непосредственно къ ней по наслѣдству; при оставшейся въ живыхъ мачихѣ участокъ переходитъ къ дѣтямъ. Бездѣтная вдова, при братьяхъ и сестрахъ мужа, не получаетъ ничего кромѣ приданаго и того движимаго имущества, которое она пріобрѣла со своимъ покойнымъ мужемъ; при отсутствіи же у мужа братьевъ и сестеръ, бездѣтная вдова наслѣдуетъ послѣ своего мужа все его имущество. При взрослыхъ дѣтяхъ матери принадлежитъ пожизненное право владѣнія извѣстной частью земли или огорода, или же она проживаетъ на иждивеніи одного изъ дѣтей. Замужнія дочери при сыновьяхъ и незамужнихъ дочеряхъ не считаются послѣ родителей наслѣдницами; незамужнія дочери считаются при сыновьяхъ наслѣдницами лишь въ томъ смыслѣ, что на братьяхъ лежитъ обязанность выдать ихъ замужъ, причемъ дочь получаетъ приданое изъ движимаго имущества и иногда, смотря по обстоятельствамъ, нѣкоторую часть недвижимаго. Дочери замужнія и незамужнія, при отсутствіи сыновей, считаются наслѣдницами послѣ родителей на равныхъ правахъ. Пріемыши, если они приняты съ малолѣтства, и незаконнорожденные, при отсутствіи законныхъ дѣтей, считаются прямыми наслѣдниками и получаютъ все имущество; при родныхъ же дѣтяхъ эти лица ничего не наслѣдуютъ; имъ дается за работу часть движимаго имущества; но если участокъ принадлежитъ исключительно матери незаконнорожденнаго, то онъ наслѣдуетъ наравнѣ съ ея законными дѣтьми. Обычая единонаслѣдія нигдѣ не существуетъ.

Вмѣшательства общества въ распоряженіе подворно-наслѣдственными участками при жизни владѣльцевъ въ юго-западныхъ губерніяхъ не наблюдается; всѣ споры и недоразумѣнія въ подобныхъ случаяхъ разрѣшаются судебнымъ порядкомъ.

Обычаи въ дѣлѣ земельнаго наслѣдованія въ крестьянскомъ быту крайне разнообразны не только въ разныхъ губерніяхъ, но даже въ предѣлахъ уѣзда одной и той же губерніи бѣлорусскаго края. Въ витебской губерніи болѣе или менѣе опредѣленный обычный порядокъ наслѣдованія подворно-наслѣдственными участками соблюдается лишь у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, получившихъ земельные участки по люстраціоннымъ актамъ. Что же касается бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ четырехъ инфлянтскихъ уѣздовъ, получившихъ землю также въ подворно-наслѣдственное пользованіе, то никакого опредѣленнаго обычнаго порядка наслѣдованія у нихъ нѣтъ и не могло быть, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ полноправнымъ распорядителемъ не только личныхъ, но и имущественныхъ правъ являлся помѣщикъ. Волостными судами поэтому допускается полный произволъ при разсмотрѣніи дѣлъ о наслѣдствѣ. Сельскіе сходы пытались установить порядокъ наслѣдованія, но крайне необстоятельно и не-

ясно, почему суды во всѣхъ случаяхъ не могутъ руководствоваться приговорами и дѣла о наслѣдствѣ разрѣшаются по личному усмотрѣнію и совѣсти судей, а при такихъ условіяхъ нерѣдко устраняются отъ наслѣдства сыновья умершихъ и наслѣдникомъ признается дольникъ, т. е. совершенно стороннее домохозяину лицо. Иной разъ судъ присуждаетъ половину участка земли брату умершаго, совмѣстно съ его племянниками, а иной разъ раздѣляетъ на равныя доли между всѣми членами семьи. Въ иныхъ случахъ признаются наслѣдниками вдовы и незамужнія дочери, а въ иныхъ—и дочери замужнія. Случается, что участки наслѣдуютъ не родные сыновья, а пасынки. Пріймаки иногда признаются также наслѣдниками и домохозяевами помимо старшихъ сыновей умершихъ, а иногда имъ выдѣляется половина хозяйства, хотя на другой половинѣ и остаются два-три сына умершаго; но бываетъ и такъ, что пріймакъ съ женою и дѣтьми вовсе выгоняется изъ дома и т. п. Такимъ образомъ, въ витебской губерніи въ средѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не существуетъ однообразнаго порядка наслѣдованія.

Въ настоящее время въ бѣлорусскихъ губерніяхъ окружные суды нерѣдко утверждаютъ крестьянъ въ правахъ наслѣдства, руководствуясь при этомъ, конечно, общимъ гражданскимъ закономъ. Наслѣдованіе землей по завѣщанію не въ правахъ бѣлорусскаго сельскаго населенія; завѣщанія являются, обыкновенно, результатомъ семейныхъ ссоръ и интригъ.

Наиболѣе существенныя особенности обычнаго наслѣдственнаго права бѣлорусскихъ крестьянъ, владѣющихъ подворно-наслѣдственными участками, заключаются въ слѣдующемъ.

По смерти отца земля и хозяйство переходятъ къ сыновьямъ и притомъ въ равныхъ частяхъ. Всѣ права сына, поступившаго на военную службу, сохраняются за нимъ по возвращеніи его со службы. Во время малолѣтства одного или нѣсколькихъ сыновей, все хозяйство остается въ пользованіи совершеннолѣтнихъ, изъ которыхъ иногда назначаются опекуны (минская губ.). Если отецъ при жизни принимаетъ къ себѣ, по женитьбѣ на дочери, зятя и тотъ обработываетъ землю и отбываетъ повинности въ составѣ семьи въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени (въ минской губ. болѣе десяти лѣтъ), то за нимъ признаются права на часть земельнаго участка, одинаковыя съ роднымъ сыномъ. Подобнаго рода принятіе зятей въ свою семью нерѣдко облекается въ письменныя сдѣлки и договоры. Принятый въ домъ крестьянина зять, при неимѣніи у того крестьянина сыновей, наслѣдуетъ имущество тестя, хотя бы зять и принадлежалъ къ другому обществу.

Вдовы, по обычаю, не наслѣдуютъ земли при существованіи взрослыхъ наслѣдниковъ мужскаго пола. Онѣ устраиваются при одномъ изъ сыновей, причемъ на ихъ долю отводится небольшой ого-

родъ и имъ оказывается остальными сонаслѣдниками помощь продуктами, а иногда деньгами. Но если вдова, оставшись съ малолѣтними, приметъ для поддержанія хозяйства и воспитанія сиротъ примака (второго мужа) и онъ выроститъ дѣтей и поддержитъ хозяйство, то за нимъ признается право на часть земли уже по совершеннолѣтіи малолѣтнихъ сиротъ, въ зависимости отъ числа таковыхъ и количества земли въ участкѣ.

Дочери при выходѣ въ замужество за земельнаго крестьянина въ другую семью или въ другое селеніе, получаютъ единовременный выдѣлъ въ видѣ приданаго и затѣмъ, при существованіи братьевъ, теряютъ право на землю отцовскаго участка. Незамужнія дочери обезпечиваются содержаніемъ до выхода замужъ; если, кромѣ того, въ семьѣ остаются вдовы умершихъ братьевъ наслѣдниковъ съ дѣтьми, то онѣ наслѣдуютъ имущество въ части, принадлежавшей ихъ мужьямъ; вдовы, не имѣющія дѣтей и жившія общимъ хозяйствомъ съ отцомъ мужа, никакого имущества не наслѣдуютъ. Бездѣтныя вдовы крестьянъ, жившихъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, наслѣдуютъ имущество мужа. При неимѣніи у наслѣдователей сыновей, имущество наслѣдуетъ его жена и незамужнія дочери, — эти послѣднія до выхода замужъ. Остающіяся замужнія дочери, при неимѣніи другихъ изъ упомянутыхъ выше наслѣдниковъ, наслѣдуютъ имущество умершаго.

Права пріемышей и усыновленныхъ на земельное наслѣдованіе признаются обычаемъ въ зависимости отъ того, когда и на какихъ основаніяхъ они были приняты. Въ витебской губерніи пріемыши и усыновленные, съ согласія общества, пользуются наслѣдственными правами наравнѣ съ родными сыновьями умершаго; пріемыши же и усыновленные безъ согласія общества наслѣдуютъ имущество усыновителей безъ права на землю. Такимъ же порядкомъ, при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдуютъ племянники и другіе болѣе или менѣе близкіе родственники умершаго домохозяина.

Незаконнорожденные, матери которыхъ вышли замужъ за отцовъ ихъ, признаются равноправными съ другими законнорожденными дѣтьми; если же женщина имѣла незаконнорожденнаго отъ другого лица и впослѣдствіи вышла замужъ за земельнаго крестьянина, то права такого незаконнорожденнаго по наслѣдованію опредѣляются положеніемъ, которое онъ занималъ въ семьѣ, какъ членъ семьи и работникъ, причемъ давность состоянія работникомъ въ семьѣ, не менѣе, напр., десяти лѣтъ, признается главнымъ основаніемъ къ признанію наслѣдственныхъ правъ. Въ витебской губерніи незаконнорожденные опредѣленными правами на наслѣдство не пользуются. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они наслѣдуютъ имущество своихъ матерей, безъ права на участіе въ пользованіи землею того двора, къ которому они принадлежатъ; въ другихъ случахъ пользуются и землею, оставшеюся отъ матери, если она сама пользовалась таковою на правахъ домохозяйки.

Обычая перехода наслѣдственныхъ правъ на подворно-наслѣдственные участки къ одному изъ сыновей—старшему или младшему—въ бѣлорусскомъ краѣ не существуетъ. При раздѣлѣ наслѣдственнаго участка, младшій изъ сыновей умершихъ владѣльцевъ участка остается обыкновенно на старой усадьбѣ, старшіе же отдѣляются и устраиваютъ себѣ отдѣльныя хозяйства. При совмѣстномъ же пользованіи наслѣдственными участками, въ права домохозяина вступаетъ старшій братъ, которому въ отношеніи исполненія сельскохозяйственныхъ работъ подчиняются младшіе братья. Вмѣшательство общества въ распоряженіе землею при жизни подворныхъ владѣльцевъ, по общему правилу, не допускается; но въ случаяхъ, затрогивающихъ интересы всего селенія, какъ-то: при обмѣнахъ, размежеваніи и разграниченіи земли отъ помѣщичьей, всѣ распоряженія исходятъ не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ домохозяевъ всего селенія путемъ составленія ими обмѣночныхъ условій или актовъ разверстанія или словесныхъ заявленій; уничтоженіе же сервитута, на основаніи Высочайше утвержденнаго 30 марта 1892 года мнѣнія государственнаго совѣта, производится по приговорамъ обществъ, постановляемымъ по согласію $^2/_3$ домохозяевъ.

Въ первомъ случаѣ, при подобнаго рода измѣненіяхъ въ крестьянскомъ землепользованіи, въ виду существующаго чрезполосья, равномѣрно нарушаются интересы всего селенія, почему и никакого вознагражденія отдѣльнымъ лицамъ домохозяевами всего селенія не производится; при уменьшеніи же землепользованія отдѣльныхъ лицъ послѣдніе вознаграждаются соотвѣтствующей прибавкой изъ свободныхъ общественныхъ земель. Получаемые взамѣнъ сервитутовъ земельные участки или распредѣляются между домохозяевами соотвѣтственно величинѣ наслѣдственнаго участка, или остаются въ общемъ владѣніи всего селенія, какъ выгоны. Хотя никакихъ особыхъ недоразумѣній между домохозяевами при этомъ не происходитъ, но, тѣмъ не менѣе, практикою установлено, что число соглашеній о разверстаніи угодій, какъ при замѣнахъ, такъ и при отграниченіи надѣловъ, въ видахъ уничтоженія излишняго чрезполосья, изъ года въ годъ уменьшается, равно какъ весьма мало поступаетъ и сдѣлокъ о замѣнѣ сервитутовъ. Между тѣмъ чрезполосное пользованіе крестьянъ съ помѣщиками (мелкіе крестьянскіе сѣнокосы, разбросанные по лѣсамъ помѣщиковъ), равно какъ сервитуты крайне отяготительны для помѣщиковъ въ экономическомъ отношеніи и въ то же время не представляютъ собою особыхъ удобствъ и для сельскаго населенія, въ особенности лѣсные сѣнокосы.

Въ литовскихъ губерніяхъ никакихъ обычныхъ опредѣленныхъ правилъ наслѣдованія подворными участками у крестьянъ не соблюдается. Какъ замѣчено изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, порядокъ наслѣдованія въ одномъ и томъ же обществѣ, не говоря уже о волости,

опредѣляется различно. Мѣстные обычаи, на которыхъ волостные суды часто основываютъ свои рѣшенія, также неопредѣленны и неустойчивы: часто волостной судъ и сельскій сходъ толкуютъ ихъ различно. У большинства крестьянъ, за время существованія крѣпостного права, воля помѣщика была выше всякаго обычая. Могъ бы выработаться такой обычай у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, но и на это нѣтъ положительныхъ фактическихъ данныхъ, такъ какъ, составляемые сельскими сходами [1]), для представленія въ судебныя мѣста, приговоры даже одного и того же общества не одинаково устанавливаютъ мѣстные обычаи.

Въ общихъ чертахъ, порядокъ наслѣдованія у крестьянъ виленской и гродненской губерній сводится къ слѣдующему. Подворные участки переходятъ по наслѣдству, въ равныхъ доляхъ, въ нисходящей мужской линіи; переходъ къ одному изъ сыновей встрѣчается въ видѣ исключенія. Бываютъ случаи, что наравнѣ съ сыновьями наслѣдуютъ дочери, когда къ нимъ приняты мужья, такъ называемые прійmaки. Незамужнія дочери, въ большинствѣ случаевъ, наслѣдственными правами не пользуются, а живутъ при братьяхъ и, въ случаѣ выхода замужъ, получаютъ приданое; послѣ выхода замужъ и полученія приданаго, онѣ лишаются права на надѣлъ своей прежней семьи; но если на участкѣ не осталось наслѣдниковъ мужского пола, то замужнія дочери, обыкновенно, отыскиваютъ свои наслѣдственныя права судомъ. Не вышедшія замужъ вдовы и дочери, при нахожденіи въ семьѣ лицъ мужского пола, земельными участками не пользуются, но живутъ въ семьѣ и участвуютъ въ выгодахъ хозяйства наравнѣ съ женами при мужьяхъ и дочерями при отцахъ; вдовы же, не имѣющія дѣтей, иногда пользуются правомъ на землю мужа и то лишь до выхода замужъ. Незаконнорожденные и пріемыши въ большинствѣ пользуются надѣльными участками наравнѣ съ прочими членами семьи.

Еще меньшее значеніе въ урегулированіи наслѣдственныхъ правоотношеній имѣетъ обычай въ средѣ крестьянскаго населенія ковенской губерніи. Въ одной и той же мѣстности, состарѣвшіеся надѣленные хозяева, тяготясь веденіемъ хозяйства, передаютъ таковое сыновьямъ: одинъ—старшему, другой—болѣе излюбленному, третій—женившемуся на богатой введенной въ домъ невѣсткѣ, назначая остальнымъ сыновьямъ только доли земли, въ каждомъ полѣ на нѣсколько пуръ (около 24 казен. гарнцевъ) высѣва ржи, а дочерямъ выплачиваетъ или обязываетъ выплатить приданое; иной домохозяинъ, наконецъ, дѣлитъ все хозяйство поровну между сыновьями, Сами устарѣвшіе домохозяева въ этихъ случаяхъ переселяются на кутъ (въ особую хату

[1]) На основаніи разъясненій правительствующаго сената по 2 департаменту 1887 г., № 3365; 1890 г., № 2600; 1891 г., № 5531 и гражд. кассац. департамента 1876 г., № 475 и 1879 г., № 1587.

на участкѣ съ огородомъ, частью сада и высѣвомъ въ каждомъ полѣ, съ правомъ полученія отъ сыновей или избраннаго хозяина извѣстной ординаріи) [1]. Если же хозяинъ на кутъ не уходитъ, то остается до смерти жить при сынѣ—хозяинѣ, на половинѣ участка, а другую дѣлитъ между прочими сыновьями; иногда такое пожизненное право отца хозяина переходитъ пожизненно къ его вдовѣ. Послѣ смерти хозяина, братья чаще всего продолжаютъ пользоваться землею въ частяхъ, указанныхъ отцомъ, пока численность ихъ семействъ не измѣнится или не умретъ бездѣтнымъ одинъ изъ братьевъ; иногда же, послѣ смерти отца, обиженные сыновья ищутъ равнаго раздѣла, къ которому прибѣгаютъ и въ тѣхъ случаяхъ, если отецъ-хозяинъ не сдѣлалъ предсмертнаго распоряженія. Въ виду ст. 81 мѣст. полож., каждый наслѣдникъ считаетъ себя въ правѣ требовать въ натурѣ выдѣла земли. Но вышеуказанный способъ наслѣдованія усложняется, если на участкѣ остается энергичная вдова съ малолѣтними дѣтьми, не желающая допустить ко владѣнію землею братьевъ покойнаго ея мужа; она немедленно вступаетъ во второй бракъ, выдавая при этомъ жениху денежныя обязательства, по большей части фиктивныя, вслѣдствіе чего все хозяйство фактически переходитъ къ нему и къ его дѣтямъ. Только энергичными исками малолѣтніе пасынки возстановляютъ свои права, откупаясь отъ отчима деньгами или отводя ему кутъ до смерти—„за улучшеніе хозяйства во время ихъ малолѣтства“. То же происходитъ, если у домохозяина нѣтъ наслѣдниковъ сыновей, а есть только дочери; въ этихъ случаяхъ хозяинъ или его вдова, владѣя сами хозяйствомъ, постепенно выдаютъ дочерей замужъ и мужа послѣдней дочери дѣлаютъ хозяиномъ, если не представили этого права при замужествѣ старшей или средней дочери; во всѣхъ этихъ случаяхъ остальныя дочери получаютъ выплаты отъ родителей или отъ сестры, сдѣлавшейся хозяйкою.

Усыновленные и пріемыши пользуются въ ковенской губерніи имущественными правами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наравнѣ съ кровными дѣтьми, въ другихъ — только при отсутствіи этихъ послѣднихъ, причемъ принимается иногда въ соображеніе, усыновлены ли они съ согласія схода или родственниковъ. Незаконнорожденные считаются равноправными въ такомъ лишь случаѣ, если мать ихъ вышла замужъ, и приведенные ею въ семью сыновья считались хозяиномъ наравнѣ съ его дѣтьми, или семейство отбыло рекрутскую или воинскую по-

[1]) Однородныя явленія наблюдаются также среди крестьянскаго населенія старыхъ областей Австріи, гдѣ домохозяинъ, передающій свое имущество, при жизни своей, другимъ членамъ семьи, пользуется правомъ на полученіе такъ называемаго Altentheil или Ausgeding, т. е. опредѣленнаго количества жизненныхъ припасовъ и проч. Въ послѣднее время входитъ въ обычай опредѣлять Ausgeding на деньги.

винность. Рѣдки случаи наслѣдованія посторонних, т. е. проживающихъ внѣ общества или волости, гдѣ открылось наслѣдство; они отыскиваютъ свои права судебнымъ порядкомъ, ссылаясь на общій законный порядокъ наслѣдованія.

Сельскіе сходы въ литовскихъ губерніяхъ не вмѣшиваются въ распоряженія подворно-наслѣдственными участками, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ законѣ: накопленія недоимокъ, выморочности участковъ и назначенія опекуновъ. Отдѣльныя селенія свои дѣла по землевладѣнію рѣшаютъ нынѣ приговорами селенныхъ (деревенскихъ) сходовъ, признаваемыхъ законными правительствующимъ сенатомъ; на эти приговоры есть ссылка въ Высочайшемъ повелѣніи 30 марта 1892 года о разверстаніи сервитутовъ.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что въ области правоотношеній, возникающихъ въ крестьянской средѣ на почвѣ наслѣдственнаго перехода имуществъ, нѣтъ въ настоящее время никакого опредѣленнаго порядка, нѣтъ никакихъ устойчивыхъ правилъ; это съ положительностью засвидѣтельствовано всѣми, безъ исключенія, губернскими совѣщаніями. Обычай все болѣе утрачиваетъ значеніе, становится трудно уловимымъ; обычаемъ прикрывается въ дѣйствительности всякое рѣшеніе, не основанное на писанномъ законѣ, а являющееся результатомъ судейскаго благоусмотрѣнія. Не только бываютъ случаи, что сельскій сходъ и мѣстный волостной судъ расходятся въ толкованіи обычая, но даже заурядны примѣры, что составляемые сельскими сходами, для представленія въ судебныя мѣста, приговоры одного и того же сельскаго общества не одинаково устанавливаютъ мѣстный обычай. Писанный законъ примѣняется все шире; но такое примѣненіе, въ свою очередь, служитъ поводомъ новыхъ раздоровъ въ крестьянской семьѣ, такъ какъ крестьяне, при разрѣшеніи дѣла о наслѣдствѣ, обязаны, въ силу дѣйствующихъ законоположеній, руководствоваться исключительно обычаемъ [1]), причемъ „въ подтвержденіе существованія обычая при разсмотрѣніи дѣлъ о наслѣдствѣ между крестьянами, могутъ быть допускаемы судомъ всякіе письменные документы, представленные тяжущимися, изъ числа каковыхъ докумен-

---

[1]) „Въ порядкѣ наслѣдованія крестьяне руководствуются мѣстными обычаями, хотя бы вопросъ о наслѣдствѣ выходилъ изъ предѣловъ волостного суда и разсматривался въ общихъ судахъ, и наслѣдство открылось внѣ сферы крестьянскаго надѣла, напр., въ видѣ торговаго капитала“. Только „въ спорныхъ дѣлахъ о крестьянскихъ наслѣдствахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущимися не указано существованіе обычая или когда указаніе на обычай будетъ признано недоказаннымъ, должны быть примѣняемы общіе законы о наслѣдствахъ“ (Рѣш. прав. сен. гр. касс. деп., 1880 г., № 174),

товъ нѣтъ основанія исключать удостовѣренія должностныхъ лицъ и приговоры сельскихъ сходовъ“ [1]).

Отсюда крайняя пестрота въ разрѣшеніи однихъ и тѣхъ же по существу дѣлъ въ предѣлахъ не только отдѣльныхъ губерній и уѣздовъ, но даже волостей и сельскихъ обществъ. Волостными судами допускается полный произволъ при разбирательствѣ и разрѣшеніи споровъ о наслѣдствѣ; крестьяне не знаютъ, чего имъ держаться, и существеннѣйшіе имущественные интересы ставятся въ полную зависимость отъ благоусмотрѣнія судей, сельскихъ сходовъ и даже должностныхъ лицъ, подтверждающихъ существованіе обычая. Наслѣдственный переходъ имуществъ поставленъ у нашихъ крестьянъ въ совершенно своеобразныя условія. Примѣненіе правилъ писаннаго закона для опредѣленія наслѣдственныхъ правъ каждаго отдѣльнаго члена семьи противорѣчитъ крестьянскимъ законоположеніямъ 19 февраля 1861 г. и 12 іюля 1889 г., слѣдовательно является какъ бы незаконнымъ; да и по самому существу своему, правила эти, въ полномъ ихъ объемѣ, не могутъ быть усвоены крестьянскою жизнью, такъ какъ они представляются устарѣвшими даже для привилегированныхъ сословій. Порядокъ наслѣдованія у крестьянъ по точному смыслу тѣхъ законоположеній долженъ прежде всего опредѣляться мѣстнымъ обычаемъ, а между тѣмъ содержаніе этого обычая сплошь и рядомъ неизвѣстно ни крестьянскому суду, ни сельскимъ сходамъ, ни самимъ заинтересованнымъ лицамъ. Отсюда неустойчивость и случайный характеръ судебныхъ рѣшеній, что способствуетъ развитію въ народѣ сутяжничества и подрыву вѣры въ правосудіе, не говоря уже о крайне невыгодныхъ послѣдствіяхъ подобнаго порядка для хозяйственной жизни сельскаго населенія.

Казалось бы при этомъ, что дѣйствіе обычая при разрѣшеніи между крестьянами споровъ изъ за наслѣдства, по самому существу и по духу крестьянскихъ узаконеній, должно ограничиваться надѣльнымъ имуществомъ, поставленнымъ, съ точки зрѣнія владѣнія и распоряженія, въ совершенно своеобразныя условія, такъ какъ имущество это обезпечиваетъ не только бытъ крестьянъ, но и исправное выполненіе ими лежащихъ на нихъ повинностей. Однако практика правительствующаго сената значительно расширяетъ область примѣненія обычая,—что едва ли основательно. Такъ, напримѣръ, по рѣшеніямъ сената, крестьяне не лишены права завѣщать, но для завѣщательныхъ распоряженій, хотя бы и относительно имущества, не входящаго въ надѣлъ, такое право ограничено существующими мѣстными обычаями о наслѣдованіи [2]). Такимъ образомъ у привилегиро-

[1]) Рѣш. прав. сен. гр. касс. деп., 1891 г., № 86.

[2]) Рѣш. гр. касс. деп. 1893 г., № 77; рѣш. прав. сен. общ. собр. 1, 2 и касс. деп., 3 ноября 1897 г., № 21.

ванныхъ сословій, руководствующихся десятымъ томомъ свода законовъ, допускается самая широкая свобода завѣщательныхъ распоряженій относительно благопріобрѣтеннаго имущества, а у крестьянъ завѣщатель, пріобрѣвшій огромное состояніе торговлею или промыслами, дѣлая распоряженія на случай смерти, долженъ считаться, прежде всего, съ мѣстными обычаями, содержаніе и даже самое существованіе которыхъ ему, быть можетъ, неизвѣстно.

Во имя чего наше крестьянство поставлено въ такія условія, при которыхъ семейныя и имущественныя правоотношенія страдаютъ полною неопредѣленностью, а возникающіе на этой почвѣ споры разрѣшаются по обычаю, понимаемому и примѣняемому различно даже въ предѣлахъ одной и той же волости, одного и того же сельскаго общества [1])? Поставленный такимъ образомъ вопросъ разрѣшается неодинаково. Одни утверждаютъ, что обычное „право“, т. е. разрѣшеніе семейныхъ и имущественныхъ споровъ у крестьянъ на основаніи обычая, а не писаннаго закона, необходимо въ виду особенностей крестьянскаго быта; другіе выдвигаютъ впередъ преимущества крестьянскаго обычая передъ писаннымъ закономъ, такъ какъ требованія обычая, будто бы, болѣе соотвѣтствуютъ началамъ справедливости и даже гуманности.

Обѣ указанныя точки зрѣнія не могутъ быть признаны убѣдительными. Условія быта нашего сельскаго населенія, безспорно, весьма своеобразны; но это своеобразіе проявляется всего существеннѣе въ области управленія и суда; что же касается семейно-имущественныхъ правоотношеній въ крестьянской средѣ, то своеобразіе послѣднихъ вытекаетъ изъ наличности общиннаго владѣнія землею и круговой поруки, установленной въ силу фискальныхъ соображеній правительства и въ ближайшемъ будущемъ уже подлежащей отмѣнѣ. Оба эти института имѣютъ, конечно, весьма важное значеніе въ народной жизни, но ими не исчерпывается все существо имущественныхъ правоотношеній у крестьянъ: они относятся лишь до надѣльнаго имущества, а не до благопріобрѣтеннаго. Во всякомъ случаѣ, наличностью у крестьянъ общиннаго владѣнія землею и круговой поруки нельзя оправдывать необходимость такого порядка, при которомъ возможно самое широкое благоусмотрѣніе судей и сельскихъ сходовъ въ разрѣшеніи споровъ имущественныхъ и дѣлъ о наслѣдствѣ, такъ что

[1]) „Правомѣрный строй государства, справедливо замѣчаетъ М. А. Лозина-Лозинскій, не исключаетъ возможности дѣйствія обычнаго права, но чтобы дѣйствіе обычая не нарушало прочности правопорядка, необходимо точно установить въ законѣ тѣ случаи, когда примѣненіе обычая допустимо и желательно, точно опредѣлить способы констатированія существованія въ данной мѣстности даннаго обычая и, наконецъ, указать тѣ условія, при которыхъ данный обычай долженъ быть признанъ правомѣрнымъ, не допуская обычаевъ, несогласныхъ съ началомъ правомѣрности“ („Крестьянское право“ въ журналѣ „Вѣстникъ права“, 1899 г., февраль).

вмѣсто обычнаго права устанавливается въ крестьянскомъ быту обычное безправіе.

Сторонники правовой обособленности крестьянъ ссылаются и на то, что народный обычай разрѣшаетъ многіе вопросы гражданскаго права болѣе справедливо и гуманно, по сравненію съ нашимъ писаннымъ закономъ. Въ качествѣ наиболѣе убѣдительнаго доказательства приводятся незаконнорожденные, которые у крестьянъ, по обычаю, пользуются наслѣдственными правами, наравнѣ съ законными дѣтьми. Въ этомъ взглядѣ, однако, кроется существенное недоразумѣніе. Одинаковое участіе незаконнорожденныхъ, какъ и законныхъ дѣтей въ наслѣдствѣ, оставленномъ ихъ родителями, было слѣдствіемъ не гуманныхъ идей, присущихъ, будто бы, крестьянскому обычному праву, а того особаго значенія, которое въ строѣ крестьянскаго хозяйства и при низкомъ уровнѣ крестьянскаго достатка имѣетъ рабочая сила. Суровая школа жизни, чрезъ которую изъ поколѣнія въ поколѣніе проходило наше крестьянство, съ трудомъ выдерживающее тяжелую борьбу за существованіе, отнюдь не располагала къ гуманитарнымъ правовымъ воззрѣніямъ. Достаточно, казалось бы, указать на приниженное и безправное положеніе женщины въ крестьянской семьѣ; на отрицаніе за дочерьми правъ на наслѣдство умершихъ родителей; перемѣны къ лучшему за послѣднія 30 лѣтъ, происшедшія въ этомъ отношеніи, должны быть всецѣло приписаны вліянію писаннаго закона, хотя послѣдній вовсе немилостиво и отнюдь не гуманно относится къ наслѣдственнымъ правамъ женъ и дочерей.

Пусть и въ самомъ дѣлѣ наслѣдственныя права родителей (на имущество умершихъ дѣтей), супруговъ, незаконнорожденныхъ дѣтей и т. п., съ точки зрѣнія крестьянскаго обычнаго права, представляются болѣе обезпеченными, нежели въ писанномъ законѣ,—это обстоятельство, само по себѣ, не можетъ, однако, служить доказательствомъ, будто для крестьянъ нѣтъ надобности въ писанномъ законѣ. Скорѣй слѣдовало бы придти къ заключенію, что нашъ десятый томъ свода законовъ настоятельно нуждается въ пересмотрѣ, какъ вообще, такъ особенно въ области наслѣдственнаго права, начала котораго давно уже отжили свое время.

Крестьянскіе семейные раздѣлы.

I.

Въ дореформенную эпоху семейные раздѣлы у государственныхъ крестьянъ были крайне затруднены. Кромѣ прямого воспрещенія раздѣловъ безъ разрѣшенія подлежащаго начальства [1]), нераздробляемость крестьянскаго хозяйства поддерживалась уставомъ рекрутскимъ. По основному правилу этого устава, допускавшему лишь немногія исключенія, раздѣлы разрѣшались палатою государственныхъ имуществъ только въ томъ случаѣ, когда въ составѣ новыхъ дворовъ оказывалось не менѣе трехъ работниковъ. Всѣ остальные раздѣлы не были признаваемы законными и не регистрировались ни изъ года въ годъ, ни во время ревизіи. Членамъ нераздѣленнаго семейства присвоивались извѣстныя льготы по отбыванію рекрутской повинности [2]) и, напротивъ того, было постановлено „не давать изъятія отъ призыва ни брату, ни родственнику отданнаго въ службу крестьянина, если послѣ поступленія сего послѣдняго на службу семейство его раздѣлилось законнымъ порядкомъ; съ чѣмъ вмѣстѣ всѣ бывшія дотолѣ рекрутскія послуги семейства, по общимъ правиламъ, уничтожаются и ни въ какой разсчетъ болѣе не пріемлются". Рекрутскій уставъ требовалъ, чтобы въ каждомъ сельскомъ обществѣ лица, записанныя по ревизіи подъ однимъ нумеромъ, считались въ одномъ семействѣ, хотя бы жили въ разныхъ дворахъ и домахъ,—доколѣ не раздѣлятся установленнымъ порядкомъ. Въ дѣйствовавшемъ положеніи о государственныхъ крестьянахъ къ предметамъ вѣдомства сельскихъ сходовъ отнесены были дѣла по отбыванію рекрутской повинности и семейные раздѣлы,—какъ подраздѣленіе этой повинности.

Въ сходныхъ условіяхъ находились удѣльные крестьяне, семейные раздѣлы которыхъ обставлены были весьма стѣснительными условіями, причемъ дозволенія на образованіе новыхъ семействъ давались очень

[1]) Свод. зак., т. XII, уст. сельск. суд., ст. 486.
[2]) Свод. зак., т. IV, кн. 1, ст. 907 рекр. уст.

рѣдко. Что же касается крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости, то экономическія выгоды, представляемыя многорабочими семьями, побуждали помѣщиковъ не допускать раздробленія семействъ безъ крайней въ томъ нужды.

Въ моментъ, когда редакціонныя коммисіи призваны были къ составленію положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ былъ также поставленъ на очередь. Устанавливая предметы вѣдѣнія сельскаго схода и относя къ числу таковыхъ семейные раздѣлы, административное отдѣленіе редакціонныхъ коммисій руководствовалось тѣмъ общимъ соображеніемъ, что мірскому сходу должны подлежать всѣ учредительныя дѣла и главное распоряженіе по внутреннему устройству въ хозяйственномъ отношеніи.

Однако, отнесеніе семейныхъ раздѣловъ къ вѣдѣнію сельскихъ сходовъ вызвало возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, по мнѣнію которыхъ, такіе раздѣлы „должны быть совершенно свободны и подлежать семьѣ. Круговая порука не оправдываетъ подчиненія раздѣловъ міру. Матеріальное должно обезпечиваться матеріальнымъ, а не нравственными отношеніями людей. Гдѣ оскорблена нравственность, тамъ не можетъ быть и матеріальнаго благосостоянія. Если насиліе міра, въ этомъ отношеніи, признается необходимымъ для обезпеченія денежныхъ взносовъ, то лучше допустить самыя строгія денежныя взысканія“.

По поводу этихъ возраженій административное отдѣленіе представило общему собранію редакціонныхъ коммисій нижеслѣдующія объясненія. „Семейные раздѣлы, какъ извѣстно, имѣютъ весьма вредное и разорительное вліяніе на наше крестьянское хозяйство и часто возникаютъ вслѣдствіе случайныхъ семейныхъ непріятностей. Въ этихъ дѣлахъ контроль самого общества неизбѣженъ, по крайней мѣрѣ, на первое время, когда крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, необходимо будетъ, прежде всего, упрочить за собою матеріальное обезпеченіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, когда раздѣлъ семействъ будетъ вызванъ болѣе настоятельною и существенною потребностью, а не прихотями, міръ и самъ не будетъ ставить препятствій къ такому раздѣлу. Нельзя видѣть въ сходѣ власть, исключительно подавляющую личность въ пользу общества. Къ тому же, при очевидной невозможности жить нѣсколькимъ членамъ семьи вмѣстѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, хозяйство такой семьи не можетъ не страдать, а слѣдовательно и для общества выгоднѣе будетъ разрѣшать въ такихъ случаяхъ раздѣлы, что оно, по всей вѣроятности, хорошо и скоро пойметъ, съ свойственнымъ нашему народу практическимъ смысломъ. Кромѣ того, при существованіи круговой поруки, которую отвергнуть нельзя, было бы несправедливо возлагать на міръ всю отвѣтственность по отбыванію повинностей и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, лишать его права предупреждать обѣдненіе отдѣльныхъ домовъ. Замѣнять же это право опредѣленіемъ самыхъ строгихъ имущественныхъ взысканій невозможно потому, что введеніе такого рода взысканій предполагаетъ извѣстную степень зажиточности, которой огромное большинство крестьянъ еще не имѣетъ; къ тому же оно повело бы къ новой регламентаціи, противъ которой сами члены губернскихъ комитетовъ говорятъ такъ сильно. Съ другой стороны, невозможно и исчисленіе въ законѣ случаевъ, когда раздѣлы не должны быть воспрещаемы" [1]).

Общее присутствіе редакціонныхъ коммисій согласилось съ приведенными соображеніями административнаго отдѣленія и разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, на основаніи п. 5 ст. 51 общаго положенія о крестьянахъ, отнесено къ предметамъ вѣдѣнія сельскаго схода. Статьею 194 того же положенія на сельскія общества возложено было составленіе семейныхъ и призывныхъ списковъ. Въ силу этого правила, сельскимъ обществамъ предоставлено было вести счетъ семействамъ, т. е. условнымъ рекрутскимъ единицамъ, и ограждать себя отъ того, чтобы раздѣлы дворовъ не имѣли вліянія на рекрутскія очереди [2]).

Съ освобожденія крестьянъ и до изданія въ 1886 году (18 марта) правилъ о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою надѣльною землею, вопросъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ неоднократно обращалъ на себя вниманіе правительства. Манифестомъ 27 іюня 1863 года о произведеніи новаго рекрутскаго набора сельскому населенію дарована весьма важная льгота: повелѣно признавать законными всѣ семейные раздѣлы, совершенные до 1 января 1863 года, хотя бы раздѣлившіяся части были записаны въ ревизскихъ сказкахъ подъ однимъ нумеромъ, если только дѣйствительность раздѣла будетъ удостовѣрена сельскимъ сходомъ. Споры и недоразумѣнія относительно зачета рекрутскихъ послугъ, исполненныхъ частями раздѣлившагося семейства, предоставлено рѣшать самимъ же сельскимъ обществамъ. Засимъ Высочайше утвержденнымъ, 14 сентября 1864 года, мнѣніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія постановлено, чтобы по примѣру дѣлъ, упомянутыхъ въ статьѣ 54 общаго положенія, т. е. такихъ, для рѣшенія которыхъ, по ихъ особо важному значенію, требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ,—приговоры сельскихъ сходовъ о разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ непремѣнно записывались въ установленную статьею 57 того же положенія особую книгу. Мѣра эта, очевидно на-

---

[1]) Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммисій, часть II. Журналы общаго присутствія №№ 119, 120, 121 и 122, стр: 6, и приложенные къ нимъ доклады административнаго отдѣленія, стр. 60 и 61.

[2]) Съ введеніемъ общей воинской повинности ст. 194 общаго положенія утратила свою силу.

правленная къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ, совершеніе которыхъ допускалось лишь по формальнымъ письменнымъ приговорамъ, врядъ ли имѣла практическое значеніе: мірскіе приговоры о семейныхъ раздѣлахъ или вовсе не записывались, или эта запись велась неправильно.

Другія правительственныя мѣры того времени, хотя прямо не касались семейныхъ раздѣловъ, имѣли, однакоже, довольно близкое къ нимъ отношеніе. Такъ, напр., вслѣдъ за отмѣною особаго порядка управленія крестьянами государственными, государевыми, дворцовыми и удѣльными и съ распространеніемъ на нихъ общихъ для сельскаго состоянія узаконеній, семейные раздѣлы у обывателей указанныхъ разрядовъ подчинены одинаковому съ бывшими помѣщичьими крестьянами порядку. Далѣе, съ введеніемъ въ 1874 году всеобщей воинской повинности, семейные раздѣлы утратили значеніе съ точки зрѣнія отбываемыхъ населеніемъ военныхъ повинностей, такъ какъ, при назначеніи льготъ по семейному положенію, принимается въ разсчетъ семейство призываемаго, какъ союзъ кровный, а не рабочій, и безъ отношенія къ тому, живутъ ли члены семьи вмѣстѣ, или отдѣльно. Наконецъ, семейныхъ раздѣловъ, косвеннымъ образомъ, коснулась и реформа губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, предпринятая правительствомъ по закону 27 іюня 1874 года. Статьею 15 этого закона на вновь учрежденныя уѣздныя присутствія была возложена, между прочимъ, обязанность составить, а на губернскія утвердить инструкціи для руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ относительно исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ предметовъ вѣдѣнія. Обязанность эта во многихъ мѣстностяхъ Имперіи осталась невыполненною, а изданныя во второй половинѣ 70-хъ годовъ и въ началѣ 80-хъ инструкціи относятся весьма неодинаково къ вопросу о семейныхъ раздѣлахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ ограничиваются простою перепечаткою пункта 5 статьи 51 общаго положенія, воздерживаясь отъ всякихъ объясненій по существу содержащагося въ означенномъ пунктѣ постановленія. Другія рекомендуютъ сельскимъ сходамъ относиться „съ строгою разборчивостью“ къ разрѣшенію семейнаго раздѣла и изъявлять согласіе на таковой лишь въ томъ случаѣ, когда отдѣляющіяся части способны къ самостоятельному веденію хозяйства. Наконецъ, были и такія инструкціи, которыя присвоивали сельскимъ сходамъ право разсмотрѣть причины, побуждающія крестьянъ къ раздѣлу, и признать или не признать таковыя основательными, отнюдь не входя, однако, въ раздѣлъ самого имущества. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, напр., тверская инструкція 1876 года, причемъ въ § 32 сдѣлана оговорка: „дѣлящіеся, въ случаѣ согласія, записываютъ условія договора въ книгу сдѣлокъ и договоровъ; въ случаѣ же спора обращаются къ волостному суду“.

Отсюда видно, что даже въ средѣ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій не было строго опредѣленной точки зрѣнія на роль сельскаго схода въ дѣлѣ совершенія и разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ. Въ данномъ случаѣ вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ имѣлъ общую судьбу со многими другими существеннѣйшими вопросами народнаго быта, въ разрѣшеніи и направленіи которыхъ замѣчалось разнообразіе и непостоянство къ практикѣ какъ мѣстныхъ низшихъ и высшихъ крестьянскихъ учрежденій, такъ даже и правительствующаго сената.

Но какъ относилось къ семейнымъ раздѣламъ само сельское населеніе? Пользовались ли сельскіе сходы предоставленными имъ въ этомъ отношеніи правами? Сдерживали ли они стремленіе своихъ сочленовъ къ хозяйственной самостоятельности или относились къ этому стремленію безразлично? Выработались ли народнымъ правосознаніемъ какія-либо общія основанія для совершенія семейныхъ раздѣловъ, или же эта сторона народной жизни стояла внѣ всякихъ устойчивыхъ правилъ, находилась въ зависимости отъ случайныхъ и измѣнчивыхъ вліяній?

Отвѣты на поставленные выше вопросы заключаются въ трудахъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Пользуясь собраннымъ этою коммисіею матеріаломъ, добытымъ посредствомъ устнаго опроса самихъ крестьянъ, проф. Пахманъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Основная причина раздѣловъ заключается въ стремленіи взрослыхъ членовъ семьи выйти изъ той общности, гдѣ личность несвободна и право на трудъ не обезпечено, и жить своимъ домомъ, своимъ собственнымъ хозяйствомъ: на эту причину прямо указывали крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей, заявляя, что семейные раздѣлы, при жизни отца, бываютъ часто „по желанію сыновей—жить хозяиномъ", „жить на волѣ, по своему".

Засимъ къ раздѣлу общаго имущества приступаютъ, большею частью, по поводу семейныхъ ссоръ, въ особенности между женщинами, сторону которыхъ обыкновенно принимаютъ мужья. Другими поводами къ раздѣламъ являются: тѣснота, т. е. недостатокъ помѣщенія, когда семьи, входящія въ составъ хозяйственной общности, разростаются, когда число членовъ семьи увеличится чрезмѣрно, а равно безпорядочное поведеніе тѣхъ или другихъ членовъ семьи, приносящее вредъ общему хозяйству.

Чаще всего раздѣлы бываютъ между братьями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по заявленіямъ крестьянъ, по смерти отца, братья, т. е. сыновья умершаго, рѣдко остаются жить въ одной семьѣ; обыкновенно они тотчасъ приступаютъ къ раздѣлу: на случаи этого рода встрѣчается особенно много указаній. Нерѣдки также случаи раздѣла между дядею и племянниками или племянницами. Встрѣчаются раздѣлы

также между двоюродными братьями, между тетками и племянницами, между двоюродною теткою и племянникомъ и т. п.

Раздѣлъ общаго имущества предполагаетъ, что каждый, кому приходится получить что-либо изъ этого имущества, имѣетъ въ немъ опредѣленную долю; эту долю онъ и получаетъ при добровольномъ раздѣлѣ, или она ему присуждается волостными судами и другими крестьянскими учрежденіями, въ которыхъ производятся дѣла о раздѣлѣ. Родственники, одинаково близкіе къ лицу, послѣ смерти котораго производится раздѣлъ, получаютъ равныя доли. Если въ промежутокъ времени между смертью представителя семьи и раздѣломъ произошло увеличеніе имущества, то и всякое приращеніе также подлежитъ раздѣлу между родными, вмѣстѣ съ оставшимся по наслѣдству имуществомъ, и также на равныя доли. На этихъ основаніяхъ производится раздѣлъ, напр., между братьями; за смертью ихъ, между ихъ дѣтьми, т. е. между двоюродными братьями, которые получаютъ отцовскія доли. Что касается раздѣла между дядею и племянниками, то они дѣлятъ имущество пополамъ такимъ образомъ, что на долю всѣхъ племянниковъ, сколько бы ихъ ни осталось послѣ смерти отца, брата, дяди, достается половина всего имущества, т. е. часть, которую могъ бы потребовать умершій.

Изъ приведенныхъ общихъ правилъ встрѣчаются изъятія, касающіяся главнѣйше личныхъ условій, оказывающихъ вліяніе на размѣръ долей при раздѣлѣ: случается, тѣ изъ дольщиковъ получаютъ большія доли, которые сдѣлали особыя издержки на общее имущество. Другія изъятія обусловливаются, большею частью, тѣми или другими правилами о правѣ наслѣдованія. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ братъ-солдатъ получаетъ при раздѣлѣ меньше брата-крестьянина; братья иногда получаютъ большія доли сравнительно съ сестрами, хотя, впрочемъ, и не безусловно, такъ какъ имѣется указаніе, что и сестра получаетъ равную долю съ братомъ; вдова, при дѣтяхъ, изъ общаго имущества получаетъ обыкновенно также нѣкоторую часть, но изъ доли дѣтей. Лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ общее имущество дѣлится по числу работниковъ, причемъ не принимаются въ разсчетъ малолѣтніе наслѣдники.

По заявленіямъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, раздѣлы производятся или самовольно, безъ участія крестьянскихъ властей, но уже самое названіе, „самовольный раздѣлъ“ показываетъ, что такой раздѣлъ явленіе, несоотвѣтствующее установившемуся порядку, въ силу котораго раздѣлъ долженъ быть производимъ съ чьего-либо разрѣшенія. Независимо отъ этого, встрѣчаются указанія, что самовольныхъ раздѣловъ волостные суды не признаютъ и раздѣлившихся обязываютъ снова жить вмѣстѣ и даже подвергаютъ ихъ наказанію розгами. Изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы у крестьянъ вовсе не было добровольныхъ или полюбовныхъ раздѣловъ; на такіе раздѣлы

имѣются прямыя указанiя, даже въ томъ смыслѣ, что бываютъ только добровольные раздѣлы, для которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ и особый двухгодичный срокъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что раздѣлы не могутъ опредѣляться стороннимъ принужденiемъ; но дѣло въ томъ, что и на добровольные раздѣлы требуется разрѣшенiе подлежащихъ крестьянскихъ учрежденiй. Обыкновенно раздѣлъ разрѣшается сельскимъ обществомъ или производится съ его согласiя.

Такъ какъ добровольные раздѣлы возможны лишь при полномъ согласiи каждаго на выдѣляемую ему часть имущества, то такiе раздѣлы бываютъ довольно рѣдко: обыкновенно имущество дѣлится крестьянскими учрежденiями, большею частью—сельскими сходами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раздѣлы производятся стариками, съ правомъ недовольнаго обратиться къ сельскому сходу, который, такимъ образомъ, составляетъ вторую инстанцiю, или, въ полтавской губернiи, „избранными лицами", или же старостою и стариками, съ тѣмъ, что недовольные ихъ рѣшенiемъ могутъ жаловаться въ волостной судъ. Въ нѣкоторыхъ, однако, мѣстностяхъ дѣла о раздѣлѣ до волостного суда не доходятъ, или же случаи обращенiя къ суду встрѣчаются рѣдко. Старики разбираютъ также дѣла о раздѣлахъ на сельскихъ сходахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раздѣлы имущества производятся посторонними людьми при урядникахъ, т. е. при волостномъ старшинѣ или судьяхъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раздѣлы производятся сельскимъ или волостнымъ сходами безразлично, или же однимъ волостнымъ сходомъ.

Дѣла о раздѣлахъ, въ послѣдней инстанцiи, рѣшаются волостными суда. Такъ, стороны, не довольныя рѣшенiемъ сельскаго старосты и стариковъ, или однихъ стариковъ, обращаются въ волостной судъ; равнымъ образомъ, стороны, не желающiя подчиниться рѣшенiю сельскаго схода, обращаются съ жалобой въ волостной судъ. Но послѣднiй и прямо въ качествѣ первой инстанцiи рѣшаетъ дѣла о раздѣлахъ, причемъ нѣкоторые мировые съѣзды также признаютъ подсудными волостнымъ судамъ всѣ раздѣлы между крестьянами, независимо отъ цѣнности подлежащаго раздѣлу имущества; напротивъ, другiе мировые съѣзды и къ дѣламъ о раздѣлахъ примѣняютъ общiя правила о подсудности дѣлъ волостнымъ судамъ по цѣнѣ иска. Есть, кромѣ того, указанiе, что по дѣламъ о раздѣлѣ крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обращаются къ мировому судьѣ.

Волостной судъ, а равно старики и сельскiй староста, производящiе раздѣлы, разсматриваютъ вопросъ только о распредѣленiи имущества между лицами, желающими раздѣлиться, но не входятъ въ разсмотрѣнiе вопроса о томъ, могутъ ли быть раздѣлены семьи или нѣтъ, откуда можно придти къ заключенiю, что произвольные раздѣлы дозволяются. Но такое заключенiе, по мнѣнiю проф. Пахмана,

было бы невѣрно, такъ какъ прежде, чѣмъ приступить къ раздѣлу, должно быть испрошено согласіе или разрѣшеніе сельскаго общества или волостного суда; поэтому до суда и стариковъ, а также и сельскаго схода доходятъ лишь дѣла о раздѣлѣ имущества, на основаніи даннаго уже разрѣшенія. Встрѣчаются указанія, что волостной судъ назначаетъ самовольно (т. е. безъ приговоровъ сельскаго схода о дозволеніи раздѣла) части имущества и тѣмъ упрочиваетъ самовольные раздѣлы, такъ что роль суда заключается въ утвержденіи раздѣловъ. Но иногда волостные суды отказываютъ въ разрѣшеніи на раздѣлъ на томъ основаніи, что безъ раздѣла просителямъ жить лучше. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раздѣлъ наслѣдства, непосредственно послѣ смерти наслѣдодателя, не допускается въ томъ случаѣ, когда въ числѣ наслѣдниковъ есть малолѣтніе, такъ что можно просить о раздѣлѣ не ранѣе, какъ по достиженіи ими совершеннолѣтія. Точно также не всегда допускается волостными судами раздѣлъ между братьями при жизни ихъ матери: встрѣчаются, именно, указанія, что если послѣ смерти отца недвижимымъ имуществомъ пользуется его вдова, то судъ отказываетъ дѣтямъ въ раздѣлѣ этого имѣнія, предоставляя матери пользоваться имъ, не раззоряя и не продавая.

Раздѣлы во многихъ мѣстностяхъ—явленія до того обыкновенныя, что, по отзывамъ крестьянъ, всѣ или почти всѣ передѣлились и даже встрѣчаются прямыя заявленія, что сельскія общества раздѣламъ не препятствуютъ. Но, съ другой стороны, встрѣчаются и такія заявленія, что раздѣлы лишь терпимы сельскимъ обществомъ и допускаются въ силу необходимости для того, чтобы водворить спокойствіе въ семьѣ; что вообще семейные раздѣлы допускаются лишь какъ неизбѣжное зло и крестьяне сознаютъ, что отъ раздѣловъ не богатѣютъ общества, а приходятъ въ бѣдность. Во всякомъ случаѣ отзывы, что раздѣлы не приносятъ, вообще говоря, вреда или даже бываютъ полезны, встрѣчаются весьма рѣдко. Въ силу соображеній о вредѣ раздѣловъ волостные суды неохотно соглашаются на просьбы о раздѣлахъ и прямо имъ препятствуютъ.

Обыкновенно для совершенія раздѣла не требуется какого-либо письменнаго акта, не только при добровольныхъ раздѣлахъ, но и въ случаѣ производства ихъ при посредствѣ обществъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, когда раздѣлъ совершается не добровольно, составляется и раздѣльный актъ, который записывается въ книгу волостного правленія; въ другихъ же мѣстностяхъ и при добровольномъ раздѣлѣ составляется актъ, который свидѣтельствуется сельскимъ старостою [1].

---

[1]) *Пахманъ.* Обычное гражданское право въ Россіи. С.-Петербургъ, 1879, т. II, стр. 291—298 и 301—312.

Таковы главнѣйшіе выводы относительно основаній и порядка совершенія семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ къ началу 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія, къ которымъ пришелъ проф. Пахманъ по изученіи матеріаловъ, собранныхъ коммисіею по преобразованію волостныхъ судовъ. Основанія совершенія семейныхъ раздѣловъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, всюду болѣе или менѣе одинаковы; порядокъ же совершенія этихъ раздѣловъ представляется крайне разнообразнымъ. Можно съ полною увѣренностью предположить, что дѣйствительная жизнь никакихъ устойчивыхъ правилъ въ этомъ отношеніи не знала и не выработала. Разумное и справедливое стремленіе отдѣльныхъ личностей изъ крестьянъ къ хозяйственной самостоятельности и семейной обособленности постоянно натыкалось поэтому на разнаго рода преграды. Крестьяне по отношенію къ семейнымъ раздѣламъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, никогда не знали, чего имъ держаться, какими правилами руководствоваться; ихъ существеннѣйшіе семейные и имущественные интересы, связанные съ раздѣломъ общаго имущества, были поставлены въ полную зависимость отъ благоусмотрѣнія судей, сельскихъ сходовъ и даже должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія.

Собранный коммисіею по преобразованію волостныхъ судовъ матеріалъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ представляется поучительнымъ и въ другомъ еще отношеніи. Онъ является новымъ доказательствомъ того, какъ исподоволь, при новыхъ условіяхъ народнаго быта послѣ реформы, разрушалась созданная крѣпостнымъ правомъ артельная организація крестьянской земли и общность имущественная, и какую тяжелую борьбу приходилось выдерживать личности крестьянина, подчиненной во всѣхъ своихъ имущественныхъ и даже семейныхъ правоотношеніяхъ общинному началу, а между тѣмъ инстинктивно стремившейся къ индивидуальной обособленности и свободѣ. Съ указанной точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія нижеслѣдующія особенности крестьянскихъ раздѣловъ въ разсматриваемую эпоху. При совершеніи раздѣловъ, также, какъ и при наслѣдованіи, рѣшающее значеніе имѣетъ уже кровное родство, кровная связь членовъ семьи; кровнымъ родствомъ обусловливается и доля общаго имущества, достающаяся отдѣляющемуся хозяйству. Предметомъ раздѣла бываетъ только общее имущество; имущество же, пріобрѣтенное кѣмъ-либо изъ членовъ семьи на сторонѣ, составляющее результатъ его единичныхъ трудовыхъ усилій, въ раздѣлъ, по общему правилу, не поступаетъ. По закону дѣла о семейныхъ раздѣлахъ отнесены къ вѣдѣнію сельскаго схода; на практикѣ участіе сельскаго схода въ разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ является довольно ограниченнымъ; раздѣлы вѣдаются и стариками, и должностными лицами крестьянскаго управленія и, въ особенности, волостными судами. Заслуживаетъ вниманія, что вопреки закону, по смыслу котораго рѣшеніе

сельскаго схода о семейномъ раздѣлѣ признается окончательнымъ, практика крестьянъ, сплошь и рядомъ, допускаетъ сторонѣ, недовольной рѣшеніемъ сельскаго схода, обжаловать таковое волостному суду. Сама жизнь, такимъ образомъ, указала на крайнее неудобство порядка, при которомъ дѣла о семейныхъ раздѣлахъ, столь близко касающіяся существеннѣйшихъ интересовъ крестьянскаго двора, вершаются сельскими сходами, т. е. многолюдною и безпорядочною толпою людей, неспособною съ должнымъ вниманіемъ отнестись къ частнымъ интересамъ своихъ сочленовъ Наконецъ, хотя по отзывамъ крестьянъ, а вслѣдъ за симъ и по мнѣнію проф. Пахмана, различаются раздѣлы самовольные и утвержденные подлежащею властью, однако, юридическія послѣдствія „самовольныхъ“ раздѣловъ представляются совершенно неясными; вполнѣ возможно, что вопросъ о самовольномъ раздѣленіи двора возникалъ лишь при учетѣ рекрутскихъ послугъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сдерживаемая условіями крѣпостного права потребность крестьянъ въ хозяйственной самостоятельности должна была проявиться съ особенною силою въ первое же время послѣ реформы. По отзывамъ крестьянъ, всѣ или почти всѣ они передѣлились, а сельскія общества раздѣламъ не препятствуютъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ отмѣны крѣпостного права было распаденіе большихъ семей на малыя, состоящія изъ лицъ, связанныхъ близкимъ кровнымъ родствомъ. „Нынѣ, когда раздѣлы семействъ сдѣлались такъ часты, большія семейства сдѣлались очень рѣдки [1]).

Крайняя распространенность среди крестьянъ семейныхъ раздѣловъ была отмѣчена и Высочайше утвержденною, въ началѣ 70-хъ годовъ, коммисіею, подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря Валуева, для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской промышленности въ Россіи. „Семейные раздѣлы съ каждымъ годомъ увеличиваются и дошли до того, что не только два брата, но даже отецъ съ сыномъ дѣлятся на разныя хозяйства. Иногда раздѣлившіяся семьи живутъ въ одной избѣ, такъ что, повидимому, раздѣла между ними не было, въ дѣйствительности же онѣ все подѣлили и живутъ совершенно какъ чужіе“.

Сознавая всѣ вредныя для крестьянскаго хозяйства послѣдствія семейныхъ раздѣловъ, коммисія, тѣмъ не менѣе, не нашла справедливаго основанія къ постановленію какихъ-либо законодательныхъ мѣръ, ограничивающихъ или стѣсняющихъ право раздѣловъ, но полагала полезнымъ, въ видахъ огражденія старшихъ членовъ семьи отъ насильственнаго дѣленія имущества при выдѣлѣ родственниковъ, установить: чтобы при семейныхъ раздѣлахъ переходъ имущества и,

---

[1]) *Лядовъ И.* Юридическіе обычаи крестьянъ шуйскаго уѣзда. (Ежегодникъ владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, т. I, вып. II, 1877 г., стр. 81),

въ особенности хозяйственнаго инвентаря къ выдѣляющимся членамъ семьи совершался не иначе, какъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и на основаніи положительно для этого установленныхъ правилъ.

Докладывая заключеніе коммисіи комитету министровъ, статсъ-секретарь Валуевъ, съ своей стороны, замѣтилъ, что, на ряду съ передѣлами, „не менѣе вредное для успѣховъ сельскохозяйственной предпріимчивости крестьянской среды бытовое явленіе заключается въ томъ, повсюду встрѣчающемся, порядкѣ, по коему, при выдѣленіи изъ семьи младшаго ея члена при жизни старшаго, имущественный выдѣлъ родственниковъ считается обязательнымъ для главы семейнаго союза. Такимъ образомъ, безпрестанно повторяющіяся дробленія семействъ не только содѣйствуютъ уменьшенію рабочей силы, но и разоряютъ уже существующія и прочно обезпеченныя хозяйства. Притязанія сыновей на часть отцовскаго имущества вошло въ обычай, вопреки положительнымъ установленіямъ закона“.

Выслушавъ заключеніе коммисіи и отзывъ статсъ-секретаря Валуева, комитетъ министровъ, „вполнѣ сочувствуя мыслямъ, выраженнымъ коммисіею“, поручилъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, по общему ихъ соглашенію, войти, между прочимъ, и въ соображеніе о мѣрахъ „къ точному опредѣленію порядка перехода имущества при семейныхъ въ крестьянскомъ быту раздѣлахъ“.

Прошло, однако, много времени, болѣе десяти лѣтъ, прежде нежели вопросъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ вновь обратилъ на себя вниманіе правительства. Это случилось въ началѣ 80-хъ годовъ. По собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, при посредствѣ губернаторовъ, свѣдѣніямъ, число семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ всѣхъ наименованій, за время съ 1861 по 1882 годъ, достигало 2.371,248 на 46 губерній; изъ этого числа раздѣловъ, разрѣшенныхъ сельскими сходами, было только 303,149 или 12,8%. Общее значеніе этихъ цифръ болѣе ярко характеризуется, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, частными примѣрами двухъ губерній — олонецкой и псковской. По олонецкой губерніи со времени послѣдней ревизіи народонаселеніе возросло къ 1882 году на 11,96%, а число семей въ то же время возросло на 43,03%. Если бы семьи оставались въ прежнихъ размѣрахъ, приростъ населенія долженъ былъ обусловливать образованіе всего 4,115 новыхъ семействъ, а ихъ образовалось 14,752, т. е. на 10,637 семей болѣе, „чѣмъ вызывалось дѣйствительною необходимостью“. Количество работниковъ, приходившихся на семью въ 1858 году, было, считая за работниковъ 50% мужскаго населенія, 1,78, а въ 1882 году—1,38. По псковской губерніи количество населенія съ 1861 года по 1880 годъ увеличилось на 20%, а число семей на 50%. Количество дѣйствительно произведеныхъ по этой губерніи раздѣловъ (44,993) превышало на 25,134 количество раздѣловъ, „обусловливавшихся естественнымъ приростомъ населенія“. Количество работниковъ

мужского пола на семью съ 1,94 упало до 1,53. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, на сто дворовъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, приходилось въ олонецкой губерніи 138 работниковъ, а въ псковской—153, т. е. изъ ста дворовъ въ олонецкой губерніи не менѣе 62, а въ Псковской—не менѣе 47 имѣли всего по одному работнику, а такъ какъ число такихъ дворовъ прежде составляло по олонецкой губерніи 22, а по псковской всего 6 на сто, то по первой губерніи за 22 года число однорабочихъ дворовъ увеличилось почти втрое, а по второй—даже въ восемь разъ.

Доставляя министерству внутреннихъ дѣлъ вышеизложенныя статистическія свѣдѣнія о количествѣ семейныхъ раздѣловъ, губернаторы заявили, что значительный вредъ, причиняемый раздѣлами крестьянъ, съ каждымъ днемъ становится все несомнѣннѣе. Допуская, что въ извѣстныхъ узкихъ границахъ раздѣлы являются фактомъ вполнѣ естественнымъ и отвѣчающимъ иногда настоятельнымъ и дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянъ, почти всѣ губернаторы признавали, что „раздѣлы въ томъ видѣ и количествѣ, въ какомъ они производятся нынѣ (т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ), крайне вредно отражаются на крестьянскомъ хозяйствѣ и во многихъ мѣстахъ угрожаютъ значительной части крестьянскаго населенія разореніемъ“. Въ виду этого, рѣшительныя общія или частныя мѣры къ ограниченію частныхъ раздѣловъ на будущее время представлялись, по мнѣнію губернаторовъ, настоятельно необходимыми.

Съ своей стороны, и бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой признавалъ „размножившіеся семейные раздѣлы одною изъ основныхъ причинъ упадка экономическаго благосостоянія крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковой замѣчается“. Вредныя послѣдствія раздѣловъ, по мнѣнію министра, общеизвѣстны. „Малосильная семья, большею частью съ однимъ рабочимъ, лишается всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій правильнаго раздѣленія труда. Семья, которая должна была прежде вести одно хозяйство, топить одну печь, будетъ вести нѣсколько хозяйствъ, изъ коихъ каждое поглощаетъ трудъ, который прежде могъ быть обращенъ болѣе производительно. Одиночный рабочій не можетъ уйти ни въ заработки, ни въ промыселъ, такъ какъ не можетъ оставить свое хозяйство безъ работника. Между тѣмъ хозяйство это не въ состояніи поглотить весь его трудъ, который пропадаетъ непроизводительно. Большая же семья легко выдѣляетъ излишнія рабочія силы даже въ страдную пору на сторону. Лишеніе, такимъ образомъ, заработка, составляющаго необходимое подспорье всякому крестьянскому хозяйству, является прямо раззорительнымъ. Точно также натуральныя повинности, которыя легко несутся семьею большою, раззоряютъ малорабочую семью, требуя отлучки единственнаго работника или затратъ на отбываніе повинности наймомъ. Самыя условія, при которыхъ дѣлятся семьи, уже носятъ на себѣ данныя

для послѣдующаго разворенія. Дѣлится полевая земля, дѣлится инвентарь. Но инвентарь, достаточный въ своей совокупности, при раздѣлѣ недостаточенъ для веденія нѣсколькихъ, хотя бы самыхъ несложныхъ хозяйствъ. Поэтому тотчасъ по раздѣлѣ раздѣлившейся семьѣ обыкновенно приходится для поддержанія существованія распродавать свою движимость и такимъ образомъ лишать себя даже и возможности приступить къ веденію хозяйства. Послѣдствія понятны: новый хозяинъ бросаетъ свой надѣлъ или сдаетъ его въ аренду, а самъ идетъ на сторону искать заработка, и хозяйство уничтожается. Еще скорѣе наступаетъ его гибель, если одинокаго рабочаго постигаетъ болѣзнь и смерть. Наконецъ, раздѣлы, постоянно ослабляя рабочія силы крестьянскихъ семей, лишаютъ ихъ возможности примѣнять къ своимъ участкамъ должную обработку, почему истощенная неразумною эксплоатацiею почва крестьянскихъ надѣловъ, требующая уже почти повсемѣстно тщательной обработки и усиленнаго удобренія, даетъ лишь крайне скудные урожаи, что, въ свою очередь, вызываетъ неосновательныя жалобы на недостаточность надѣловъ, обработка коихъ для многихъ изъ отдѣлившихся является и такъ непосильной".

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній, министръ внутреннихъ дѣлъ, находя „вполнѣ своевременнымъ и крайне настоятельнымъ принятіе мѣръ къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они не оправдываются экономическими или иными достаточно уважительными причинами", вошелъ по этому предмету съ представленіемъ въ государственный совѣтъ [1]).

Въ означенномъ представленіи гр. Толстой прежде всего отмѣтилъ, что, какъ видно изъ вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ, дѣятельность сельскихъ сходовъ обнаруживаетъ полное несочувствіе учащеннымъ раздѣламъ, а слѣдовательно не представляется повода къ измѣненію основного нынѣ дѣйствующаго правила, по которому разрѣшеніе раздѣловъ принадлежитъ сходамъ, какъ учрежденіямъ, ближе всего стоящимъ къ крестьянину и притомъ наиболѣе заинтересованнымъ, при существованіи круговой поруки, въ его состоятельности. Вопросъ можетъ быть поставленъ лишь о томъ, какими средствами обезпечить успѣшность дѣятельности самихъ обществъ въ этомъ отношеніи. Масса раздѣловъ, происходящихъ помимо сходовъ и часто вопреки ихъ запрета, очевидно, указываетъ на безсиліе обществъ противъ ослушниковъ его воли. Поэтому главная цѣль, которую должны имѣть въ виду проектируемыя мѣры, заключается въ предоставленіи сходу возможности съ успѣхомъ бороться противъ неподчиняющагося

---

[1]) Представленіе министра внутреннихъ дѣлъ, по земскому отдѣлу, въ государственный совѣтъ, отъ 18 января 1884 г., за № 414, о мѣрахъ къ ограниченію крестьянскихъ раздѣловъ.

члена, для чего слѣдуетъ, по мнѣнію министра, обставить самовольный раздѣлъ такими послѣдствіями, при которыхъ раздѣлъ представлялся бы для дѣлящихся прямо невыгоднымъ, а самому сходу предоставить право примѣнять къ виновному необходимыя ограничительныя мѣры, которыя дѣлали бы для него ослушаніе міру, по возможности, отяготительнымъ. Съ другой стороны, нельзя не признать, замѣчаетъ министръ, что непользованіе сходами ихъ правомъ могло обусловливаться неяснымъ пониманіемъ этого права и тѣхъ цѣлей, для которыхъ оно имъ предоставлено. Это обстоятельство указываетъ на необходимость разъясненія крестьянамъ смысла дѣйствующаго закона, а также преподанія имъ указаній относительно тѣхъ соображеній, которыя должны быть ими приняты въ руководство. Наконецъ, самовольные раздѣлы должны быть отнесены до нѣкоторой степени къ отсутствію у крестьянъ вполнѣ сознательнаго отношенія къ дарованнымъ имъ по общественному управленію правамъ. Приговоры сельскихъ обществъ нерѣдко составляются безъ всякаго участія схода, члены котораго часто и не знаютъ о его существованіи. Отсюда является необходимость обставить пользованіе общества своимъ правомъ по отношенію къ раздѣламъ, такими условіями, которыя гарантировали бы, что приговоры схода являются выраженіемъ дѣйствительной, вполнѣ сознательной воли общества и его обдуманнаго рѣшенія, поставивъ ихъ соблюденіе подъ строжайшій контроль учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

Для достиженія указанной выше цѣли можно было бы, по мнѣнію министра, предоставить обществу отбирать у самовольно раздѣлившихся полевой надѣлъ, подобно тому, какъ это предоставлено обществу по отношенію къ недоимщику. Такое распространеніе послѣдняго правила прямо вытекало бы изъ того соображенія, что при самовольномъ раздѣлѣ нарушаются гарантіи обществу въ исправномъ отбываніи раздѣляющимся семействомъ лежащихъ на немъ повинностей. Въ то же время въ законѣ должна быть ясно проведена мысль, что самовольный раздѣлъ признается недѣйствительнымъ и что такой раздѣлъ не можетъ создавать для выдѣляющейся части семьи какихъ-либо правъ. Въ этихъ видахъ необходимо постановить, что самовольно раздѣлившіяся части семьи по отбыванію повинностей продолжаютъ приниматься за одну семью и несутъ другъ за друга круговую отвѣтственность; что ни одно судебное учрежденіе не можетъ принять къ своему разсмотрѣнію иска о правѣ на часть движимаго имущества семьи иначе, какъ по представленіи удостовѣренія о разрѣшеніи раздѣла сельскимъ сходомъ, и что самовольно выдѣлившіеся изъ состава семьи члены не имѣютъ права на какую-либо долю имущества оной.

Въ видахъ устраненія неопредѣленныхъ взглядовъ сходовъ на ихъ права по разрѣшенію раздѣловъ лучшимъ средствомъ предста-

являлось гр. Толстому изданіе уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ (а гдѣ таковыя не введены,—губернскими присутствіями) разъяснительныхъ инструкцій, примѣнительно къ ст. 147 пол. учр. крест.

Независимо отъ изложеннаго, министръ внутреннихъ дѣлъ признавалъ необходимымъ и въ законѣ ясно выразить тѣ условія, при которыхъ сходъ долженъ разрѣшить или воспретить раздѣлы: въ законѣ должно быть выражено, что при разрѣшеніи раздѣла, сходы должны руководствоваться, прежде всего, соображеніями хозяйственными и обязаны не допускать радѣловъ, при которыхъ хозяйственная будущность дѣлящейся семьи представляется необезпеченною.

Возлагая, такимъ образомъ, главную надежду въ настоящемъ дѣлѣ на разумную дѣятельность сельскихъ сходовъ, какъ учрежденій, болѣе какихъ-либо другихъ поставленныхъ въ возможность правильнаго сужденія о дѣйствительныхъ нуждахъ крестьянской семьи, и обставляя вслѣдствіе этого сельскіе сходы условіями, наиболѣе благопріятствующими правильному выраженію ихъ воли, министръ внутреннихъ дѣлъ не могъ, однако, не замѣтить, что, какъ показываетъ практика, сами сельскіе сходы, къ сожалѣнію, въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ утратили свое значеніе выразителей народнаго сознанія и всего менѣе заботятся объ охранѣ крестьянскихъ интересовъ, обратившись въ орудіе нѣскольких или заинтересованныхъ кулаковъ, или пьяницъ и крикуновъ. По мнѣнію министра, умалчивать объ этомъ явленіи, сдѣлавшемся обыденнымъ, едва ли возможно и потому необходимымъ является установить нѣкоторыя мѣры, которыя хотя сколько-нибудь парализовали бы послѣдствія такого направленія сходовъ въ дѣлахъ столь значительной важности для самихъ крестьянъ, какъ дѣла о раздѣлахъ.

Въ этихъ видахъ министръ внутреннихъ дѣлъ признавалъ необходимымъ прежде всего установить, что ни одна семья не можетъ раздѣлиться, если на ней числятся недоимки и если ею не уплачены повинности хотя бы за текущее полугодіе. Всякій раздѣлъ, уменьшая рабочую состоятельность, уменьшаетъ и вѣроятность уплаты семьею недоимки, которая, такимъ образомъ, должна пасть на общество. Если бы сходъ и разрѣшилъ раздѣлъ при такихъ условіяхъ, онъ, очевидно, шелъ бы въ разрѣзъ съ интересами общества, а не являлся бы ихъ охранителемъ.

Второе ограничительное условіе должно заключаться, по мнѣнію министра, въ воспрещеніи раздѣловъ, если на нихъ не изъявляетъ согласія родитель или глава семьи. Что такое ограниченіе вполнѣ отвѣчаетъ установившимся среди народа взглядамъ на значеніе главы семьи, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. По отзывамъ губернаторовъ, во многихъ мѣстностяхъ и въ настоящее время сами сходы не допускаютъ раздѣловъ иначе, какъ съ согласія главы семьи. Требованіе такого согласія представляется одною изъ лучшихъ гарантій

противъ неосмотрительныхъ раздѣловъ. Стремленіе къ раздѣлу, по самой сущности дѣла, должно проявляться со стороны младшихъ членовъ семьи и въ волѣ старшаго члена найдетъ лишь необходимый противовѣсъ. Съ другой стороны, согласіе старшаго члена семьи на раздѣлъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что такой раздѣлъ дѣйствительно отвѣчаетъ интересамъ семьи. Постановкою въ законѣ изложеннаго выше требованія будетъ, по мнѣнію гр. Толстого, возстановленъ порядокъ, дѣйствительно отвѣчающій истиннымъ народнымъ взглядамъ, обычаямъ и интересамъ, въ противоположность къ замѣченнымъ нынѣ уклоненіямъ, являющимся лишь послѣдствіемъ мѣстами развившейся деморализаціи крестьянской среды.

Но такъ какъ безусловное примѣненіе проектированнаго правила можетъ иногда повлечь за собою существенныя неудобства, а именно когда самая необходимость раздѣла обусловливается расточительнымъ или развратнымъ поведеніемъ главы семьи, то заинтересованнымъ лицамъ гр. Толстой полагалъ предоставить право жалобы на отказъ главы семьи въ раздѣлѣ сельскому сходу, а на рѣшенія сего послѣдняго—уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, которое разрѣшало бы такіе споры по существу.

Исключеніемъ изъ послѣдняго правила долженъ быть, по мнѣнію министра, лишь тотъ случай, когда во главѣ семьи стоитъ ея родитель. Такъ какъ отношенія родителя къ семьѣ представляются совершенно иными, чѣмъ когда во главѣ семьи стоитъ другое лицо, то если отказъ родителя признанъ правильнымъ и сельскимъ сходомъ, рѣшеніе его не должно подлежать обжалованію.

Самая дѣятельность сельскихъ сходовъ по раздѣламъ должна быть поставлена подъ ближайшій контроль учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, для каковой цѣли всѣ приговоры сходовъ о раздѣлахъ надлежало бы доводить до свѣдѣнія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, а гдѣ ихъ нѣтъ—мирового посредника. „Я не признаю,—заявлялъ гр. Толстой,—по соображеніямъ, изложеннымъ выше, необходимымъ стѣснять въ дѣлѣ разрѣшенія раздѣловъ свободу сходовъ, а потому и представленіе приговоровъ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ не должно останавливать ихъ исполненіе, а лишь давать этимъ учрежденіямъ возможность имѣть дѣйствительный контроль надъ крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и предупредить случаи уклоненія отъ закона, или его непониманія, дѣлая соотвѣтственныя разъясненія. Тѣмъ не менѣе я не могу не признать необходимымъ предоставить учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, въ случаѣ, если по повѣркѣ возбудившихъ сомнѣніе приговоровъ на мѣстѣ оказалось бы, что постановленіе схода состоялось съ нарушеніемъ закона или въ явный вредъ для крестьянъ, отмѣнять такіе приговоры, безъ чего контроль былъ бы безполезенъ“.

Наконецъ, для постояннаго наблюденія за дальнѣйшимъ ходомъ

крестьянскихъ раздѣловъ, необходимо, по мнѣнiю гр. Толстого, установить контроль за дѣятельностью и мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденiй, для каковой цѣли министръ полагалъ обязать уѣздныя присутствiя ежегодно представлять вѣдомости о ходѣ этого дѣла губернскому, которое, въ свою очередь, подобныя же вѣдомости представляло бы въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ своимъ заключенiемъ,— „дабы министерство могло своевременно почерпнуть указанiя относительно мѣръ, которыхъ еще можетъ потребовать это дѣло въ будущемъ".

Вышеизложенныя предположенiя министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу о мѣрахъ къ ограниченiю крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, предварительно обсужденiя ихъ въ государственномъ совѣтѣ, были переданы на заключенiе вѣдомствъ: военнаго, юстицiи и финансовъ. Военный министръ безусловно присоединился къ предположенiямъ гр. Толстого. Министръ юстицiи статсъ-секретарь Набоковъ, высказывая тотъ же взглядъ, считалъ необходимымъ къ мѣрамъ, предположеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ собственно въ отношенiи семейныхъ раздѣловъ, присоединить: 1) установленiе нераздробляемости принадлежащихъ крестьянской семьѣ полевыхъ угодiй на доли, меньшiя извѣстнаго раздѣла, 2) точное опредѣленiе права участiя на сходѣ, въ видахъ устраненiя лицъ, фактически не ведущихъ самостоятельнаго хозяйства, съ предоставленiемъ вмѣстѣ съ тѣмъ обществамъ, подъ контролемъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденiй, права исключать изъ числа членовъ сельскаго схода лицъ, за которыми накопились значительныя недоимки, или такихъ, которыя замѣчены въ расточительности, либо пьянствѣ, и 3) воспрещенiе крестьянамъ продажи выкупленныхъ ими участковъ.

Что касается министра финансовъ, то съ его стороны сдѣлано было прежде всего то общее замѣчанiе, что собранныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ числовыя данныя о крестьянскихъ раздѣлахъ являются непригодными для правильнаго сужденiя о размѣрахъ и значенiи сихъ раздѣловъ. По мнѣнiю Н. Х. Бунге, „есть полное основанiе утверждать, что въ первые годы по отмѣнѣ крѣпостного права раздѣлы были весьма многочисленны. Но совершается ли это явленiе и теперь съ прежнею силою, несмотря на то, что сдержанная помѣщичьею властью потребность раздѣловъ уже удовлетворена,—не получило ли оно за послѣднiя 5—10 лѣтъ болѣе нормальнаго хода—это не выяснено въ представленiи министерства внутреннихъ дѣлъ. Мѣры же противъ раздѣловъ теперь, — по минованiи того переходнаго времени, когда возможность подѣлиться представлялась крестьянамъ заманчивымъ новопрiобрѣтеннымъ правомъ,—требуютъ, очевидно, уясненiя современнаго стремленiя крестьянъ къ семейнымъ раздѣламъ".

Равнымъ образомъ, на основанiи существующихъ данныхъ трудно, по мнѣнiю министра финансовъ, судить о томъ, много ли было само-

вольныхъ раздѣловъ за послѣднія 20 лѣтъ и слѣдуетъ ли усилить власть мірскихъ сходовъ для противодѣйствія раздѣламъ вообще. Изслѣдованія центральнаго статистическаго комитета, вошедшія въ изданіе „Поземельная собственность въ Россіи", даютъ иное понятіе о ходѣ семейныхъ раздѣловъ за время съ 1861 по 1878 г. По этимъ изслѣдованіямъ, основаннымъ на „спискахъ населенныхъ мѣстъ", въ 8 губерніяхъ черноземной полосы численный составъ двора уменьшился за это время на ⅛ (съ 8 душъ на 7); въ губерніяхъ центральной промышленной полосы—на 1/10 часть [1]).

Въ этихъ размѣрахъ раздѣлы вовсе не представляются явленіемъ тревожнымъ и требующимъ воздѣйствія правительственной власти, особенно если не терять изъ вида, что приведенныя данныя относятся ко времени общаго переустройства быта крестьянъ. По изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ ярославской и пермской губерніяхъ, раздѣлы въ большинствѣ случаевъ имѣютъ значеніе временнаго ослабленія хозяйственной силы семьи; полное же разореніе подѣлившагося семейства составляетъ рѣдкое исключеніе и, напротивъ того, было не мало случаевъ улучшенія хозяйства вслѣдствіе раздѣла,—что весьма естественно. Нельзя при этомъ не замѣтить, что одна изъ главныхъ причинъ подчиненія семейныхъ раздѣловъ рѣшенію мірскихъ сходовъ, именно отвѣтственность крестьянъ другъ за друга по платежу податей, отходитъ болѣе и болѣе въ область прошедшаго: круговая порука отмѣнена для малолюдныхъ селеній, а по остальнымъ примѣняется теперь довольно рѣдко и, быть можетъ, вскорѣ вовсе примѣняться не будетъ, въ виду послѣдовавшаго уменьшенія выкупныхъ платежей и сложенія 1/3 подушной подати.

Далѣе министръ финансовъ высказался противъ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ относительно контроля крестьянскихъ учрежденій надъ дѣятельностью сельскихъ обществъ по разрѣшенію семейныхъ раздѣловъ. По мнѣнію Н. Х. Бунге, насильственное задержаніе раздѣловъ такихъ семействъ, которымъ нерѣдко другого выхода нѣтъ, какъ только раздѣлъ, было бы, конечно, источникомъ зла худшаго, чѣмъ неосмотрительный раздѣлъ. Но ввѣрять оцѣнку психическихъ мотивовъ, всего чаще опредѣляющихъ раздѣлъ, людямъ чуждымъ обыденной жизни даннаго общества крестьянъ: чинамъ уѣздной администраціи—не представляетъ никакой гарантіи правильнаго разрѣшенія этихъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ. Наиболѣе вѣроятными послѣдствіями такой постановки дѣла были бы: обходъ закона, съ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ вымогательствомъ, или

---

[1]) Составъ двора, по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, весьма различенъ по губерніямъ: въ среднемъ приходится около 5½ душъ на дворъ въ костромской и нижегородской губерніяхъ и болѣе 7 душъ въ тульской и тамбовской губерніяхъ. Наиболѣе дробныя хозяйства замѣчаются въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, также въ губерніяхъ малороссійскихъ.

же разорѣніе неподѣлившейся крупной семьи, утратившей вмѣстѣ съ согласнымъ житьемъ главнѣйшее условіе успѣшнаго хода хозяйства, и уголовныя преступленія въ средѣ враждующей семьи.

„Я полагалъ бы необходимымъ,—замѣчаетъ Н. Х. Бунге въ концѣ своего отзыва по предположеніямъ министра внутреннихъ дѣлъ,—приступить къ измѣненію дѣйствующихъ законоположеній по этому предмету не прежде, какъ по подробномъ раслѣдованіи вопроса о семейныхъ раздѣлахъ въ послѣднее время, именно со введенія всесословной воинской повинности, не обобщая существенно различныхъ періодовъ народной жизни за истекшіе 23 года и не теряя изъ вида разнообразія мѣстныхъ условій различныхъ частей Россіи. При этомъ необходимо, чтобы были выяснены причины увеличенія числа раздѣловъ, если это увеличеніе будетъ вполнѣ удостовѣрено, такъ какъ дальнѣйшая законодательная дѣятельность по настоящему предмету должна быть, по моему мнѣнію, строго соображена съ вызывающими это явленіе причинами,—иначе правительственныя мѣры могутъ оказаться не соотвѣтствующими дѣйствительному положенію этого дѣла и повести къ вреднымъ послѣдствіямъ“.

Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, что всякое новое разслѣдованіе по дѣлу о крестьянскихъ раздѣлахъ представляется излишнимъ и могущимъ лишь затянуть разрѣшеніе настоящаго въ высшей степени важнаго вопроса безъ всякой пользы для дѣла, такъ какъ новое изслѣдованіе ничего не прибавитъ къ имѣющимся уже даннымъ и ни въ чемъ не можетъ измѣнить очерченную выше характеристику значенія семейныхъ раздѣловъ и ихъ послѣдствій.

Засимъ подчиненіе семейныхъ раздѣловъ согласію сельскаго схода не опирается, по мнѣнію гр. Толстого, исключительно на затрогиваемые раздѣлами имущественные интересы общества, связанные съ круговою порукою; въ гораздо большей степени оно объясняется тѣсной связью, существующей между экономическимъ благосостояніемъ общества и имущественнымъ довольствомъ отдѣльныхъ его членовъ. „Мѣра эта присвоиваетъ сходу обязанность опеки надъ отдѣльными членами общества и такому характеру дѣятельности схода я придаю особенное значеніе“. Вотъ почему ослабленіе круговой поруки, на которое указываетъ министръ финансовъ, притомъ имѣющее нынѣ мѣсто въ очень узкихъ границахъ, имѣетъ въ этомъ дѣлѣ, по мнѣнію графа Толстого, второстепенное значеніе.

Наконецъ, опасеніе, что уѣздная администрація явится некомпетентной для разрѣшенія вопроса ей чуждой крестьянской среды даннаго общества, устраняется тѣмъ, что ея участіе въ дѣлахъ о раздѣлахъ сведено преимущественно къ дѣятельности формальной. Министръ внутреннихъ дѣлъ полагаетъ, что случаи прямого вмѣшательства должны будутъ составлять исключеніе, допущенное лишь въ виду очевидной необходимости.

Наряду съ министромъ финансовъ Н. X. Бунге противъ предположеній гр. Толстого о мѣрахъ къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ высказался и членъ государственнаго совѣта тайный совѣтникъ Галаганъ, сущность возраженій котораго, изложенныхъ въ особой запискѣ, разосланной членамъ государственнаго совѣта, заключается въ слѣдующемъ.

Галаганъ, прежде всего, задается вопросомъ, всякій ли семейный раздѣлъ, по смыслу пункта 5 статьи 51 общаго положенія о крестьянахъ, обусловливается разрѣшеніемъ сельскаго схода, и приходитъ къ отрицательному отвѣту. Всякое ограниченіе правъ полной свободы дѣйствій въ дѣлахъ семейныхъ, которое распространялось бы на крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости и получившихъ всѣ гражданскія права—личныя и по имуществу [1]), имѣетъ само по себѣ такое важное значеніе, что о немъ, безъ сомнѣнія, было бы упомянуто въ подлежащихъ статьяхъ положенія 19 февраля 1861 года. Если бы законодательство смотрѣло на ограниченіе семейныхъ раздѣловъ, какъ на одно изъ важныхъ средствъ противъ упадка крестьянскаго хозяйства и отягощенія, вслѣдствіе того, сельскаго общества, обязаннаго круговою порукою за обѣднѣвшихъ своихъ членовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что о безусловномъ подчиненіи семейныхъ раздѣловъ вѣдѣнію сельскаго схода было бы упомянуто въ статьяхъ, опредѣляющихъ права и обязанности крестьянъ въ различныхъ отдѣлахъ крестьянскихъ положеній. Между тѣмъ мы видимъ, напротивъ того, какъ въ общемъ положеніи, такъ равно въ положеніяхъ мѣстныхъ и о выкупѣ совершенное отсутствіе какихъ-либо на это указаній; нельзя найти и въ статьяхъ, опредѣляющихъ мѣры взысканій съ неисправныхъ плательщиковъ, какого-либо указанія на ограниченіе семейныхъ раздѣловъ, въ видахъ предупрежденія накопленія недоимокъ.

Полное отсутствіе въ крестьянскихъ законоположеніяхъ правилъ, ограничивающихъ семейные раздѣлы, и которыя должны бы находиться въ соотвѣтствіи съ пунктомъ 5 статьи 51, если бы этой статьѣ данъ былъ закономъ смыслъ, приписанный ей министромъ внутреннихъ дѣлъ, не только внушаетъ мысль, но и приводитъ къ заключенію, что указанное постановленіе имѣетъ какъ въ законѣ, такъ и на практикѣ, специальное примѣненіе, относящееся къ прежней рекрутской повинности, хотя это и не выражено опредѣлительно въ самомъ положеніи.

Что не всѣ, безъ ограниченія, семейные раздѣлы на основаніи положеній 19 февраля подлежали разрѣшенію сельскаго схода,—это подтверждается и самою практикою раздѣловъ. Изъ 2.371,248 всѣхъ семейныхъ раздѣловъ считается разрѣшенныхъ сельскими сходами всего 303,149, которые распредѣлены по губерніямъ съ извѣстною,

---

[1]) Общее положеніе, ст. 21—39.

за нѣкоторыми исключеніями, равномѣрностью, при чемъ колебанія въ пропорціи разрѣшенныхъ раздѣловъ къ неразрѣшеннымъ весьма слабо между губерніями, въ которыхъ крестьяне владѣютъ землею на общинномъ началѣ, и тѣми, гдѣ существуетъ подворное владѣніе землею. Не подтверждается ли подобнымъ явленіемъ то заключеніе, что крестьяне прибѣгали въ большинствѣ случаевъ къ разрѣшенію семейныхъ раздѣловъ сельскимъ сходомъ въ виду рекрутскихъ очередей и безразлично къ какой бы мѣстности ни принадлежала губернія? Если бы семейные раздѣлы, состоявшіеся безъ утвержденія сельскаго схода, были признаваемы на практикѣ незаконными, то нельзя не предположить, что въ нѣсколькихъ хотя губерніяхъ подлежащія власти оказали бы противодѣйствіе незаконнымъ раздѣламъ. Однако, на практикѣ мы видимъ совершенно противное.

Самый сильный доводъ, приводимый противъ свободы семейныхъ раздѣловъ, есть замѣтное, будто бы, обѣдненіе крестьянъ. За исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ относительно экономическаго быта крестьянскаго населенія вообще. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и замѣтенъ упадокъ крестьянскаго благосостоянія, который можетъ происходить и отъ другихъ причинъ, то есть въ Россіи цѣлыя обширныя мѣстности, гдѣ благосостояніе крестьянъ несомнѣнно увеличилось, не смотря на то, что процентъ семейныхъ раздѣловъ тамъ никакъ не менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Едва ли, однако, ради потребностей экономическихъ, притомъ недостаточно еще доказанныхъ, можно оставлять безъ вниманія самыя простыя потребности личныхъ правъ свободныхъ отъ крѣпостной зависимости людей. Нѣтъ надобности исчислять все огромное число случаевъ, въ которыхъ не только безусловное запрещеніе, но даже затрудненіе семейныхъ раздѣловъ будетъ служить причиною тяжкихъ страданій и даже несчастій въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ поселились несогласіе и семейная вражда.

Приведеніе въ исполненіе предлагаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ правилъ къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ способно повлечь за собою весьма серьезныя и неудобныя послѣдствія, причемъ предлагаемыя мѣры окажутся почти неосуществимыми на практикѣ. Крестьянинъ, желающій произвести раздѣлъ имущества, чаще всего безграмотный, обязанъ представить такому же безграмотному сходу письменную опись имущества, предположеннаго къ раздѣлу. Сельскій сходъ прежде всего, по всей вѣроятности, отнесется къ раздѣлу совершенно безучастно, и присутствіе волостного старшины едва ли можетъ оказать какую-либо пользу. Какъ къ средству, устраняющему, хотя косвеннымъ образомъ, накопленіе недоимокъ, всѣ участвующіе въ сходѣ будутъ, по большей части, относиться равнодушно, сознавая, что мѣры, закономъ установленныя къ взысканію недоимокъ, до-

статочно обезпечиваютъ исправность платежей, и если недоимки накопляются, то, какъ извѣстно, значительная часть ихъ, происходитъ отъ безпорядочности взысканія повинностей. Что касается самаго раздѣла, то не только въ селеніяхъ съ подворнымъ надѣломъ, но и тамъ, гдѣ владѣніе общинное, сходъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ признаетъ этотъ вопросъ совершенно незатрогивающимъ его интересы. Такимъ образомъ, все дѣло на сходѣ очутится въ рукахъ волостного писаря, принадлежащаго, по большей части, къ разряду людей самыхъ неблагонадежныхъ въ сельскомъ быту. Крестьянамъ, производящимъ раздѣлъ, придется склонять этого писаря къ согласію на раздѣлъ всѣми возможными мѣрами; отъ него будетъ зависѣть притѣснить семью и отказомъ въ утвержденіи раздѣла поставить ее въ безвыходное положеніе невозможной семейной жизни, предъ которою сама нищета покажется блаженствомъ. Участіе же сельскаго схода будетъ выражаться требованіемъ угощенія за его трудъ въ дѣлѣ, вовсе его не интересующемъ. Предполагается возложить наблюденіе за дѣйствіями сходовъ на уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, но такая мѣра не можетъ привести ни къ какимъ практическимъ результатамъ, кромѣ умноженія переписки, такъ какъ разсмотрѣніе по существу вопроса о семейномъ раздѣлѣ, въ связи съ оцѣнкою дѣйствительной необходимости для извѣстной семьи дѣлиться, совершенно недоступно членамъ уѣздныхъ присутствій и мировыхъ съѣздовъ и потому оно значительно затруднитъ дѣятельность этихъ установленій, не достигая желаемыхъ результатовъ,

Не находя возможнымъ согласиться съ главными основаніями и съ практическою стороною предложенныхъ гр. Толстымъ мѣръ къ ограниченію крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, тайн. сов. Галаганъ признавалъ, однако, необходимымъ положить нѣкоторый предѣлъ самовольнымъ поступкамъ при семейныхъ раздѣлахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ нарушаются главныя основы семейнаго быта. Неправильнымъ примѣненіемъ пункта 5 статьи 51 общаго положенія родительская власть въ крестьянскомъ быту бываетъ сильно подрываема, такъ какъ сельскій сходъ принимаетъ иногда къ разсмотрѣнію требованія сыновей о раздѣлѣ имущества при жизни отца и, утверждая такой раздѣлъ, совершенно отстраняетъ законную власть родительскую. Мѣры къ возстановленію и поддержанію родительской власти въ крестьянскомъ быту представляются необходимыми и своевременными въ нравственномъ отношеніи, причемъ и экономическая сторона будетъ удовлетворена настолько, насколько это можетъ быть достигнуто при соблюденіи строгихъ предѣловъ закона.

Весьма полезно было бы, по мнѣнію Галагана, для общаго вразумленія сельскаго населенія, издать особое постановленіе, въ силу котораго на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, отецъ, при жизни своей, признавался бы полнымъ владѣльцемъ и распорядите-

лемъ своего имущества, двора и полевого надѣла (за исключеніемъ передѣловъ при общинномъ владѣніи), съ тѣмъ притомъ, чтобы никакой семейный раздѣлъ не могъ быть допущенъ, если о томъ не заявлено самимъ отцомъ семейства. Но, сознавая всю необходимость возвратить силу власти родительской, тайн. сов. Галаганъ не находилъ возможнымъ согласиться на распространеніе ея на всякаго старшаго члена семейства (старшаго брата, дядю и т. п), такъ какъ повиновеніе всей семьи старшему въ родѣ, не отцу, есть дѣло или добровольнаго согласія членовъ семейства, или силы патріархальнаго обычая, доколѣ послѣдній самъ собою не исчезнетъ изъ народнаго быта. Наконецъ, по предположенію Галагана, всякіе семейные раздѣлы, при отсутствіи полнаго взаимнаго согласія сторонъ, должны быть предоставлены разбору волостного или третейскаго суда, по желанію самихъ заинтересованныхъ сторонъ, причемъ дѣла эти должны поступать на разсмотрѣніе суда непосредственно, а не по предварительному постановленію сельскаго схода.

Съ своей стороны, государственный совѣтъ, отдавая полную справедливость заботамъ министра внутреннихъ дѣлъ, направленнымъ къ предотвращенію семейныхъ раздѣловъ, совершающимся безъ основательныхъ къ тому поводовъ и сопровождающихся при этомъ крайнимъ дробленіемъ земельныхъ надѣловъ, призналъ, однако, что собранныя тѣмъ министерствомъ цифровыя данныя о суммѣ раздѣловъ, состоявшихся въ продолженіе двадцати лѣтъ, непосредственно слѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, едва ли могутъ служить твердымъ основаніемъ для вывода, что обнаруживающееся въ средѣ сельскаго нашего состоянія стремленіе къ образованію новыхъ семействъ сохраняетъ и понынѣ характеръ явленія чрезвычайнаго. По мнѣнію государственнаго совѣта, предварительно окончательнаго разрѣшенія возбужденнаго гр. Толстымъ вопроса, необходимо имѣть въ виду свѣдѣнія о числѣ семейныхъ раздѣловъ, состоявшихся въ теченіе послѣдняго пятилѣтія. Данныя эти, бывъ распредѣлены по годамъ, откроютъ возможность судить съ достаточною основательностью о томъ, достигли ли семейные раздѣлы въ крестьянской средѣ такого развитія, при которомъ дальнѣйшее сохраненіе нынѣшняго порядка совершенія оныхъ можетъ сопровождаться вредными для народнаго благосостоянія послѣдствіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ обратилъ вниманіе на то, что на практикѣ нерѣдко встрѣчаются случаи выдѣла сыновей при жизни отца и вопреки волѣ послѣдняго, чѣмъ существенно нарушается родительская власть.

Такіе выдѣлы производятся по постановленіямъ сельскихъ сходовъ или рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, причемъ домогательства желающихъ выйти изъ состава семьи сыновей о предоставленіи имъ части изъ отцовскаго имущества находятъ себѣ опору въ преподанномъ въ

нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ правительствующаго сената разъясненіи о томъ, что принадлежащее крестьянской семьѣ имущество составляетъ не исключительную собственность отца, но общее достояніе всѣхъ ея членовъ.

Признавая, и съ своей стороны, весь вредъ такого порядка вещей, государственный совѣтъ находилъ, однако, что упомянутые случаи не имѣютъ ничего общаго съ раздѣломъ, подъ которымъ разумѣется распредѣленіе имущества, оставшагося послѣ смерти главы семейства, между его наслѣдниками.

«Лежащій въ основаніи указанныхъ выдѣловъ взглядъ, по мнѣнію государственнаго совѣта, не согласуется съ постановленіями нашихъ гражданскихъ законовъ объ имущественныхъ правахъ родителей и не находитъ себѣ оправданія также и въ изданныхъ для сельскаго состоянія особыхъ узаконеніяхъ, которыми не установлено для крестьянъ никакихъ, въ этомъ отношеніи, изъятій изъ общихъ правилъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ принятіе крестьянскими учрежденіями или судебными мѣстами къ своему разсмотрѣнію ходатайствъ сыновей о выдѣлѣ имъ части изъ имущества находящагося въ живыхъ родителя и удовлетвореніе подобныхъ притязаній, колебля основы семейнаго союза и подрывая значеніе родительской власти, не могутъ не производить крайне вреднаго воздѣйствія на нравственность въ крестьянской средѣ. Вслѣдствіе этого, государственный совѣтъ призналъ цѣлесообразнымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе вопроса о томъ, не представляется ли надобности въ немедленномъ разъясненіи законодательнымъ порядкомъ подлежащихъ узаконеній въ томъ смыслѣ, что у крестьянъ, подобно тому, какъ и у лицъ прочихъ сословій, выдѣлъ изъ имущества, состоящаго во владѣніи отца, можетъ производиться не иначе, какъ съ его согласія.

Въ исполненіе порученія государственнаго совѣта, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было предложено губернаторамъ доставить точныя данныя о числѣ раздѣловъ съ 1 января 1874 г. по 1 января 1884 г., за каждый годъ отдѣльно, съ распредѣленіемъ по различнымъ разрядамъ крестьянъ, а также о числѣ крестьянскихъ семей въ 1884 г., сравнительно съ 1874 г. Если бы въ распоряженіи губернаторовъ оказались данныя, хотя бы по нѣкоторымъ уѣздамъ, о распредѣленіи семей по числу имѣющихся въ нихъ работниковъ, то и эти данныя надлежало доставить министерству.

Засимъ въ октябрѣ 1885 года гр. Толстой вошелъ съ новымъ представленіемъ въ государственный совѣтъ о мѣрахъ къ ограниченію крестьянскихъ раздѣловъ, въ которомъ высказаны были нижеслѣдующія главнѣйшія соображенія.

По свѣдѣніямъ губернаторовъ, число семейныхъ раздѣловъ въ 43 губерніяхъ, по изданіи новаго устава воинской повинности, упало съ 147,642 раздѣловъ, бывшихъ въ 1874 году, на 123,418, произве-

денныхъ въ 1875 г.; продержавшись на сравнительно низкомъ уровнѣ еще въ 1876 и 1877 гг., оно съ 1879 года вернулось къ прежнему размѣру 146,087, послѣ чего, постоянно превышая эту цифру, въ 1883 г. поднялось до 154,133. Среднее число раздѣловъ, производившихся ежегодно, за періодъ съ 1874 по 1884 годъ, равнялось 140,355, тогда какъ среднее ежегодное число раздѣловъ за время съ 1861 по 1882 г. достигло всего 116,229.

Такимъ образомъ, число раздѣловъ за послѣдніе годы не только не уменьшилось противъ ихъ числа за первое время послѣ реформы, но, напротивъ того, постоянно увеличивалось. Свѣдѣнія о распространеніи раздѣловъ по различнымъ разрядамъ сельскихъ обывателей, а именно: крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, крестьянъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ и крестьянъ всѣхъ прочихъ наименованій удостовѣряютъ, что общіе выводы, сдѣланные выше относительно всего состава крестьянскаго населенія, въ полной мѣрѣ относятся и къ отдѣльнымъ его частямъ, и что различныя условія, въ которыхъ эти части находились до крестьянской реформы, вовсе не вліяютъ на отношеніе ихъ къ дѣлу семейныхъ раздѣловъ. Тотъ же выводъ подтверждаютъ и свѣдѣнія объ общемъ измѣненіи числа семей по различнымъ разрядамъ крестьянъ за разсматриваемый періодъ времени по 22 губерніямъ: процентное увеличеніе числа семей за десятилѣтіе 1874—1884 гг. у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляло 20,7%, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и удѣльныхъ—20,6% и у прочихъ разрядовъ 21,1%, т. е. возрастаніе числа семействъ почти одинаково для всѣхъ разрядовъ. Наконецъ по 37 губерніямъ, по которымъ губернаторами доставлены были свѣдѣнія, число семей, вовсе не имѣвшихъ взрослыхъ рабочихъ мужскаго пола или имѣвшихъ одного, достигало 52,4%.

Въ виду вышеизложенныхъ статистическихъ данныхъ, гр. Толстой считалъ излишнимъ останавливаться долѣе на доказательствахъ какъ того, что количество производящихся крестьянскихъ раздѣловъ остается чрезмѣрнымъ, такъ и вреда, который семейные раздѣлы причиняютъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьянскому благосостоянію. Остается, однако, вопросъ, не обусловливается ли самое увеличеніе числа раздѣловъ такими причинами, которыя исключаютъ на дѣлѣ возможность противодѣйствія раздѣламъ изъ опасенія, чтобы послѣдствія такого противодѣйствія не принесли болѣе вреда, чѣмъ самые раздѣлы. Вопросъ этотъ разрѣшается гр. Толстымъ отрицательно.

Изъ числа указанныхъ причинъ особенное вниманіе обращаютъ на себя семейные раздоры и ссоры. Несогласія и вражда, по отзывамъ губернаторовъ, составляютъ преобладающую причину семейныхъ раздѣловъ во всѣхъ случаяхъ, когда они не оправдываются естественными требованіями жизни, какъ-то: чрезмѣрнымъ увеличеніемъ семьи,

обращеніемъ отдѣльныхъ членовъ семьи къ занятіямъ, вызывающимъ постоянную отлучку изъ селенія и т. п.,—и не подлежитъ сомнѣнію, что воспрещеніе раздѣла, потребность въ которомъ является послѣдствіемъ семейнаго раздора, можетъ отразиться иногда на семьѣ чрезвычайно тяжело. Но указанное затрудненіе, по мнѣнію гр. Толстого, имѣетъ на дѣлѣ гораздо менѣе значенія, чѣмъ это можно предположить.

Несогласія и раздоры являются, въ большинствѣ случаевъ, проявленіемъ общаго упадка дисциплины среди крестьянскаго населенія, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо ограниченій для развивающагося въ послѣднее время духа своеволія и распущенности. Сознаніе невозможности по произволу выйти изъ состава семьи неминуемо повліяетъ въ смыслѣ уменьшенія числа самыхъ ссоръ и раздоровъ, а потому то обстоятельство, что раздѣлы обусловливаются преимущественно семейными раздорами, не только не указываетъ на невозможность принятія мѣръ противъ нихъ, но, напротивъ того, должно служить особенно вѣскимъ доводомъ въ пользу такихъ мѣръ. Затѣмъ, само собою разумѣется, существованіе иногда причинъ, при которыхъ раздѣлы дѣйствительно являются настоятельно необходимыми, не можетъ подлежать сомнѣнію, но обстоятельство это, не исключая принятія мѣръ противъ неосновательныхъ раздѣловъ, можетъ указывать лишь на необходимость, при установленіи такихъ мѣръ, имѣть въ виду и эту сторону дѣла.

Становясь на указанную точку зрѣнія, гр. Толстой полагаетъ, что проектированныя имъ мѣры къ ограниченію крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ „не представляютъ собою никакого нововведенія по существу, такъ какъ онѣ сводятся, собственно, къ установленію гарантій въ исполненіи правила, уже существующаго въ настоящее время и заключающагося въ подчиненіи раздѣловъ контролю сельскихъ сходовъ. Вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ отнесенъ къ вѣдѣнію сельскаго схода, какъ прямо выражено редакціонными коммисіями, въ видахъ предоставленія крестьянамъ возможности „упрочить за собою матеріальное обезпеченіе“ и, слѣдовательно, сходу, по мысли законодателя, не только предоставлялось право охраны его собственныхъ интересовъ, связанныхъ съ круговою порукою и рекрутскою повинностью, но напротивъ того, на него прямо возлагалась обязанность опеки надъ его членами, въ интересахъ этихъ послѣднихъ. „При такихъ условіяхъ,—замѣчаетъ гр. Толстой,—проектированныя мною правила не только не шли бы въ разрѣзъ съ существующимъ законодательствомъ, а напротивъ, отклоненіе, въ видахъ огражденія личности крестьянина, мѣръ, имѣющихъ цѣлью обезпечить исполненіе существующаго закона, представляло бы фактическую отмѣну этого послѣдняго, которая, конечно, могла бы имѣть мѣсто въ томъ только случаѣ, если бы было установлено, что крестьяне своимъ образомъ

дѣйствій послѣ реформы сдѣлали излишними тѣ мѣры предосторожности, которыя признавались необходимыми въ то время; утверждать же, чтобъ это было такъ — едва ли возможно".

Засимъ по поводу порученія государственнаго совѣта войти въ обсужденіе вопроса о томъ, не встрѣчается ли надобности въ законодательномъ разъясненіи того, что въ крестьянскомъ сословіи, при жизни отца, выдѣлъ изъ принадлежащаго послѣднему имущества можетъ производиться не иначе, какъ съ согласія родителей,—гр. Толстой представилъ нижеслѣдующія объясненія.

Противоположеніе въ настоящемъ вопросѣ отца семьи старшему члену (большаку) было бы отрицаніемъ той своеобразной, присущей великорусской народности, формы семьи, которая у насъ, какъ въ разное время и у другихъ народовъ, сложилась подъ вліяніемъ историческихъ и бытовыхъ условій. Раздѣлы семьи, вопреки согласію отца или большака, представляются явленіемъ одного порядка и требуютъ принятія противъ нихъ одинаковыхъ мѣръ, не распространяя на эти отношенія понятій, сложившихся въ другихъ общественныхъ слояхъ. Не отрицая, что эти послѣднія понятія замѣтно начинаютъ проникать и въ крестьянскую среду, министръ внутреннихъ дѣлъ допустилъ въ своемъ проектѣ правилъ нѣкоторыя облегченія для случаевъ раздѣла семей противъ воли большаковъ, когда они сами являются виновными въ расточительности и безнравственномъ поведеніи.

Вопросу о возстановленіи родительской власти среди крестьянъ министръ придавалъ особо важное значеніе, такъ какъ водвореніе вновь въ крестьянской семьѣ правильныхъ отношеній было бы однимъ изъ наиболѣе мощныхъ средствъ къ возвращенію въ этой семьѣ порядка и связаннаго съ нимъ экономическаго и нравственнаго благосостоянія. Къ сожалѣнію, сдѣланныя замѣчанія о необходимости возстановленія родительской власти не сопровождались указаніями на тѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты для достиженія этой цѣли, за исключеніемъ мѣръ въ сферѣ имущественной. Оставаясь въ этихъ предѣлахъ, министръ, съ своей стороны, полагаетъ, что признаніе отца крестьянской семьи полнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ имущества двора и полевого надѣла семьи едва ли отвѣчаетъ условіямъ крестьянской жизни и относящимся до крестьянъ законодательнымъ постановленіямъ. По общему духу законодательства, имущественныя права крестьянъ подчинены установившимся среди нихъ обычнымъ воззрѣніямъ, а по этимъ воззрѣніямъ имущество двора является не личною собственностью домохозяина, а достояніемъ всей семьи, въ образованіи имущества участвовавшей, каковой взглядъ выразился въ установленіи крайне разнообразныхъ обычаевъ по отношенію къ пользованію и распоряженію такимъ имуществомъ.

Что же касается двора и надѣла, то правительствующимъ сена-

томъ категорически разъяснено [1]), что надѣлъ есть достояніе семьи, а не домохозяина. Такое разъясненіе, по мнѣнію министра, вполнѣ согласно съ закономъ, отвѣчаетъ и требованіямъ жизни, а также цѣли законодателя при надѣленіи крестьянъ, и если бы отступленіе отъ него и было возможно, то едва ли оно могло бы болѣе служить указанной тайнымъ совѣтникомъ Галаганомъ цѣли, чѣмъ простое воспрещеніе раздѣловъ безъ согласія родителя, такъ какъ подчиненіе родительской власти для крестьянина будетъ одинаково необходимо въ обоихъ случаяхъ.

Съ своей стороны, гр. Толстой полагаетъ, что хотя выдѣлы сыновей при жизни родителей и рѣзко отличаются по существу отъ раздѣловъ послѣ смерти отцовъ семей, но выраженіе „выдѣлъ", какъ техническое обозначеніе связаннаго съ нимъ понятія, хотя и существуетъ въ гражданскихъ законахъ, но въ принятую законодательствомъ терминологію не вошло и законы о крестьянахъ признаютъ лишь одно понятіе „семейные раздѣлы", подъ которое можно подвести и, въ дѣйствительности, въ жизни всегда подводятся и выдѣлы. Затѣмъ правило, обсужденіе котораго поручено государственнымъ совѣтомъ министру внутреннихъ дѣлъ, разрѣшается, по мнѣнію гр. Толстого, пунктомъ *а* статьи 3 его законопроекта, по смыслу котораго семейные раздѣлы разрѣшаются не иначе, какъ съ согласія родителя или старшаго члена семейства.

Приступивъ къ новому разсмотрѣнію предположеній министра внутреннихъ дѣлъ, государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи, нашелъ, что собранныя статистическія данныя о семейныхъ раздѣлахъ въ періодъ съ 1874 по 1884 г. ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что „стремленіе къ раздробленію хозяйствъ, возникшее въ средѣ сельскаго населенія послѣ предоставленія ему правъ свободныхъ гражданъ Имперіи, не только продолжаетъ донынѣ сохранять свою силу, но получило въ послѣдніе годы еще большее напряженіе. Въ виду этого и сознавая невознаградимый вредъ, который дальнѣйшее безпрепятственное развитіе этого явленія можетъ причинить крестьянскому хозяйству, а въ связи съ тѣмъ и экономическому благосостоянію государства", соединенное присутствіе государственнаго совѣта вполнѣ присоединилось къ мысли гр. Толстого о необходимости немедленнаго установленія такого порядка семейныхъ раздѣловъ, который противодѣйствовалъ бы дробленію крестьянскихъ хозяйствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не оправдывается дѣйствительною потребностью жизни.

Обратившись къ разсмотрѣнію намѣченныхъ гр. Толстымъ съ

---

[1]) Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правит. сената за 1881 г. № 161 (дѣло Василія Заботина).

означенною цѣлью постановленій, соединенные департаменты сочли нужнымъ предварительно разрѣшить слѣдующіе два общіе вопроса:

Надлежитъ ли предлагаемый порядокъ семейныхъ раздѣловъ распространить на все сельское населеніе, каковы бы ни были условія его землевладѣнія? — и долженъ ли онъ соблюдаться при всѣхъ случаяхъ распредѣленія между членами крестьянской земли принадлежащаго ей имущества, или же предписываемыя ограниченія слѣдуетъ примѣнять лишь тогда, когда раздробленію подвергаются существенныя части крестьянскаго хозяйства?

Согласно предположеніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, правила о порядкѣ семейныхъ раздѣловъ должны быть одинаково обязательными какъ для крестьянъ, земельный надѣлъ которыхъ состоитъ въ общинномъ ихъ пользованіи, такъ равно и для тѣхъ обществъ, въ которыхъ существуетъ подворное владѣніе надѣльною землею. Съ такою постановкою вопроса соединенные департаменты затруднились согласиться въ виду нижеслѣдующихъ соображеній. Та или другая изъ упомянутыхъ формъ землевладѣнія, вызывая совершенно различныя отношенія крестьянъ къ главному предмету ихъ хозяйства — землѣ, не можетъ оставаться безъ вліянія на степень ихъ самостоятельности въ имущественныхъ распоряженіяхъ. Конечно, пока сохраняетъ силу правило о круговой порукѣ, сельское общество заинтересовано въ состоятельности своихъ членовъ какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ пользованіи землею. Но въ первомъ случаѣ связь между матеріальными выгодами общества и хозяйственными пользами отдѣльныхъ его членовъ несравненно живѣе и тѣснѣе, нежели во второмъ. При общинномъ владѣніи землею общество несетъ непосредственную отвѣтственность за исправное отбываніе принадлежащими къ его составу домохозяевами не только казенныхъ податей, земскихъ и мірскихъ повинностей, но также выкупныхъ платежей. Между тѣмъ, при подворномъ владѣніи, круговое другъ за друга ручательство членовъ общества вовсе не распространяется на исправный взносъ выкупныхъ платежей. Отсюда становится очевиднымъ, что привлеченіе цѣлаго общества къ уплатѣ повинностей, не выполненныхъ его членами, можетъ встрѣчаться болѣе и менѣе часто только у крестьянъ, пользующихся полевыми угодьями на общинномъ правѣ, и, наоборотъ, у сельскихъ обывателей, владѣющихъ своими участками наслѣдственно. круговая порука должна примѣняться на практикѣ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Затѣмъ, при общинной формѣ владѣнія, собственникомъ полученной въ надѣлъ полевой земли состоитъ общество, а отдѣльныя крестьянскія семьи пользуются отводимыми имъ участками лишь временно, впредь до новаго передѣла.

Въ качествѣ владѣльца, охранителя и распорядителя мірской земли общество должно заботиться, чтобы распредѣленныя между его членами угодья получали хорошую обработку и, слѣдовательно

*

въ правѣ не допускать какъ такого раздробленія участковъ, при которомъ невозможно правильное веденіе на нихъ хозяйства, такъ равно и перехода ихъ къ лицамъ, не обладающимъ нужными для удовлетворительнаго ихъ воздѣлыванія средствами. Въ противоположность сему, тамъ, гдѣ полевая земля распредѣлена подворно, отведенные крестьянскимъ семьямъ земельные участки составляютъ ихъ собственность, которою они распоряжаются по своему усмотрѣнію, безъ вмѣшательства общества. Законъ дозволяетъ каждому домохозяину, при жизни, передать принадлежащую ему землю ближайшему наслѣднику или пріемышу, а на случай смерти владѣльца постановляетъ, что земельный его надѣлъ переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку [1]). При этомъ ни передача полевыхъ угодій при жизни хозяина, ни распредѣленіе остающейся послѣ его смерти недвижимости между наслѣдниками умершаго собственника не ставится въ зависимость отъ согласія общества и это послѣднее пріобрѣтаетъ право распоряженія подворнымъ участкомъ лишь въ случаѣ выхода владѣющаго имъ семейства изъ общества, или неимѣнія наслѣдниковъ у умершаго домохозяина [2]). Отсюда, по мнѣнію соединеннаго присутствія, явствуетъ, что подчиненіе предположеннымъ правиламъ семейныхъ раздѣловъ въ средѣ крестьянъ, владѣющихъ полевыми угодьями наслѣдственно, составило бы прямое ограниченіе тѣхъ правъ на самостоятельное распоряженіе своимъ достояніемъ, которыя дарованы означенному разряду сельскихъ обывателей законоположеніями 19 февраля 1861 г. и, вслѣдствіе долговременнаго пользованія такою полноправностью, успѣли твердо укорениться въ народномъ сознаніи. Колебать послѣднее теперь, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ съ того времени, когда оно получило свое начало, едва ли удобно.

Наконецъ, чрезмѣрное дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ, къ предупрежденію котораго направленъ проектъ гр. Толстого, ограничивается у крестьянъ, получившихъ поземельное устройство на основаніи малороссійскаго положенія, содержащимся въ немъ правиломъ о томъ, что подворные полевые участки не могутъ, при переходахъ по наслѣдству, быть раздѣляемы на части, меньшія половины установленнаго для той мѣстности высшаго размѣра пѣшаго участка [3]). Такимъ образомъ, въ той части Россіи, гдѣ преобладаетъ подворная форма землевладѣнія, измельчанію крестьянской поземельной собственности поставлены уже твердые предѣлы дѣйствующимъ законодательствомъ. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ, соединенное присутствіе признало неудобнымъ распространить правила относительно

[1]) Полож. великор., ст. 110; полож. малоросс., ст. 93, 94 и 95.
[2]) Полож. великор., ст. 111 и 117; полож. малоросс., ст. 97.
[3]) Полож. малор., ст. 96.

порядка разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ на крестьянскія общества, надѣлъ которыхъ распредѣленъ между ихъ членами на подворные наслѣдственные участки.

По вопросу о родѣ имуществъ, распредѣленіе которыхъ между членами крестьянской семьи должно подчиниться контролю общественной власти, въ проектѣ гр. Толстого не содержалось вполнѣ точныхъ указаній. Между тѣмъ, по мнѣнію соединеннаго присутствія, представляется полезнымъ оградить сельскихъ обывателей отъ всякихъ излишнихъ стѣсненій въ области ихъ имущественныхъ правъ и для сего съ точностью опредѣлить, какое именно крестьянское достояніе подлежитъ распредѣленію между членами семьи съ вѣдома и одобренія схода. При отграниченіи такого рода предметовъ отъ прочаго имущества, принадлежащаго лицамъ сельскаго состоянія, руководящимъ началомъ должна служить цѣль, положенная въ основу правилъ о семейныхъ раздѣлахъ и состоящая въ недопущеніи образованія новыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, недостаточно обезпеченныхъ въ своей состоятельности. Главнымъ источникомъ, изъ котораго сельское населеніе почерпаетъ средства къ своему существованію, а также къ отбыванію лежащихъ на немъ повинностей, служатъ полученныя имъ въ надѣлъ земли, причемъ степень обезпеченности крестьянскихъ хозяйствъ обыкновенно находится въ прямой зависимости отъ качества и количества состоящихъ въ ихъ владѣніи угодій. Соотвѣтственно этому наблюденіе сходовъ должно, прежде всего, касаться распредѣленія между частями семьи отведеннаго ей надѣла. Затѣмъ изъ того, что правильная обработка послѣдняго немыслима безъ необходимыхъ въ сельскомъ быту строеній, земледѣльческихъ орудій и рабочаго скота, естественно вытекаетъ обязанность схода, предварительно разрѣшенія раздѣла, обсудить, достаточно ли каждая изъ вновь образующихся хозяйственныхъ единицъ будетъ обезпечена усадьбами и всѣми нужными для успѣшнаго веденія хозяйства предметами, и не допускать дробленія семействъ, не удовлетворяющихъ этому условію. Надзоромъ за распредѣленіемъ указанныхъ важнѣйшихъ родовъ крестьянскаго имущества должна исчерпываться, по мнѣнію соединеннаго присутствія, дѣятельность сходовъ по разрѣшенію семейныхъ раздѣловъ. Простирать далѣе вмѣшательство общественной власти въ имущественныя распоряженія крестьянъ, подчиняя ея вѣдѣнію случаи, когда не происходитъ полнаго раздробленія семьи на самостоятельныя единицы, но раздѣлу между ея членами подвергается лишь семейное достояніе, не составляющее существенной принадлежности крестьянскаго хозяйства (какъ, напр., деньги, носильное платье и тому подобныя вещи), или же распредѣляются земельныя угодья, пріобрѣтенныя ею въ личную собственность инымъ, кромѣ надѣленія, способомъ,—не представляется достаточно основаній. Такая мѣра явилась бы прямымъ ограниченіемъ имущественныхъ правъ, принадлежащихъ сельскому насе-

ленію въ силу дѣйствующихъ узаконеній [1]). Въ виду такихъ соображеній, надлежитъ, по мнѣнію соединеннаго присутствія, постановить, что устанавливаемый порядокъ разрѣшенія раздѣловъ долженъ примѣняться въ тѣхъ только случаяхъ, когда между членами семьи распредѣляются полученные ею въ надѣлъ земли, вслѣдствіе чего возникаютъ новыя самостоятельныя хозяйства, а также, — что, дозволяя раздѣлъ, подлежащая власть опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что именно должно поступить на долю каждой новой единицы изъ отведеннаго дѣлящейся семьѣ полевого надѣла, равно какъ изъ принадлежащихъ ей усадебной земли, построекъ, скота, земледѣльческихъ орудій и другихъ необходимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ предметовъ.

Перейдя къ частностямъ обсуждаемаго законопроекта, соединенные департаменты остановились, между прочимъ, на слѣдующихъ замѣчаніяхъ.

По поводу предоставленія сельскимъ сходамъ рѣшающей власти въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ, департаменты приняли на видъ, что дѣла эти отнесены уже къ вѣдѣнію сельскихъ сходовъ и дѣйствующимъ закономъ [2]); издаваемыя же правила имѣютъ своею задачею лишь точнѣе опредѣлить условія и порядокъ, съ соблюденіемъ которыхъ дозволяется совершеніе сихъ дѣйствій. Затѣмъ, въ случаѣ признанія, что сельскіе сходы, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, не представляютъ никакихъ ручательствъ правильнаго разрѣшенія дѣлъ о семейныхъ раздѣлахъ, могло бы возникнуть сомнѣніе, не слѣдуетъ ли изъять ихъ изъ вѣдѣнія названныхъ собраній и ввѣрить какому-либо иному правительственному или общественному учрежденію. Такой исходъ, по мнѣнію соединеннаго присутствія, едва ли желателенъ. Сельскіе сходы, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, являются въ отношеніи семейныхъ раздѣловъ единственно пригоднымъ органомъ. Для правильнаго разрѣшенія сихъ вопросовъ необходимо всестороннее знакомство съ матеріальнымъ положеніемъ участниковъ раздѣла, личными ихъ свойствами и нуждами, мѣстными хозяйственными условіями, источниками заработковъ и тому подобными данными, которыя могутъ быть надлежащимъ образомъ изслѣдованы и оцѣнены только односельцами. Поэтому всякое иное учрежденіе, которому было бы поручено разсмотрѣніе ходатайствъ о дозволеніи семейныхъ раздѣловъ, даже при вполнѣ добросовѣстномъ отношеніи къ этой обязанности, неизбѣжно впадало бы въ ошибки и несправедливости гораздо чаще, нежели сельскіе сходы. Кромѣ того, при существованіи круговой поруки, образованіе хозяйствъ, не представляющихъ ручательствъ своей состоятельности, всегда грозитъ прочимъ членамъ общества

---

[1]) Общее пол. о кр., ст. 31—37.

[2]) Общ. пол., ст. 51 п. 5.

опасностью быть привлеченными къ уплатѣ повинностей, которыя не будутъ внесены новымъ домохозяиномъ. Въ виду этого должно надѣяться, что сельскіе сходы, побуждаемые собственнымъ интересомъ образующихъ ихъ лицъ, станутъ дѣйствовать по вопросамъ о раздѣлахъ съ большимъ тщаніемъ и осторожностью, нежели въ другихъ случаяхъ.

Считая, вмѣстѣ съ тѣмъ, недостаточнымъ возлагать на сходъ только наблюденіе за имущественною состоятельностью желающихъ раздѣлиться семей, какъ это предположено было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, соединенные департаменты, съ своей стороны, признали необходимымъ предоставить ему болѣе широкую власть, поручивъ вникать также въ основательность существующихъ къ раздѣлу поводовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Засимъ требованіе для разрѣшенія раздѣла согласія двухъ третей крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, составитъ, по мнѣнію соединеннаго присутствія, весьма важное обезпеченіе осмотрительнаго допущенія раздѣловъ.

Для предупрежденія самовольныхъ раздѣловъ министерство внутреннихъ дѣлъ предлагало ввести въ законъ нижеслѣдующія постановленія: а) что раздѣлившіяся безъ разрѣшенія схода семьи продолжаютъ, по отбыванію повинностей, почитаться за одну семью и несутъ круговую другъ за друга отвѣтственность; б) что сходъ можетъ отобрать у такой семьи часть угодій или даже весь ея полевой надѣлъ, и в) что лица, самовольно вышедшія изъ состава семьи, лишаются права на какую-либо долю изъ принадлежащаго ей имущества.

Сообразивъ эти предположенія, соединенные департаменты нашли, что первая изъ приведенныхъ мѣръ вполнѣ согласуется съ существующимъ порядкомъ отбыванія крестьянскимъ населеніемъ лежащихъ на немъ повинностей и той цѣли, съ которою производство семейныхъ раздѣловъ подчиняется разрѣшенію сельскихъ сходовъ. Разверстаніе внутри сельскихъ обществъ податей и другихъ сборовъ производится по семействамъ, причемъ члены каждой семьи, пользуясь совмѣстно ея надѣломъ, обязаны общими силами выполнять всѣ наложенные на семью платежи. Отъ этой обязанности они могутъ освободиться только путемъ раздѣла семьи на отдѣльныя самостоятельныя хозяйства. Но такъ какъ для этого, по закону, требуется согласіе сельскаго схода, то самовольные раздѣлы, очевидно, не могутъ имѣть для общества никакого обязательнаго значенія, и крестьянинъ, выдѣлившійся безъ дозволенія схода, долженъ нести отвѣтственность въ исправномъ отбываніи всѣхъ повинностей, причитающихся съ того семейства, къ составу котораго онъ принадлежалъ. Не встрѣтивъ поэтому препятствій къ установленію подобнаго правила, соединенные департаменты затруднились, однако, одобрить двѣ другія, предположенныя гр. Толстымъ, мѣры.

Постановленіе о томъ, что самовольный выдѣлъ изъ состава семьи влечетъ потерю права на какую-либо долю семейнаго достоя-

нія, было бы, по мнѣнію соединеннаго присутствія, равносильно лишенію полноправнаго лица извѣстныхъ имущественныхъ правъ, которое, по кореннымъ началамъ нашего законодательства, является послѣдствіемъ только тяжкихъ преступленій и опредѣляется не иначе, какъ по суду. Что же касается предоставленія сходамъ права отбирать надѣлы у самовольно раздѣляющихся семей, то, не говоря уже о тѣхъ злоупотребленіяхъ, къ которымъ могло бы открыть доступъ подобное право, оно, по мнѣнію департаментовъ, является излишнимъ. Если самовольный раздѣлъ не привелъ къ образованію несостоятельныхъ и неисправныхъ къ отбыванію повинностей семействъ, то наложеніе столь тяжкой кары за нарушеніе, не имѣвшее вредныхъ послѣдствій, было бы несправедливымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда самовольный раздѣлъ повлекъ возникновеніе семействъ, не способныхъ самостоятельно вести хозяйство и пополнять числящіеся платежи, — общество и по дѣйствующему закону имѣетъ право, при безуспѣшности мѣръ ко взысканію накопившейся недоимки, отобрать часть отведенныхъ крестьянину-недоимщику полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ [1]).

Заключеніе соединенныхъ департаментовъ по проекту правилъ о порядкѣ разрѣшенія крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ было одобрено и общимъ собраніемъ государственнаго совѣта, состоявшимся 3 марта 1886 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ общее собраніе сдѣлало существенное добавленіе къ означеннымъ правиламъ относительно порядка обжалованія рѣшеній, постановляемыхъ уѣздными присутствіями, мировыми посредниками и ихъ съѣздами. Государственный совѣтъ принялъ, именно, во вниманіе, что, согласно положенію о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, опредѣленія уѣздныхъ присутствій, мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ подлежатъ обжалованію губернскимъ присутствіямъ, а рѣшенія этихъ послѣднихъ—правительствующему сенату [2]). За отсутствіемъ въ разсматриваемыхъ правилахъ особаго по этому предмету постановленія, приведенный порядокъ обжалованія примѣнялся бы также къ рѣшеніямъ, постановляемымъ по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ, — что едва ли, по мнѣнію государственнаго совѣта, можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Не говоря уже о томъ, что, при такомъ порядкѣ, окончательное утвержденіе семейнаго раздѣла затягивалось бы иногда на весьма продолжительное время въ ущербъ интересамъ дѣлящейся семьи, надлежитъ имѣть въ виду, что правильное рѣшеніе подобнаго рода дѣлъ возможно только при самомъ близкомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями сельскаго быта и обстоятельствами, вызывающими

---

[1]) Общ. пол., ст. 188, п. 6.

[2]) Положеніе о крест. учрежд., ст.ст. 106, 126, 132 примѣч. 1 и прилож., по продолж. 1883 года.

потребность раздѣла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, причемъ должна быть принимаема въ соображеніе не только матеріальная, но и нравственная сторона вопроса. Между тѣмъ, очевидно, ни губернское присутствіе, ни, тѣмъ менѣе, правительствующій сенатъ не въ состояніи располагать означенными свѣдѣніями и, слѣдовательно, учрежденія эти лишены были бы возможности вполнѣ сознательно отнестись къ предмету подлежащей ихъ разсмотрѣнію жалобы. Кромѣ того, открытіе столь широкаго простора принесенію жалобъ по такого рода дѣламъ, которыя имѣютъ характеръ преимущественно семейный, привело бы къ вторженію патентованной и частной адвокатуры въ домашній бытъ крестьянъ, чего необходимо всемѣрно избѣгать. Руководствуясь изложенными соображеніями, государственный совѣтъ призналъ полезнымъ принять правиломъ, что рѣшенія уѣздныхъ присутствій и мировыхъ посредниковъ по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ почитаются окончательными.

Мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею, 18 марта 1886 года удостоилось Высочайшаго утвержденія [1]).

---

[1]) Правила о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ, составившія собою примѣчаніе къ пункту 5 статьи 51 общаго положенія о крестьянахъ, заключаются въ слѣдующемъ.

1. Семейство, желающее раздѣлиться на самостоятельныя хозяйства, обязано заявить о томъ сельскому сходу и указать при этомъ какъ подлежащее раздѣлу имущество (ст. 5, п. *а*), такъ и справедливые способы распредѣленія его между предположенными къ образованію новыми хозяйствами.

2. По такому заявленію сходъ, прежде всего, удостовѣряется въ томъ, послѣдовало ли на испрашиваемый раздѣлъ согласіе родителя или старшаго члена семьи и, при отсутствіи упомянутаго согласія, приступаетъ къ обсужденію заявленія о раздѣлѣ только тогда, когда поводомъ къ тому служатъ расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина.

3. При разсмотрѣніи заявленій о раздѣлахъ сходъ обсуждаетъ: а) существуетъ ли основательный поводъ къ раздѣленію семьи; б) способны ли образующіяся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства; в) достаточны ли принадлежащіе имъ усадебные участки для устройства на нихъ усадебъ съ соблюденіемъ требованій строительнаго устава, а въ случаѣ неимѣнія такихъ участковъ—представляется ли возможнымъ отвести имъ изъ мірской усадебной или полевой земли и г) будетъ ли, въ случаѣ допущенія раздѣла, обезпечено исправное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ окладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканіямъ.

4. Если, при разсмотрѣніи дѣла, окажется, что предположенный раздѣлъ не удовлетворяетъ указаннымъ въ статьѣ 3 условіямъ, то сходъ отказываетъ въ дозволеніи онаго.

5. Разрѣшая раздѣлъ, сходъ: а) распредѣляетъ между членами дѣлящейся семьи отведенный ей полевой надѣлъ и утверждаетъ, по надлежащемъ исправленіи, заявленныя ему предположенія о томъ, что именно долженъ получить каждый участникъ раздѣла изъ принадлежащихъ семьѣ: усадебнаго участка, строеній и того движимаго имущества, которое составляетъ необходимую принадлежность крестьян-

Вслѣдъ за изданіемъ правилъ о порядкѣ совершенія крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, министерство внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ отъ 4 апрѣля 1886 г., за № 4, обратило „особенное вниманіе“ губернаторовъ „на необходимость тщательнаго наблюденія за примѣненіемъ вновь обнародованнаго закона, который, нужно надѣяться, при внимательномъ отношеніи подлежащихъ учрежденій и должностныхъ лицъ, не замедлитъ обнаружить самое благотворное вліяніе на улучшеніе нравственныхъ и матеріальныхъ условій сельской жизни“. При этомъ гр. Толстой выражалъ „полную надежду“, что законъ 18 марта 1886 г. „встрѣтитъ на мѣстахъ исполнителей, способныхъ оцѣнить важное его значеніе для интересовъ ввѣреннаго ихъ попеченію крестьянскаго населенія и оправдаетъ тѣ ожиданія, которыя на нихъ возлагаются правительствомъ.

Въ видахъ „правильнаго уразумѣнія“ учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ, „новаго и чрезвычайно важнаго закона“, циркуляръ

скаго хозяйства (какъ то: земледѣльческія орудія, скотъ и т. п.); б) производить раскладку между вновь образующимися хозяйствами лежащихъ на семьѣ податей, повинностей и другихъ казенныхъ взысканій, а также числящихся на нихъ недоимокъ, и в) въ случаѣ недостаточности принадлежащаго дѣлящейся семьѣ усадебнаго участка для возведенія необходимыхъ усадебныхъ построекъ (ст. 3, п. *в*), отводитъ такой участокъ изъ свободныхъ мірскихъ земель.

6. Сельскій сходъ не вмѣшивается въ распредѣленіе между членами семействъ другихъ, кромѣ указанныхъ въ ст. 5, движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, какъ то: усадебныхъ, полевыхъ и иныхъ земель, пріобрѣтенныхъ въ собственность другими, кромѣ надѣленія, способами, а также въ раздѣлѣ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства (ст. 5, п. *а*).

7. Для разрѣшенія семейнаго раздѣла требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сельскомъ сходѣ (общ. пол. о кр., ст. 47).

8. Семейный раздѣлъ, хотя бы онъ послѣдовалъ съ разрѣшенія схода, не предоставляетъ участвующимъ въ семъ раздѣлѣ лицамъ никакихъ новыхъ правъ по исполненію воинской повинности. Семейство, раздѣлившееся безъ разрѣшенія сельскаго схода, почитается, въ отношеніи къ отбыванію податей и повинностей, а также по платежу другихъ казенныхъ взысканій, — за одну семью, причемъ всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполненіе сихъ обязанностей.

9. Приговоры сельскихъ сходовъ, постановленные по заявленіямъ о семейныхъ раздѣлахъ, на которые не было изъявлено согласіе родителями (ст. 2), почитаются окончательными въ томъ лишь случаѣ, когда сходъ отказалъ въ разрѣшеніи раздѣла, соотвѣтственно желанію родителя. Въ противномъ случаѣ, а также когда несогласіе на раздѣлъ послѣдовало со стороны старшаго члена семьи (заступающаго мѣсто родителя), недовольные рѣшеніемъ схода могутъ, въ теченіе четырнадцати дней, считая съ постановленія приговора, принести жалобу уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, а гдѣ оно не учреждено, — мировому посреднику, которыми жалоба сія разсматривается по существу. Принесеніе жалобы останавливаетъ исполненіе приговора о допущеніи раздѣла. Рѣшенія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и мировыхъ посредниковъ по симъ дѣламъ признаются окончательными.

4 апрѣля 1886 г. содержитъ въ себѣ рядъ руководящихъ указаній о примѣненіи на практикѣ правилъ о порядкѣ совершенія семейныхъ раздѣловъ. Указанія эти направлены къ тому, чтобы, по возможности, ограничить случаи разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ. Между прочимъ, министерство внутреннихъ дѣлъ настаивало на томъ, чтобы сельскимъ сходамъ обязательно разъяснялось о ихъ правѣ въ отношеніи самовольно раздѣлившихся семействъ примѣнять мѣры воздѣйствія, указанныя въ п. 2 ст. 51 и п. 6 ст. 188 общ. пол., т. е. устранять такихъ членовъ отъ участія въ сходахъ и отбирать у нихъ надѣлы, въ случаѣ неисправнаго платежа податей и отправленія повинностей.

Такое указаніе несомнѣнно шло гораздо далѣе самаго закона 18 марта 1886 г., по точному смыслу котораго отвѣтственность членовъ самовольно раздѣлившагося семейства ограничивалась послѣдствіями, изложенными во второй части статьи 8, т. е. въ отношеніи къ отбыванію податей и повинностей всѣ части раздѣлившагося семейства признавались за одну семью и несли общую отвѣтственность.

Призывъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ содѣйствію мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій въ дѣлѣ ограниченія крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ не остался, конечно, безъ послѣдствій. Въ соотвѣтствіи съ циркуляромъ 4 апрѣля 1886 г., уѣздными присутствіями, подъ наблюденіемъ губернскихъ присутствій, изданы были особыя инструкціи сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ, а равно и членамъ уѣздныхъ присутствій о порядкѣ совершенія семейныхъ раздѣловъ. Въ одной изъ такихъ инструкцій предписывалось обязательное водвореніе самовольно раздѣлившихся въ одинъ дворъ и уголовное ихъ наказаніе волостнымъ судомъ.

II.

Въ программѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, переданной на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, образованныхъ для пересмотра законодательства о крестьянахъ, семейнымъ раздѣламъ отведено видное мѣсто. Имъ посвящены тридцать первый и тридцать второй вопросы, изъ которыхъ первый относится до семейныхъ раздѣловъ при общинномъ, а второй — при подворно-наслѣдственномъ пользованіи надѣльною землею.

При разработкѣ свѣдѣній о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, также какъ и въ отношеніи данныхъ по другимъ отдѣламъ программы министерства внутреннихъ дѣлъ, губернскія совѣщанія весьма неодинаково отнеслись къ своей задачѣ. Одни изъ нихъ ограничились совершенно формальною отпискою и оставили безъ разсмотрѣнія многія существенныя стороны вопроса; другія съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ изученію семейныхъ раздѣловъ и предста-

вили болѣе или менѣе обстоятельно обоснованные отвѣты и заключенія. За весьма ничтожными исключеніями, отзывы губернскихъ совѣщаній страдаютъ крайнею неполнотою и даже полнымъ отсутствіемъ статистическаго матеріала, вслѣдствіе чего предположенныя совѣщаніями поправки къ закону 18 марта 1886 года имѣютъ совершенно отвлеченный характеръ.

Указанные существенные недостатки собраннаго губернскими совѣщаніями матеріала о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ должны быть поставлены въ вину, главнымъ образомъ, составителямъ программы, переданной на обсужденіе тѣхъ совѣщаній. Программа эта, въ части, которая относится до семейныхъ раздѣловъ (вопросы 31 и 32), прежде всего, страдаетъ односторонностью: она стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что законъ 18 марта 1886 года не только долженъ сохранить свое дѣйствіе на будущее время, съ тѣми или другими поправками и дополненіями, но что имѣется въ виду распространеніе этого закона, въ основныхъ его началахъ, даже на семейные раздѣлы при подворно-наслѣдственномъ пользованіи землею. Такая односторонность министерской программы не могла, конечно, не повліять и на общее направленіе работъ губернскихъ совѣщаній. Весьма неудовлетворительно, далѣе, изложены отдѣльныя составныя части вопросовъ тридцать перваго и тридцать второго. Губернскимъ совѣщаніямъ, напр., предложено было высказаться о томъ, оказалъ ли законъ 18 марта 1886 г. „замѣтное вліяніе“ на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ, а между тѣмъ они не обязаны были разобраться въ томъ положительномъ матеріалѣ, заключающемся въ мірскихъ приговорахъ и въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, который только и могъ дать устойчивую почву для правильнаго заключенія о вліяніи закона 18 марта 1886 года. При такихъ условіяхъ, отзывы губернскихъ присутствій относительно результатовъ примѣненія правилъ о порядкѣ совершенія семейныхъ раздѣловъ или голословны, или основаны на статистическихъ данныхъ, которыя, по своей отрывочности, неразработанности и огульному характеру, едва ли заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Далѣе, существенныя особенности закона 18 марта 1886 г.— согласіе на раздѣлъ родителя или старшаго члена семьи, роль сельскаго схода и порядокъ обжалованія рѣшеній о семейномъ раздѣлѣ— въ программѣ не были выдѣлены въ особые вопросы и, такимъ образомъ, губернскія совѣщанія, въ своей оцѣнкѣ означеннаго закона, могли ограничиться лишь общими выраженіями. Наконецъ, — что въ особенности важно,—министерская программа совершенно игнорируетъ бытовую сторону семейныхъ раздѣловъ, а равно практику въ этомъ отношеніи сельскихъ сходовъ, волостныхъ судовъ и крестьянскихъ учрежденій, а между тѣмъ такого рода матеріалъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ коммисіи по преобразованію волостныхъ су-

довъ, представляется особенно цѣннымъ и поучительнымъ, такъ какъ въ немъ отражаются факты дѣйствительной жизни.

Несмотря на указанные весьма существенные недостатки, заключенія губернскихъ совѣщаній по вопросу о семейныхъ раздѣлахъ и о законѣ 18 марта 1886 г. не лишены, однако, извѣстнаго значенія. Въ основу этихъ заключеній, прежде всего, положены взгляды учрежденій и должностныхъ лицъ, завѣдующихъ крестьянскимъ дѣломъ на мѣстахъ и, слѣдовательно, имѣющихъ полную возможность проводить эти взгляды въ самую глубь народной жизни; а во-вторыхъ, эти же заключенія служатъ новымъ и притомъ весьма яркимъ доказательствомъ того неприглянаго положенія, въ которое поставлено наше сельское населеніе въ области семейныхъ и имущественныхъ правоотношеній.

Относительно вліянія, оказаннаго закономъ 18 марта 1886 года на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ въ крестьянской средѣ, губернскими совѣщаніями представлены нижеслѣдующія объясненія.

Въ раіонѣ сѣверныхъ приозерныхъ губерній законъ 18 марта 1886 г. не оказалъ замѣтнаго вліянія на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ. Стремленіе къ этимъ раздѣламъ слѣдуетъ признать явленіемъ въ крестьянской средѣ всеобщимъ и настолько развившимся, что несмотря на установленныя тѣмъ закономъ ограниченія въ правахъ общественныхъ и земельныхъ, а равно по отношенію къ платежу казенныхъ повинностей для членовъ самовольно раздѣлившейся семьи, несмотря также на принимаемыя подлежащею властью мѣры воздѣйствія къ предупрежденію раздѣловъ, слишкомъ частыхъ, — члены самовольно раздѣлившейся семьи предпочитаютъ тѣмъ не менѣе жить отдѣльно и нести всѣ послѣдствія подобнаго раздѣла. По отзыву новгородскаго губернскаго совѣщанія, съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, благодаря контролю этихъ должностныхъ лицъ, раздѣлы замѣтно, будто бы, упорядочились, въ смыслѣ болѣе справедливаго распредѣленія имуществъ.

Законъ 18 марта 1886 г. самъ по себѣ не оказалъ замѣтнаго вліянія на число семейныхъ раздѣловъ въ крестьянскомъ населеніи сѣверныхъ лѣсныхъ губерній; въ вятской губерніи количество такихъ раздѣловъ стало нѣсколько меньшимъ лишь со времени введенія института земскихъ начальниковъ. Стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ повсемѣстно не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается. Отказы въ допущеніи раздѣловъ или въ признаніи уже совершившихся не достигаютъ своей цѣли, не приводятъ къ тому, чтобы крестьянская семья оставалась въ экономическомъ единеніи не только формально, но и на самомъ дѣлѣ. Самовольные раздѣлы учащаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ на практикѣ возникаютъ серьезныя затрудненія: самовольно раздѣлившіяся семьи принимаются за одну платежную единицу и за ними не признается самостоятельнаго права на землю,

а соединить ихъ вновь въ одну общую семью не представляется никакой возможности. Да и сами крестьяне, дѣлящіеся самовольно, почти всегда терпятъ громадный ущербъ при такомъ недружелюбномъ раздѣлѣ общаго имущества. По дѣйствующему закону сходъ имѣетъ право разрѣшить семейный раздѣлъ лишь при согласіи родителя или старшаго члена семьи; въ противномъ случаѣ раздѣлъ не можетъ состояться на законномъ основаніи. Между тѣмъ очень часто случается, что старшій членъ семьи, сознавая всю неизбѣжность раздѣла въ виду постоянныхъ семейныхъ неурядицъ и ссоръ, не изъявляетъ, однако, согласія на раздѣлъ. Тогда сторона, желающая отдѣлиться, уходитъ изъ общаго дома и отъ старшаго члена семьи зависитъ дать самовольно отдѣлившимся что-либо изъ общаго нераздѣленнаго имущества, или совершенно отказать въ выдѣлѣ таковаго. Положеніе подобныхъ семей, по отзыву вологодскаго губернскаго совѣщанія, ужасное: жить совмѣстно немыслимо, а законнаго раздѣла получить нельзя.

Губернскія совѣщанія приуральскаго раіона не одинаково оцѣниваютъ значеніе закона 18 марта 1886 г. По мнѣнію оренбургскаго совѣщанія, означенный законъ не оказалъ вліянія на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ и если численность таковыхъ въ нѣкоторые годы, судя по отчетамъ, была меньше, то объясняется это посторонними обстоятельствами, а отнюдь не вліяніемъ закона 18 марта 1886 г. Самовольныхъ раздѣловъ, несмотря на всѣ существующія ограниченія, совершается въ 20 разъ болѣе, нежели въ силу закона: разница эта, въ дѣйствительности, еще значительнѣе, если принять во вниманіе неточность регистраціи раздѣловъ. Въ пермской губерніи законъ 18 марта 1886 г. хотя и не имѣлъ особеннаго вліянія на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ, однако нѣсколько упорядочилъ эту весьма важную сторону крестьянскаго быта. До изданія этого закона семейные раздѣлы совершались почти безпрепятсвтенно, безъ всякаго вмѣшательства схода и нерѣдко вслѣдствіе самыхъ ничтожныхъ поводовъ. Поэтому отдѣляющіеся или отдѣляемые члены семействъ не всегда обезпечивались должнымъ образомъ и лишь пополняли собою ряды сельскаго пролетаріата. Въ настоящее время, хотя правила 18 марта 1886 г. постоянно нарушаются, тѣмъ не менѣе сходъ, по собственному побужденію или по приказанію начальства, опредѣляетъ, что должно быть выдѣлено вновь образующемуся домохозяйству. До изданія закона о семейныхъ раздѣлахъ, послѣдніе производились нерѣдко съ цѣлью увеличенія земельнаго надѣла, находящагося въ пользованіи двора, или въ видахъ того, чтобы получить новую усадьбу. Въ настоящее время уже не допускается раздѣловъ, которые вызывались бы указанными причинами. Тѣмъ не менѣе семейные раздѣлы, вопреки согласія старшаго члена семьи, производятся почти столь же часто, какъ и ранѣе. Наконецъ, уфимское губернское совѣщаніе, не приводя никакихъ фактическихъ данныхъ, ограничивается замѣчаніемъ, что

законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ „вообще приноситъ желаемые результаты, а съ введенiемъ земскихъ начальниковъ вполнѣ можетъ достигнуть своего назначенiя“.

Въ средне-приволжскихъ губернiяхъ законъ 18 марта 1886 г. остался мертвою буквою и никакого существеннаго влiянiя на упорядоченiе семейныхъ раздѣловъ не имѣлъ. Примѣненiе его не вызываетъ затрудненiй, но общества не пользуются предоставленною имъ властью, относятся совершенно безучастно къ семейнымъ раздѣламъ; кромѣ того, для мѣстныхъ властей борьба съ стремленiемъ крестьянъ къ раздѣламъ подъ давленiемъ разнообразныхъ, нерѣдко сложныхъ бытовыхъ условiй, сопряжена съ большими затрудненiями. Въ какой мѣрѣ законъ 18 марта 1886 г. мало привился къ жизни и вызываетъ постоянные обходы его, видно изъ нижеслѣдующихъ статистическихъ данныхъ. Въ казанской губернiи число самовольныхъ раздѣловъ постоянно возрастаетъ, достигая нерѣдко громадныхъ размѣровъ. Такъ, напр., по третьему земскому участку спасскаго уѣзда за послѣднiя пять лѣтъ (1890—1894 гг.) изъ 341 случая раздѣловъ было только 11, совершенныхъ на основанiи закона. Въ симбирской губернiи въ 1893 и 1894 гг. совершено раздѣловъ: по правиламъ закона 18 марта 1886 г. — 1,172 и самовольныхъ — 1,778 [1]). Наконецъ, въ самарской губернiи, по ставропольскому уѣзду почти 80% семейныхъ раздѣловъ и послѣ изданiя закона совершались домашнимъ образомъ, безъ вѣдома сходовъ и безъ всякаго соблюденiя требованiй закона. Въ бузулукскомъ уѣздѣ отношенiе законныхъ раздѣловъ къ незаконнымъ не менѣе характерно. Такъ, за трехлѣтiе 1892—1894 гг. въ павловской волости было 7 законныхъ раздѣловъ и 58 самовольныхъ; въ виловатовской волости—1 и 45, въ максимовской—3 и 65, въ утевской—ни одного законнаго раздѣла и 50 самовольныхъ. Такимъ образомъ, изъ общаго числа семейныхъ раздѣловъ 5% приходится на долю законныхъ и 95%—на долю самовольныхъ.

Въ раiонѣ черноземныхъ степныхъ губернiй законъ 18 марта 1886 г. не имѣлъ замѣтнаго влiянiя на сокращенiе семейныхъ раздѣловъ и на ихъ упорядоченiе.

По земско-статистическимъ даннымъ, въ 12 уѣздахъ воронежской губернiи раздѣлилось за пятилѣтiе съ 1890 по 1894 гг. 51,386 семей или 16,2% общаго ихъ числа; за пятилѣтiе 1885 — 1889 гг.— 54,496 семей или 17,3% и за десятилѣтiе 1875 — 1884 гг. — 70,404 се-

---

[1]) Со времени введенiя въ симбирской губернiи уставныхъ грамотъ число домохозяевъ въ селенiяхъ увеличилось, въ среднемъ, на 45% и, слѣдовательно, почти въ той же пропорцiи измельчали земельные участки. При этомъ домохозяева съ однимъ душевымъ надѣломъ, хозяйственное положенiе которыхъ, по свидѣтельству земскихъ начальниковъ, представляется, большею частью, неудовлетворительнымъ, составляютъ 0% общаго числа домохозяевъ.

мей или 22,3%. Такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ (1875—1894 гг.) раздѣлилось 55,8% общаго числа крестьянскихъ семей.

Всѣ губернскія совѣщанія черноземныхъ степныхъ губерній признаютъ законъ 18 марта, въ основѣ своей, правильнымъ и цѣлесообразнымъ и если, тѣмъ не менѣе, даже при наличности усиленнаго административнаго надзора, семейные раздѣлы производились не на почвѣ указаннаго закона, а самовольно, превратившись какъ бы въ стихійное явленіе, то для этого были свои особыя причины. Саратовское совѣщаніе находитъ, что законъ о семейныхъ раздѣлахъ не соотвѣтствовалъ измѣнившимся съ 1861 г. условіямъ быта сельскаго населенія. По мнѣнію воронежскаго совѣщанія, „насиліе при несогласіи къ совмѣстной жизни, при грубости нравовъ и особенно при умаленіи чувствъ уваженія къ старшимъ и послушанія родительской власти, порождаетъ нерѣдко преступленія и ведетъ къ разстройству хозяйства, а ранѣе вызываетъ семейные раздѣлы; поэтому нѣтъ выгоды и цѣли заставлять жить совмѣстно членовъ семьи, рѣшившихъ раздѣлиться, тѣмъ болѣе, что въ законѣ не установлено никакой уголовной отвѣтственности за самовольные раздѣлы, что могло бы служить хоть нѣкоторой ихъ задержкой“. Признавая законъ о семейныхъ раздѣлахъ „благодѣтельнымъ“, такъ какъ цѣль его—улучшеніе крестьянскаго хозяйства и прекращеніе въ этихъ видахъ слишкомъ сильнаго дробленія земли, воронежское совѣщаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, что законъ этотъ можетъ получить дѣйствительное примѣненіе въ жизни только въ томъ случаѣ, если членамъ семьи, поставленнымъ въ совершенную невозможность продолжать совмѣстное хозяйство, „будутъ облегчены способы переселенія на свободныя земли“, Наконецъ, съ точки зрѣнія тамбовскаго совѣщанія, „едва ли не главною причиною семейныхъ раздѣловъ слѣдуетъ признать упадокъ авторитета старшаго въ семьѣ, по большей части, оказывающагося не въ силахъ умиротворить ссорящихся и ненавидящихъ другъ друга членовъ семьи“.

Губернскія совѣщанія центральнаго промышленнаго раіона весьма неодинаково оцѣниваютъ значеніе закона 18 марта 1886 года. Нижегородское, тверское и ярославское совѣщанія находятъ, что этотъ законъ не оказалъ никакого вліянія на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ; по собранныхъ свѣдѣніямъ, въ тверской напр., губерніи, число дворовъ за послѣднія 20 лѣтъ увеличилось на 30—40%. По мнѣнію ярославскаго совѣщанія, „выгодныя послѣдствія закона о семейныхъ раздѣлахъ обнаруживаются лишь для сельскихъ старостъ, которымъ легче собрать подати, такъ какъ отдѣлившіеся неоффиціально члены семьи одинаково со всей семьей отвѣчаютъ за исправный платежъ податей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлы происходятъ на основаніи закона, съ разрѣшенія схода, экономическая цѣль, имѣвшаяся въ виду при установленіи этого закона, не до-

стигается, такъ какъ общество почти не пользуется своимъ правомъ не разрѣшать раздѣла, въ соображеніяхъ о недостаточной платежной способности раздѣляющихся частей семьи". Костромское губернское совѣщаніе, съ своей стороны, полагаетъ, что законъ 18 марта 1886 г., въ общемъ, оказалъ „весьма мало вліянія" на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ. Самовольные раздѣлы совершаются повсюду. Причинами таковыхъ являются большею частью не экономическіе разсчеты, а семейные раздоры, возникающіе, обыкновенно, между женщинами—женами сыновей и ихъ свекровьями и золовками. Иногда, при подобныхъ условіяхъ, совмѣстная жизнь становится совершенно немыслимой и въ такихъ случаяхъ, если старшій членъ семьи на раздѣлъ не соглашается, младшій уходитъ изъ дома самовольно. Онъ строится или на семейномъ участкѣ, если общество отказываетъ ему въ отводѣ земли подъ дворину, нарушая нерѣдко правила строительнаго устава, или на полевыхъ угодіяхъ. Всѣ эти случаи ведутъ къ многочисленнымъ тяжбамъ. Если нигдѣ не представляется возможнымъ устроить самостоятельное хозяйство, то отдѣлившіеся младшіе члены семьи уходятъ съ женами на фабрики. Все это отражается неблагопріятно на крестьянскомъ хозяйствѣ. Существованіе отхожихъ промысловъ вообще способствуетъ умноженію самовольныхъ раздѣловъ. Вліяніе закона о семейныхъ раздѣлахъ выразилось сильнѣе въ тѣхъ волостяхъ костромской губерніи, въ которыхъ самовольно отдѣлившіеся члены семьи не получаютъ усадебныхъ участковъ или надѣловъ. Владимірское совѣщаніе ограничивается голословнымъ заявленіемъ, что хотя законъ 18 марта 1886 г. „и оказалъ вліяніе на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ, но тѣмъ не менѣе и теперь бываютъ самовольные раздѣлы". Наконецъ, калужское совѣщаніе находитъ, что законъ 18 марта 1886 г. „до нѣкоторой степени упорядочилъ семейные раздѣлы, прекративъ въ этомъ дѣлѣ самовольство". Такой же взглядъ высказывается и смоленскимъ совѣщаніемъ, по мнѣнію котораго, единственное полезное значеніе означеннаго закона заключалось лишь въ нѣкоторомъ упорядоченіи раздѣловъ, такъ какъ, не будучи въ состояніи предотвратить раздѣлы самовольные, онъ далъ основаніе сторонамъ, дѣлящимся по правиламъ, требовать дѣятельнаго участія схода въ ихъ дѣлѣ, а слѣдовательно гарантировалъ въ извѣстной степени равномѣрное распредѣленіе имущества между дѣлящимися сторонами и далъ имъ въ руки письменное доказательство правъ каждой изъ нихъ, признанныхъ сходомъ — судьей этихъ дѣлъ.

Ярославское совѣщаніе усматриваетъ значительное неудобство въ томъ, что окружные суды утверждаютъ духовныя завѣщанія крестьянъ о раздѣлѣ между наслѣдниками хозяйственнаго имущества. Этимъ путемъ на самомъ дѣлѣ обходится законъ о семейныхъ раздѣлахъ, такъ какъ духовныя завѣщанія, по утвержденіи, принимаются къ исполненію независимо отъ того, удовлетворяетъ ли раздѣлъ

требованіямъ закона 18 марта 1886 года или нѣтъ. По мнѣнію ярославскаго совѣщанія, слѣдовало бы постановить, чтобы духовныя завѣщанія крестьянъ въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются крестьянскаго хозяйственнаго обзаведенія, не утверждались окружными судами, а передавались для утвержденія въ волостной судъ.

Согласно отзывамъ губернскихъ совѣщаній центральнаго черноземнаго раіона, законъ 18 марта 1886 г. замѣтнаго вліянія на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ и на улучшеніе экономическаго быта не оказалъ, хотя и нѣсколько способствовалъ мѣстами упорядоченію раздѣловъ. Статистическія данныя по орловской губерніи доказываютъ, что число семейныхъ раздѣловъ обусловлено, въ большинствѣ случаевъ, естественнымъ приростомъ крестьянскаго населенія. Въ 1892 г. всѣхъ крестьянъ въ орловской губерніи числилось 1.843,925 обоего пола душъ при 218,743 чел. домохозяевъ, изъ чего слѣдуетъ, что па каждую семью въ среднемъ выводѣ приходится по 8 человѣкъ. Приростъ сельскаго населенія за 1892 и 1893 гг. равняется 45,405 обоего пола душъ, а потому, считая по 8 человѣкъ на семью, семейныхъ раздѣловъ за это время должно бы произойти 5,675, въ дѣйствительности же ихъ произошло только 3,161, причемъ въ 1892 году, при приростѣ въ 13,280 человѣкъ, семейныхъ раздѣловъ было 602 разрѣшенныхъ и 1,187 самовольныхъ, а въ 1893 году, при приростѣ въ 32,125 чел., семейныхъ раздѣловъ разрѣшенныхъ было 478, а самовольныхъ 894; изъ чего слѣдуетъ, что въ неурожайный и холерный 1892 годъ число семейныхъ раздѣловъ было почти вдвое болѣе, сравнительно съ годомъ урожайнымъ.

Цифры эти, по мнѣнію орловскаго совѣщанія, доказываютъ ясно, что самый приростъ населенія болѣе чѣмъ достаточенъ для объясненія причинъ семейныхъ раздѣловъ; что экономическія бѣдствія не уменьшаютъ, а скорѣе увеличиваютъ число этихъ раздѣловъ и что никакія ограниченія не въ силахъ удержать крестьянское населеніе отъ самовольныхъ раздѣловъ.

По рязанской губерніи въ 1887 году было всѣхъ семейныхъ раздѣловъ 1,224, а въ 1894 году—1,861; число самовольныхъ раздѣловъ осталось за тѣ же годы безъ измѣненія: въ 1887—801 и въ 1894—784. Прогрессивное увеличеніе числа семейныхъ раздѣловъ, наблюдаемое и при сравненіи промежуточныхъ годовъ, между первымъ и послѣднимъ, должно быть объяснено стремленіемъ крестьянъ къ раздѣламъ.

Курское и тульское совѣщанія статистическихъ данныхъ о семейныхъ раздѣлахъ не приводятъ. По мнѣнію курскаго совѣщанія, воспрепятствовать совершенію самовольныхъ раздѣловъ очень трудно; въ качествѣ единственной мѣры, сколько-нибудь осуществимой на практикѣ, совѣщаніе рекомендуетъ воспрещеніе самовольно отдѣлившемуся члену возводить новыя постройки на усадебной землѣ, при-

надлежащей семейству. Съ своей стороны, тульское совѣщаніе, хотя не отрицаетъ крайне вреднаго вліянія неосновательныхъ семейныхъ раздѣловъ на экономическое положеніе крестьянъ, не можетъ не признать, однако, и трудности борьбы съ стремленіемъ крестьянскихъ семействъ къ дробленію на мелкія хозяйства, такъ какъ стремленіе это, во многихъ случаяхъ, обусловливается нравственными отношеніями и раздорами между членами семьи, причемъ раздѣлы совершаются чаще среди семействъ бѣдныхъ, чѣмъ въ дворахъ, матеріально обезпеченныхъ. Между прочимъ члены семьи, возвращающіеся изъ военной службы отчужденными отъ прежнихъ условій быта крестьянскаго двора, являются весьма часто иниціаторами раздѣла семьи.

Въ раіонѣ новороссійскихъ губерній законъ 18 марта 1886 г. не оказалъ вліянія на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ, частью вовсе не примѣнялся (въ бессарабской губерніи). Въ екатеринославской губерніи семейные раздѣлы совершаются при дѣйствіи означеннаго закона также часто, какъ и прежде. Контроль по этому предмету, лежавшій прежде на обязанности губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, не усилился и со введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Причиной такого явленія, по отзыву мѣстнаго совѣщанія, слѣдуетъ считать необходимость и неизбѣжность семейныхъ раздѣловъ крестьянской жизни. Въ херсонской губерніи, „свойственное русскому народу семейное начало", по которому старшій членъ семьи, вмѣстѣ работающій, есть глава ея, безъ согласія и разрѣшенія котораго ничего въ семьѣ не совершается, сохранилось лишь въ немногихъ великорусскихъ селеніяхъ. У малороссовъ же, болгаръ, нѣмцевъ указанное начало „никогда не было крѣпко" и какъ только членъ семьи женится, такъ по большей части немедленно, безъ всякаго согласія міра, выдѣляется изъ семьи и обращается къ міру только въ случаѣ возникновенія спора изъ за имущества. По мнѣнію бессарабскаго совѣщанія, законъ 18 марта 1886 г. относится исключительно къ тѣмъ сельскимъ обществамъ, въ которыхъ существуетъ общинное, а не подворное владѣніе, а потому лишь въ бендерскомъ и аккерманскомъ уѣздахъ могло наблюдаться его примѣненіе и вліяніе. Однако, огромное большинство земскихъ начальниковъ этихъ уѣздовъ удостовѣряетъ, что семейные раздѣлы совершаются по мѣстнымъ обычаямъ, безъ вѣдома схода, который очень мало заинтересованъ этимъ чисто домашнимъ дѣломъ. Къ сходу обращаются большею частью не за разрѣшеніемъ раздѣла, а съ просьбой дать усадебной земли для вновь выдѣлившейся семьи и сходы часто удовлетворяютъ эти ходатайства, не отказывая иногда даже въ назначеніи полевыхъ надѣловъ.

Семейный раздѣлъ—полагаетъ бессарабское совѣщаніе—есть неизбѣжное послѣдствіе естественнаго прироста населенія. Разъ въ семьѣ подростаютъ дѣти, совершаются браки и являются молодые хозяева—возникаетъ распря, преимущественно между женщинами, переходящая,

мало по малу въ открытую вражду, вызывающцую стремленіе къ разделу. Никакія запрещенія или ограниченія закона дѣлу не помогутъ, тѣмъ болѣе, что среди поселянъ бессарабской губерніи глубоко укоренился обычай раздѣла при бракахъ сыновей.

Изъ юго-восточнаго района свѣдѣнія имѣются только по астраханской губерніи, гдѣ законъ 18 марта 1886 г., по отзыву мѣстнаго губернскаго совѣщанія, несомнѣнно оказалъ вліяніе на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ, но, несмотря на постоянное наблюденіе за исполненіемъ этого закона, самовольные раздѣлы все-таки существуютъ въ довольно значительномъ количествѣ и, вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, нѣтъ возможности избѣжать ихъ.

Изъ числа губерній малороссійскаго раіона, въ черниговской законъ о семейныхъ раздѣлахъ примѣняется „въ незначительной степени", а въ полтавской онъ вовсе не примѣняется; по отзыву полтавскаго губернскаго совѣщанія, примѣненіе его здѣсь на практикѣ „встрѣтило бы крупное затрудненіе, лежащее въ противорѣчіи его съ народнымъ воззрѣніемъ на семейный бытъ".

Въ раіонѣ юго-западныхъ губерній семейные раздѣлы являются слѣдствіемъ стремленія мѣстнаго населенія къ веденію самостоятельнаго хозяйства при образованіи отдѣльной семьи; причины этого стремленія ясно выражены въ поговоркѣ: „гуртове-чертове". Послѣдствіемъ семейныхъ раздѣловъ является постоянное дробленіе земельныхъ участковъ на мелкія части, до ½ десятины и менѣе, при которомъ о благосостояніи семьи, о платежной способности ея или о веденіи возможно правильнаго хозяйства, конечно, не можетъ быть рѣчи. При такихъ условіяхъ обѣдненіе цѣлой округи, въ лицѣ отдѣльныхъ ея членовъ, неизбѣжно. Тѣмъ не менѣе, при склонности малороссійскаго племени къ индивидуализаціи семейнаго и хозяйственнаго быта, законъ, изданный съ цѣлью искорененія семейныхъ раздѣловъ, по мнѣнію мѣстныхъ губернскихъ совѣщаній, всегда будетъ обойденъ на практикѣ негласными раздѣлами. Дѣйствительно, законъ 18 марта 1886 г. здѣсь вовсе не примѣняется, а ст. 167 пол. вык. постоянно нарушается то судомъ, то еще чаще домашними раздѣлами, не поддающимися никакому контролю.

Долговременнымъ опытомъ дознано, что главными причинами семейныхъ раздѣловъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ служатъ ссоры и недоразумѣнія между членами семьи. Начинаясь въ большинствѣ случаевъ, какъ оказывается, между женщинами, ссоры эти переходятъ къ ихъ мужьямъ и, наконецъ, оканчиваются тѣмъ, что совмѣстная жизнь становится рѣшительно невыносимой: семейный раздѣлъ представляется лишь единственнымъ средствомъ для возстановленія мира и спокойствія. Раздѣлы, вслѣдствіе приведенныхъ причинъ, происходятъ чаще всего послѣ смерти главы семейства между женатыми братьями и бываютъ случаи, что и глава семейства, т. е. отецъ, же-

лая избѣжать постоянныхъ домашнихъ ссоръ, самъ отдѣляетъ женатыхъ сыновей, оставаясь съ неженатыми.

За указанной причиной, порождающей самое большое число семейныхъ раздѣловъ, второе мѣсто занимаетъ многосемейность одного изъ братьевъ, при другихъ неженатыхъ или бездѣтныхъ, причемъ послѣдніе, считая свой трудъ на чужихъ дѣтей какъ бы лишнимъ и непроизводительнымъ, стараются всегда сами добровольно выдѣлять подобныя многолюдныя семьи, обезпечивая ихъ при этомъ всѣмъ необходимымъ для начатія самостоятельнаго хозяйства и даже помогая, въ первое время, личнымъ трудомъ къ устройству онаго. Подобнаго рода раздѣлы признаются мѣстнымъ населеніемъ всегда уважительными и даже законными; они находятъ себѣ защиту и поддержку какъ на сельскихъ сходахъ, такъ и въ волостномъ судѣ. Затѣмъ, значительное число семейныхъ раздѣловъ происходитъ отъ весьма естественнаго стремленія нѣкоторыхъ членовъ семейства къ самостоятельной жизни и хозяйству, какъ къ будущему обезпеченію себя и своей ближайшей семьи. Подобное стремленіе къ раздѣламъ, даже при сознательной потерѣ, на первое время, нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ, въ особенности проявляется при существованіи въ семействахъ членовъ съ испорченною нравственностью, предающихся пьянству и поведеніе которыхъ, вообще, не заслуживаетъ одобренія. Въ подобныхъ случаяхъ семейные раздѣлы служатъ, съ одной стороны, какъ бы единственнымъ средствомъ избавиться отъ нерадивыхъ членовъ и грозящаго хозяйству разоренія, а съ другой,—исправительными мѣрами для этихъ членовъ, нерѣдко оказывающимися дѣйствительными. Наконецъ, не малое число семейныхъ раздѣловъ происходитъ по добровольному и ничѣмъ не вынужденному согласію всѣхъ членовъ, вслѣдствіе полнаго и сознательнаго убѣжденія въ необходимости таковыхъ какъ для поддержанія экономическаго благосостоянія, такъ равно и постояннаго согласія и родственныхъ мирныхъ отношеній.

Перечислить всѣ многочисленныя причины, порождающія семейные раздѣлы крестьянъ, едва ли возможно. Они являются лишь послѣдствіемъ присущаго всему бѣлорусскому населенію сознанія, что каждый крестьянинъ неминуемо долженъ имѣть землю и что существованіе его безъ земли представляется совершенно ненормальнымъ.

Семейный раздѣлъ въ мѣстностяхъ съ подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ сводится, въ сущности, къ раздѣлу земли и движимаго имущества. Законъ [1]), запрещая раздѣлъ подворнаго участка, допускаетъ его лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія губернскаго присутствія. Между тѣмъ, законъ требуетъ, чтобы дѣла по спорамъ о раздѣлѣ и пользованіи общимъ имуществомъ разбирались судомъ, который, не разрѣшая раздѣла, въ большинствѣ

---

[1]) Ст. 167 пол. о вык.

случаевъ постановляетъ рѣшенія о совмѣстномъ пользованіи въ той или другой части имущества, при общей отвѣтственности во взносѣ выкупныхъ платежей.

Такимъ образомъ, возникаютъ самовольные раздѣлы, и если число раздѣловъ разрѣшенныхъ ограничивается единичными случаями,—число самовольныхъ раздѣловъ огромно. Такъ, напримѣръ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ минской губерніи послѣдовало семейныхъ раздѣловъ:

Въ уѣздахъ.	Съ разрѣшенія: губерн-скаго присут-ствія.	волост-ныхъ схо-довъ.	сель-скихъ схо-довъ.	Самоволь-ныхъ	Общее число под-ворныхъ участковъ.
Минскомъ	7	21	14	4,526	10,532
Борисовскомъ	—	1,275	4	4,982	11,629
Игуменскомъ	1	914	30	5,541	11,250
Бобруйскомъ	—	547	9	5,153	9,311
Рѣчицкомъ	2	840	12	4,269	13,137
Мозырскомъ	1	516	25	3,457	8,632
Пинскомъ	1	468	6	4,818	10,187
Слуцкомъ	1	552	4	6,588	13,580
Новогрудскомъ	2	230	38	7,517	16,618
Всего въ губерніи	15	5,363	140	46,851	104,876

Отсюда видно, что сельскіе сходы въ весьма рѣдкихъ случаяхъ пользовались предоставленнымъ имъ п. 5. ст. 51 общ. пол. правомъ разрѣшать семейные раздѣлы. Съ своей стороны, минское губернское присутсвіе находитъ подобныя дѣйствія сельскихъ сходовъ совершенно правильными и законными, такъ какъ, на основаніи п. 5 ст. 51 общ. пол., сельскому сходу предоставлено право разрѣшать лишь личные семейные раздѣлы, т. е. роспись на отдѣльныя самостоятельныя единицы въ податномъ и хозяйственномъ отношеніи, но не раздѣлъ имущества, принадлежащаго данному семейству. А такъ какъ личный семейный раздѣлъ имѣлъ самое важное значеніе при отбываніи рекрутской повинности по прежнему уставу,—каковое значеніе этихъ раздѣловъ совершенно утратилось со введеніемъ общей всесословной воинской повинности, то и сельскимъ сходамъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предстояла необходимость разрѣшать семейные раздѣлы. Затѣмъ, если нѣкоторые сельскіе сходы и присвоивали себѣ право разрѣшать вмѣстѣ съ лично-семейными и имущественные крестьянскіе раздѣлы, то въ то же время относились совершенно равнодушно къ экономическимъ ихъ послѣдствіямъ. Все крестьянское населеніе бѣлорусскихъ губерній смотритъ на семейные раздѣлы, какъ на обыкновенное и даже необходимое средство для прекращенія домашнихъ раздоровъ, а потому и стремится къ достиженію спокойствія и нравственной самостоятельности, хотя бы даже съ потерею нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ и въ ущербъ своего хозяйственнаго благосостоянія.

Къ тому же членами сельскихъ сходовъ состоятъ тѣ же крестьяне-домохозяева, которые, не испрашивая разрѣшенія на раздѣлъ, дѣлятся самовольно и, слѣдовательно, являются первыми нарушителями какъ п. 5 ст. 51 общ. пол., такъ и ст. 167 пол. вык.

Въ витебской губерніи со времени изданія закона 18 марта 1886 г. и примѣненія должностными лицами волостныхъ правленій къ самовольно раздѣляющимся тѣхъ мѣръ, какія указаны въ изданной по этому предмету инструкціи, число самовольныхъ раздѣловъ сократилось, но увеличилось число раздѣловъ по приговорамъ сельскихъ сходовъ. Равнымъ образомъ и въ могилевской губерніи законъ мало повліялъ на уменьшеніе числа раздѣловъ, которые, силою вещей, попрежнему совершаются самовольно и помимо приговоровъ сельскихъ обществъ. Хотя точныхъ цифровыхъ данныхъ въ этомъ отношеніи не имѣется, но уже то указаніе, что въ промежутокъ времени съ 1880 по 1893 г. число дворовъ почти удвоилось, хотя приговоровъ раздѣлѣ по закону 1886 г. и не такъ много, доказываетъ, что самовольные раздѣлы продолжаются.

У крестьянъ литовскихъ губерній семейные раздѣлы распространены повсемѣстно и объясняются характерною особенностью населенія, заключающеюся въ томъ, что каждый членъ семьи стремится быть самостоятельнымъ хозяиномъ. Раздѣлы подворно-наслѣдственныхъ участковъ практикуются, по большей части, самовольные, по домашнимъ документамъ, иногда засвидѣтельствованнымъ волостными правленіями; есть случаи раздѣловъ по мировымъ сдѣлкамъ, совершеннымъ въ судахъ [1]) во время процессовъ, и по рѣшеніямъ третейскихъ судовъ. Кромѣ того, есть рѣшенія волостныхъ судовъ, опредѣляющіе способъ совмѣстнаго владѣнія, не признаваемаго правительствующимъ сенатомъ за раздѣлъ [2]). Такіе раздѣлы широко практикуются почти съ самаго утвержденія выкупныхъ и люстраціонныхъ актовъ, въ которыхъ указана ст. 81 мѣстн. сѣв.-западн. пол. и примѣчаніе второе къ ст. 58 инстр. для люстрац. коммис. о потомственномъ пользованіи всего семейства, хотя надѣлъ записанъ за однимъ хозяиномъ. Между тѣмъ, въ ст. 166 пол. о вык. значится: „участки, пріобрѣтенные не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность каждаго и переходятъ по наслѣдству, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ [3])". Главенство хозяина возможно, пока дѣти его не имѣютъ своихъ дѣтей. Если дѣти при жизни отца не вынудятъ его на раздѣлъ, то послѣ смерти сыновья дѣлятся добровольно или вынуждаютъ къ тому упорствующихъ судомъ, не обращая вниманія на примѣч. къ ст. 167 пол. о вык. и ст.

---

[1]) Ст. 1357—1364 уст. гражд. судопр.

[2]) Рѣшенія 12 февраля 1885 г. и 27 апрѣля 1887 г., №№ 631 и 1664.

[3]) Ср. ст. 38 общ. пол.

85 мѣстн. пол. Старшины и старосты не обращаютъ на это вниманія, въ виду приведенной ст. 81 мѣстн. пол. Провладѣвъ отдѣльною частью въ теченіе десяти лѣтъ, отдѣлившійся считаетъ ее своею собственностью, возможною для раздѣла между его сыновьями. Раздробленіе поэтому надѣльныхъ участковъ дошло до того, что многія крестьянскія земли остались при участкахъ, величиною около одной десятины, нерѣдко при однихъ огородахъ. Обыкновенно раздѣлу подвергаются всѣ угодія, не исключая усадебъ. Такіе раздѣлы, вызванные желаніемъ прекратить въ семействахъ распри, ведутъ къ общему обнищанію, ибо количество обрабатываемой земли уменьшается отъ занятія таковой постройками и выгонами; тѣмъ не менѣе совершенно прекратить семейные раздѣлы невозможно, въ виду того, что таковые вытекаютъ изъ народнаго характера.

III.

Выросшая на почвѣ дореформеннаго законодательства и подъ вліяніемъ экономическихъ соображеній практика помѣщиковъ, а равно казенныхъ и удѣльныхъ управленій, направленная къ ограниченію крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ условіями крѣпостного быта сельскаго населенія. Крестьянинъ представлялъ собою ничто иное, какъ источникъ даровой рабочей силы; сила эта расходовалась почти въ полномъ объемѣ на отбываніе повинностей въ пользу казны и помѣстнаго сословія. Права на самостоятельную хозяйственную дѣятельность за крестьяниномъ не признавалось: надъ всѣми сторонами хозяйственнаго быта сельскаго населенія тяготѣла опека надзирающей власти въ лицѣ помѣщика, окружнаго начальника или удѣльнаго управленія. Крестьянинъ жилъ, работалъ и промышлялъ не такъ, какъ ему самому хотѣлось, а какъ ему предуказано было жить, работать и промышлять. При наличности такихъ условій, при господствѣ натуральнаго хозяйства и въ виду узаконеній, ограничивавшихъ семейные раздѣлы, имущественно-правовыя отношенія въ семейномъ быту сельскаго населенія сложились совершенно своеобразно.

Понятіе „семьи", „семейнаго союза" у крестьянъ въ дореформенную эпоху было инымъ, нежели у всѣхъ другихъ сословій. Въ крестьянской семьѣ на первомъ планѣ стояла трудовая, а не кровная связь ея членовъ; она—хозяйственный рабочій союзъ, а не единеніе лицъ, связанныхъ общностью происхожденія отъ одной пары; весь смыслъ существованія такого рабочаго союза сводился къ тому, чтобы обезпечить исправное отбываніе причитавшихся съ даннаго крестьянскаго двора повинностей путемъ совмѣстныхъ трудовыхъ усилій всѣхъ его членовъ. Во главѣ такого союза работниковъ, такой рабочей

артели стоитъ „большакъ“—человѣкъ, выдѣляющійся своею трудоспособностью, своимъ умѣньемъ хозяйничать и распоряжаться; большакомъ могло быть и лицо, не связанное кровными узами съ большинствомъ членовъ даннаго хозяйства. Въ казенныхъ, какъ и въ помѣщичьихъ селеніяхъ, покровительство власти было всегда обезпечено главѣ двора, хранителю въ немъ порядка и добрыхъ нравовъ. Онъ былъ распорядителемъ имущества, хозяйства и дохода; всѣ члены семействъ, входившихъ въ составъ двора, были послушными ему работниками; на немъ лежала отвѣтственность въ исправномъ отбываніи причитающихся съ двора повинностей; свидѣтельство его одного вершало показанія всѣхъ домочадцевъ. Членами такого рабочаго союза весьма нерѣдко становились и постороннія лица — зятья, пріемыши, свойственники, причемъ кровное родство еще болѣе стушевывалось. Къ управленію домомъ и хозяйствомъ прилагалось даже выборное начало: домохозяиномъ, по выбору членовъ семьи, признавался не старшій въ родѣ и не старшій по лѣтамъ, а болѣе опытный, расторопный, болѣе способный къ наживѣ. Экономическое начало, лежавшее въ основѣ подобнаго единенія двухъ или нѣсколькихъ семействъ въ одномъ хозяйственномъ цѣломъ, опредѣляло собою и дальнѣйшія имущественныя отношенія его членовъ. Смерть родителя не служила и не могла служить поводомъ къ раздѣлу оставленнаго имъ имущества между наслѣдниками: они, по общему правилу, продолжали жить въ общемъ хозяйствѣ. Въ случаѣ же распаденія двора происходилъ не раздѣлъ общаго имущества, доставшагося по наслѣдству, какъ въ кровной семьѣ, а дѣлежъ заработка, достигнутаго общими трудовыми усиліями. Поэтому имущество дѣлится не поколѣнно, а по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ, причемъ родство не принималось во вниманіе. Зятья, другіе свойственники, живущіе въ домѣ, и пріемыши получаютъ равныя съ прочими членами семьи доли имущества. Ни малолѣтніе, ни лица женскаго пола въ раздѣлѣ не участвуютъ и переходятъ жить въ одну изъ частей раздѣлившагося двора.

Такимъ представлялся обычный укладъ въ дореформенную эпоху семейно-имущественныхъ отношеній въ крестьянской средѣ. Находясь въ полномъ противорѣчіи съ коренными началами семейнаго быта всѣхъ другихъ сословій и естественнымъ стремленіемъ каждой личности къ хозяйственной самостоятельности, онъ являлся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ особыхъ условій, въ которыя поставлена была жизнь сельскаго населенія въ эпоху крѣпостного права. Стѣснительныя условія для совершенія семейныхъ раздѣловъ, хотя и привели къ весьма значительному мѣстами уплотненію крестьянскихъ дворовъ [1]),

---

[1]) Такъ напр., въ харьковской губерніи въ 1840 г. приходилось въ среднемъ около девяти душъ обоего пола на дворъ. *В. Б. Ивановъ*: Неизданные труды по изслѣдованію народной жизни. Харьковъ, 1892 г., стр. 30.

но имѣли также и свою обратную сторону. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ отзывъ тамбовской палаты государственныхъ имуществъ, относящійся къ 1848 году. „Недопущеніе (у государственныхъ крестьянъ) раздробленія семействъ,—замѣчаетъ палата—какъ бы настоятельно оно ни требовалось, вполнѣ достигнуто быть не можетъ; притомъ часто запрещеніе раздѣла семьи крайне вредитъ ея благосостоянію и при одномъ ея членѣ нерадивомъ, безпечномъ или распутномъ, отъ котораго прочіе желаютъ отдѣлиться, или который самъ этого хочетъ, обращаетъ со временемъ и другихъ къ тѣмъ же порокамъ, потому что рачительнымъ и усерднымъ къ труду тяжело работать для празднолюбиваго расточителя общаго достоянія. Поэтому, кажется, справедливо было бы, по правиламъ, предоставленнымъ высшимъ сословіямъ, предоставить и крестьянамъ дѣлиться по имуществу и жительству, когда они пожелаютъ, считая ихъ въ однихъ семействахъ по отправленію рекрутства и стараясь уменьшать число раздѣловъ внушеніями и совѣтами, такъ чтобы крестьянскія семьи жили не дробясь не по закону, а по убѣжденію въ собственной ихъ отъ этого пользѣ“ [1]).

Смѣлая для своего времени мысль тамбовской палаты государственныхъ имуществъ, что въ отношеніи хотя бы семейныхъ раздѣловъ крестьянамъ справедливо предоставить права, одинаковыя съ „высшими“ сословіями, осталась, конечно, безъ всякихъ практическихъ послѣдствій. Она поднята была вновь лишь наканунѣ крестьянской реформы, когда редакціонныя коммисіи трудились надъ составленіемъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

Однако, и составители положеній 19 февраля 1861 года не были склонны допустить неограниченную свободу крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, такъ какъ многолюдство и, слѣдовательно, значительность рабочаго состава крестьянскаго двора признавали лучшимъ и надежнѣйшимъ обезпеченіемъ исправнаго отбыванія этимъ дворомъ причитающихся съ него повинностей. Напрасно нѣкоторые члены губернскихъ комитетовъ, сторонники свободной хозяйственной личности крестьянина, доказывали, что вмѣшательство сельскаго схода въ семейную жизнь односельчанъ не можетъ быть оправдано фискальными соображеніями: ихъ мнѣніе было оставлено безъ послѣдствій. Обязавъ сельское общество круговою порукою въ исправномъ отбываніи податей и повинностей, редакціонныя коммисіи отнесли къ вѣдѣнію сельскаго схода и разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, причемъ, однако, полагали, что контроль сельскаго общества въ подобныхъ дѣлахъ нуженъ лишь „на первое время“.

---

[1]) Ѳ. *Барыковъ*. Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ (Журналъ министерства государственныхъ имуществъ за 1862 годъ, стр. 466 и 467).

Но практика перваго уже десятилѣтія, истекшаго съ освобожденія крестьянъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ о роли сельскихъ сходовъ въ совершеніи семейныхъ раздѣловъ понимался и разрѣшался весьма различно не только мѣстными крестьянскими учрежденіями, но и самими крестьянами. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны матеріалы, собранные коммисіею по преобразованію волостныхъ судовъ.

Означенные матеріалы, прежде всего, указываютъ на то, что какихъ-либо постоянныхъ, опредѣленныхъ и однообразныхъ правилъ относительно условій и порядка совершенія семейныхъ раздѣловъ народная жизнь не выработала. Совершенно однородныя по содержанію дѣла разрѣшаются въ одной и той же волости различно — въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ личныхъ качествъ заинтересаванныхъ лицъ, отъ состава сельскихъ сходовъ или волостныхъ судовъ, отъ благоусмотрѣнія сельскихъ должностныхъ лицъ, отъ угощенія и т. п. Крестьянинъ уже въ крѣпостную эпоху привыкъ къ тому, что всякій шагъ въ его жизни долженъ происходить съ вѣдома и съ разрѣшенія власти; но въ пореформенную эпоху у него оказалось такъ много властей, что уже на первыхъ порахъ трудно было разобраться въ правомочіи каждой изъ нихъ. Да и сами крестьянскія власти въ этомъ не вполнѣ разбирались. Поэтому одни крестьянскіе дворы, домогавшіеся раздѣла, обращались за содѣйствіемъ къ „старикамъ“, другіе переносили дѣло на разрѣшеніе схода, третьи судились волостнымъ судомъ, а бывали случаи разбирательства такого рода дѣлъ у мирового судьи; въ предѣлахъ не только волости, но даже одного и того же селенія можно было наблюдать различные порядки совершенія семейныхъ раздѣловъ.

Кто бы ни постановлялъ рѣшеніе о семейномъ раздѣлѣ, — старики ли, сельскій ли сходъ, волостной судъ или сельскія власти, — оно сплошь и рядомъ отражало на себѣ случайныя и измѣнчивыя вліянія. Волостные суды нерѣдко отказывали въ разрѣшеніи раздѣла просто на томъ основаніи, что безъ раздѣла просителямъ жить лучше. Тотъ или другой исходъ рѣшенія дѣла обусловливался подчасъ количествомъ поставленной просителями водки. Крестьяне, добившіеся дозволеннаго раздѣла, всегда стояли передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ: исходъ дѣла былъ неясенъ, а оно, между тѣмъ, требовало значительныхъ хлопотъ, немалой затраты времени и денегъ. Поэтому раздѣлы, дозволенные тою или другою властью, съ теченіемъ времени становятся исключеніемъ, а общимъ правиломъ дѣлаются раздѣлы самовольные, при которыхъ, однако, существеннымъ образомъ страдали интересы слабѣйшей стороны, т. е. отдѣляющихся самовольно частей.

Раздѣлы, между тѣмъ, совершались все чаще и чаще; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по отзыву крестьянъ, „всѣ передѣлились“. Съ

особенною силою стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ проявилось въ средѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ первые годы послѣ реформы; почти повсемѣстно началось тогда распаденіе большихъ сложныхъ семей на малыя, связанныя кровнымъ родствомъ. Сельскіе сходы, въ общемъ, относились къ раздѣламъ безразлично: не одобряли, но и не препятствовали. Роль сельскаго схода очень часто сводилась лишь къ распредѣленію имущества между частями дѣлившагося двора, причемъ стороны, не желавшія подчиниться рѣшенію сельскаго схода, могли обращаться съ жалобою въ волостной судъ. Волостные суды, являясь сторонниками консервативныхъ началъ крестьянской жизни, по мѣрѣ возможности сдерживали стремленіе къ раздѣламъ. Сдерживающимъ началомъ служила также рекрутская повинность, замѣна которой общею воинскою повинностью, напротивъ того, благопріятствовала семейнымъ раздѣламъ, такъ какъ отнынѣ, при назначеніи льготъ по семейному положенію, принималось въ разсчетъ семейство призываемаго, какъ союзъ кровный, а не рабочій, и безъ отношенія къ тому, живутъ ли члены семьи вмѣстѣ или отдѣльно.

Въ самомъ дѣлѣ, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, среднее число раздѣловъ, производившихся ежегодно за время съ 1874 по 1884 годъ, равнялось 140,355, тогда какъ среднее ежегодное число раздѣловъ за періодъ 1861—1882 гг. достигало всего 116,229; число же семей, вовсе неимѣвшихъ взрослыхъ рабочихъ мужскаго пола или имѣвшихъ одного, достигало по 37 губерніямъ въ 1884 году 52,4%.

Увеличеніе численности семейныхъ раздѣловъ, въ связи съ отзывами губернаторовъ, что раздѣлы въ томъ видѣ и количествѣ, въ какомъ они производились съ 1861 по 1884 годъ, крайне вредно отражаются на крестьянскомъ хозяйствѣ и во многихъ мѣстахъ угрожаютъ значительной части крестьянскаго населенія разореніемъ, побудило бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ гр. Толстого поставить на очередь вопросъ о законодательномъ урегулированіи крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, — послѣдствіемъ чего и явился законъ 18 марта 1886 г.

Прежде, нежели обратиться къ разсмотрѣнію этого закона, необходимо сказать нѣсколько словъ о поводахъ, вызвавшихъ его изданіе. Ближайшимъ поводомъ было убѣжденіе какъ гр. Толстого, такъ и высшихъ тогдашнихъ правительственныхъ чиновъ, что причина наблюдавшагося обѣдненія крестьянской массы заключается преимущественно, если даже не исключительно, въ семейныхъ раздѣлахъ. Такое убѣжденіе сложилось подъ вліяніемъ представленныхъ губернаторами соображеній о вредномъ экономическомъ вліяніи семейныхъ раздѣловъ и собранныхъ ими статистическихъ данныхъ о числѣ семейныхъ раздѣловъ и о рабочемъ составѣ семей.

Соображенія губернаторовъ о семейныхъ раздѣлахъ вращались

исключительно въ области отвлеченностей и имѣли предметомъ только экономическую сторону вопроса. Между тѣмъ крестьянскіе раздѣлы представляютъ собою сложное явленіе, затрогивающее собою всю совокупность нравственныхъ, семейныхъ и имущественно-правовыхъ отношеній въ народной средѣ. Поэтому выводы губернаторовъ, по необходимости, страдали односторонностью, такъ какъ весь вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ былъ низведенъ ими на почву экономическую, съ полнымъ игнорированіемъ всѣхъ другихъ сторонъ этого сложнаго явленія.

Имѣя отвлеченный характеръ и будучи односторонними, соображенія губернаторовъ въ то же время страдали замѣтною преувеличенностью въ оцѣнкѣ вреднаго вліянія семейныхъ раздѣловъ: эти послѣдніе оказываются первоисточникомъ всѣхъ темныхъ сторонъ деревенской жизни! Доводы губернаторовъ вкратцѣ сводятся къ слѣдующему. Малосильная семья, большею частью съ однимъ рабочимъ, лишается всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій правильнаго раздѣленія труда. Одиночный рабочій не можетъ уйти ни въ заработки, ни въ промыселъ, такъ какъ не можетъ оставить свое хозяйство безъ работника, между тѣмъ хозяйство это не въ состояніи поглотить весь его трудъ, который пропадаетъ непроизводительно. Натуральныя повинности, которыя легко несутся семьею большою, разоряютъ малорабочую семью. Самыя условія, при которыхъ дѣлятся семьи, уже носятъ въ себѣ данныя для послѣдующаго разоренія: инвентарь, достаточный въ своей совокупности, при раздѣлѣ недостаточенъ для веденія нѣсколькихъ, хотя бы самыхъ несложныхъ хозяйствъ. Гибель хозяйства наступаетъ и въ томъ случаѣ, если одинокаго рабочаго постигаетъ болѣзнь и смерть.

Этого мало. Въ семейныхъ раздѣлахъ губернаторы склонны усматривать даже причину технической отсталости крестьянскаго хозяйства. Они полагаютъ, что раздѣлы, постоянно ослабляя рабочія силы крестьянскихъ семей, лишаютъ ихъ возможности примѣнять къ своимъ участкамъ должную обработку, почему истощенная неразумною эксплоатаціею почва крестьянскихъ надѣловъ, требующая уже почти повсемѣстно тщательной обработки и усиленнаго удобренія, даетъ лишь крайне скудные урожаи, что, въ свою очередь, вызываетъ неосновательныя жалобы на недостаточность надѣловъ.

Таковы соображенія, въ виду которыхъ губернаторы признавали настоятельно необходимымъ принять „рѣшительныя“ общія или частныя мѣры къ ограниченію раздѣловъ на будущее время. Однако, безпочвенность этихъ соображеній представляется несомнѣнной. Съ равнымъ, если не большимъ правомъ, оставаясь на почвѣ чисто теоретическихъ разсужденій въ вопросѣ о семейныхъ раздѣлахъ, можно придти къ совершенно противоположному заключенію. Что крестьянское хозяйство, оборудованное достаточнымъ количествомъ рабочихъ

рукъ и инвентаря, находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для своего развитія, по сравненію съ хозяйствомъ, въ которомъ и рабочихъ рукъ, и инвентаря недостаточно, — въ этомъ, повидимому, не можетъ быть сомнѣній. Но отсюда еще не слѣдуетъ, будто всякій вообще раздѣлъ и при всѣхъ условіяхъ влечетъ за собою невыгодныя хозяйственныя послѣдствія для заинтересованныхъ сторонъ. Крестьянинъ, отдѣлившійся для того, чтобы жить своей семьею, своимъ собственнымъ хозяйствомъ, конечно, работаетъ лучше, больше и производительнѣе; располагая и своимъ трудомъ, и добыткомъ отъ труда, имѣя полную свободу въ своихъ хозяйственныхъ начинаніяхъ и распоряженіяхъ, такой крестьянинъ легко умножится въ достаткѣ. Вотъ почему хозяйство, хотя бы на первыхъ порахъ недостаточно оборудованное рабочими руками и инвентаремъ, при трудолюбіи и бережливости домохозяина, можетъ въ скорости окрѣпнуть и придти въ цвѣтущее состояніе. И, напротивъ того, многолюдный богатый крестьянскій дворъ неизбѣжно впадетъ въ бѣдность, если въ немъ пойдутъ нелады, если среди членовъ его не будетъ дружнаго единенія, безъ котораго невозможна плодотворная совмѣстная работа. Слѣдовательно, при оцѣнкѣ хозяйственнаго значенія семейныхъ раздѣловъ въ крестьянскомъ быту нельзя стоять исключительно на почвѣ отвлеченныхъ разсужденій: каждый такой случай долженъ быть разслѣдованъ особо. Въ семейныхъ раздѣлахъ также, какъ и въ другихъ явленіяхъ народной жизни, долженъ былъ сказаться здравый практическій умъ русскаго крестьянина: трудно представить себѣ, чтобы крестьянинъ, которому отнюдь не чуждо сознаніе собственныхъ выгодъ, неудержимо стремился къ раздѣлу, напередъ зная, что этимъ самымъ онъ обрекаетъ себя безусловно на хозяйственное прозябаніе и нищету [1]. Очевидно, что у крестьянъ, какъ и у другихъ сословій, въ дѣлѣ семей-

---

[1]) Это вполнѣ подтверждается земскими подворными обслѣдованіями рабочаго состава дворовъ. Такъ, напр., собранныя въ 1893 году въ тверской губерніи данныя о размѣрѣ посѣва хлѣбовъ отдѣльными крестьянскими хозяйствами показываютъ, что семейный составъ двора находится въ прямомъ отношеніи къ размѣрамъ посѣва. Средняя рабочая семья равняется:

При высѣвѣ мѣръ:	Число душъ на дворъ:
менѣе 5	4,4
отъ 5 до 10	5,2
„ 10 „ 15	6,1
„ 15 „ 20	6,6
болѣе 20	8,5

Слѣдовательно, семейные раздѣлы чаще всего происходятъ въ семьяхъ, владѣющихъ мелкими земельными участками, и рѣже въ большихъ семьяхъ: этихъ послѣднихъ удерживаетъ отъ семейныхъ раздѣловъ сознаніе выгодности собирательнаго семейнаго труда на большомъ земельномъ участкѣ. („Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по тверской губерніи". Т. XIII вып. I, 1897 г., стр. 32).

ныхъ раздѣловъ рѣшающее значенiе должны имѣть не „рѣшительныя“ мѣры, а сознанiе собственныхъ выгодъ заинтересованными сторонами или же другiя побужденiя, стоящiя выше простыхъ хозяйственныхъ разсчетовъ.

Если и согласиться съ тѣмъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ семейные раздѣлы приносятъ вредъ, а не пользу, то и тогда останется безспорнымъ положенiе, что не влiянiю семейныхъ раздѣловъ долженъ быть приписанъ упадокъ народнаго благосостоянiя, на который ссылались губернаторы, а дѣйствiю другихъ причинъ. Кому эти причины неизвѣстны? Въ ряду ихъ на первомъ планѣ стоятъ: неудовлетворительная система крестьянскаго управленiя и самоуправленiя; тяжесть лежавшихъ на крестьянствѣ повинностей и несовершенство податного строя; крайняя неупорядоченность и неопредѣленность семейныхъ и имущественныхъ правоотношенiй въ крестьянской средѣ, вслѣдствiе чего открытъ былъ широкiй просторъ злоупотребленiямъ, безправiю и эксплоатацiи слабыхъ сильными; крайняя безпомощность народной массы вслѣдствiе ея темноты и невѣжества; что же касается, въ частности, сельскохозяйственной отсталости крестьянъ, то она въ достаточной мѣрѣ объясняется условiями общиннаго владѣнiя землею, межевыми неурядицами и темнотой крестьянства. При наличности всѣхъ указанныхъ причинъ, семейные раздѣлы если и сыграли извѣстную роль въ народномъ оскудѣнiи, то роль эта, во всякомъ случаѣ, была довольно скромною.

Отнюдь не болѣе убѣдительными, для надлежащаго законодательнаго разрѣшенiя вопроса о семейныхъ раздѣлахъ, были и собранныя по этому предмету статистическiя данныя. Едва ли можно оспаривать то общее положенiе, что въ дѣлѣ семейныхъ раздѣловъ важна не столько количественная, сколько качественная ихъ сторона: раздѣлы семей многорабочихъ, напр., имѣютъ иное экономическое значенiе, нежели раздѣлы семей съ малымъ числомъ работниковъ; въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческiй промыселъ составляетъ основу народнаго благосостоянiя, хозяйственная роль раздѣловъ иная, нежели тамъ, гдѣ главнымъ заработкомъ населенiя являются отхожiе промыслы; иначе, наконецъ, ставится вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ при многоземельѣ или въ общинахъ, страдающихъ отъ земельной тѣсноты. Еще существеннѣе различаются между собою семейные раздѣлы по ихъ бытовой обстановкѣ: очевидно, что распаденiе большой семьи, состоящей подъ главенствомъ старшаго члена (старшаго брата, дяди, вотчима и т. п.) въ бытовомъ отношенiи не совпадаетъ съ распаденiемъ кровной семьи, гдѣ во главѣ домохозяйства стоитъ родитель. Статистика о семейныхъ раздѣлахъ должна, по возможности, улавливать всѣ эти оттѣнки,—и тогда лишь она явится цѣннымъ матерiаломъ для всесторонняго учета столь сложнаго явленiя, какимъ являются семейные раздѣлы; простая же регистрацiя числа случаевъ распаденiя

отдѣльныхъ семей не можетъ служить сколько-нибудь надежнымъ основаніемъ для оцѣнки хозяйственнаго и бытоваго значенія раздѣловъ въ народной жизни.

Что дробленіе крестьянскихъ семей само по себѣ еще не служитъ доказательствомъ крестьянскаго обѣдненія, а скученность — достатка, это подтверждается, между прочимъ, новѣйшими земскими подворными обслѣдованіями. Такъ напр., предпринятое рязанскимъ земствомъ обслѣдованіе экономическаго состоянія селеній пяти волостей михайловскаго уѣзда, пострадавшихъ отъ неурожая въ 1897 и 1898 гг., несомнѣнно доказываетъ, что въ настоящее время въ этой части рязанской губерніи не замѣчается сокращенія численнаго состава крестьянскихъ дворовъ; если это явленіе происходило въ прежнее время, то оно давно уже смѣнилось обратнымъ стремленіемъ — скучивать больше народа въ одномъ дворѣ, въ силу чего численный составъ крестьянскаго двора снова увеличился. Въ настоящее время число душъ, приходящихся въ среднемъ на одинъ дворъ, составляетъ для изслѣдованной мѣстности 6,7—у государственныхъ крестьянъ и 7,2—у бывшихъ помѣщичьихъ, тогда какъ въ 1885 году оно было у государственныхъ крестьянъ—6,3, у бывшихъ помѣщичьихъ—6,5, а у тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—6,4; это увеличеніе произошло рѣшительно во всѣхъ группахъ и волостяхъ, хотя и не въ равной степени.

Причина отмѣченнаго явленія, какъ справедливо замѣчаютъ обслѣдователи, не имѣетъ ничего общаго съ увеличеніемъ работоспособности семьи: люди скучиваются по нуждѣ, въ силу уменьшенія количества лицъ рабочаго возраста, изъ которыхъ одни выбыли вовсе, другіе на заработкахъ, въ силу того, что не на что заводить отдѣльное хозяйство. При такомъ увеличеніи числа душъ хозяйственная мощь двора не возросла, а стало только тѣснѣе жить.

Наконецъ, едва ли убѣдительными могли быть признаны и губернаторскія данныя о рабочемъ составѣ дворовъ въ среднемъ по губерніи, такъ какъ, сколько извѣстно, для полученія этихъ данныхъ не было произведено подворныхъ переписей и, слѣдовательно, открытъ былъ самый широкій просторъ всякаго рода цифровымъ погрѣшностямъ, которыми такъ богата статистика нашихъ волостныхъ правленій.

Изложенное приводитъ къ убѣжденію, что руководящія соображенія, послужившія поводомъ къ изданію закона 18 марта 1886 г., не имѣли твердой почвы подъ собою.

Но ближайшее разсмотрѣніе основныхъ положеній этого закона покажетъ намъ, почему съ изданіемъ его дозволенные семейные раздѣлы у крестьянъ должны были сдѣлаться исключеніемъ, а общимъ явленіемъ стали самовольные раздѣлы.

Основныя постановленія закона 18 марта 1886 года касаются: правомочій родителя или старшаго члена семьи и сельскаго схода,

порядка обжалованія рѣшеній послѣдняго и послѣдствій, сопряженныхъ съ самовольнымъ раздѣломъ. Остановимся на правомочіяхъ родителя или старшаго члена семьи.

Семейство, желающее раздѣлиться на самостоятельныя хозяйства, обязано заявить о томъ сельскому сходу. По такому заявленію сходъ прежде всего удостовѣряется въ томъ, послѣдовало ли на испрашиваемый раздѣлъ согласіе родителя или старшаго члена семьи и при отсутствіи упомянутаго согласія, приступаетъ къ обсужденію заявленія о раздѣлѣ только тогда, когда поводомъ къ нему служатъ расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина.

Отсюда видно, что законъ 18 марта 1886 года, ставя „старшаго члена“ крестьянской семьи въ равноправное положеніе съ „родителемъ“, тѣмъ самымъ смѣшиваетъ два совершенно различныя юридическія понятія—выдѣла и семейнаго раздѣла. Такое смѣшеніе, какъ извѣстно, не было дѣломъ простой случайности. Разсмотрѣвъ первоначальныя предположенія гр. Толстого о семейныхъ раздѣлахъ, государственный совѣтъ, между прочимъ, поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ „войти въ ближайшее обсужденіе вопроса о томъ, не встрѣчается ли надобности въ законодательномъ разъясненіи того, что въ крестьянскомъ сословіи, при жизни отца, выдѣлы изъ принадлежащаго послѣднему имущества могутъ производиться не иначе, какъ съ согласія родителя“. Но въ новомъ своемъ представленіи гр. Толстой, по поводу изложеннаго порученія государственнаго совѣта, замѣтилъ, что „хотя выдѣлы сыновей при жизни родителей и рѣзко отличаются по существу отъ раздѣловъ послѣ смерти отцовъ семей, но выраженіе „выдѣлъ“, какъ техническое обозначеніе связаннаго съ нимъ понятія, хотя и существуетъ въ гражданскихъ законахъ,—въ принятую законодательствомъ терминологію, по отношенію къ крестьянамъ, не вошло и законы о крестьянахъ признаютъ лишь одно понятіе „семейные раздѣлы“, подъ которое можно подвести, и, дѣйствительно, въ жизни всегда подводятся—и выдѣлы“.

Въ виду такихъ чисто формальныхъ соображеній, выдѣлы сыновей при жизни родителей, хотя и „рѣзко отличающіеся по существу“ отъ семейныхъ раздѣловъ, производимыхъ нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное, время спустя послѣ смерти родителей, подведены закономъ 18 марта 1886 года подъ понятіе семейныхъ раздѣловъ. Но если „законы о крестьянахъ“, въ противоположность „законамъ гражданскимъ“, не усвоили себѣ понятія „выдѣловъ“, то въ дѣйствительной жизни народа это понятіе различалось очень строго. Объ этомъ свидѣтельствуютъ матеріалы, собранные коммисіею по преобразованію волостныхъ судовъ. Разобравшись въ этихъ матеріалахъ, проф. Пахманъ дѣлаетъ нижеслѣдующую характеристику юридической природы выдѣла.

Выдѣломъ называется предоставленіе сыну со стороны родителей части имущества. Для понятія о выдѣлѣ не существенно, живетъ ли выдѣленный сынъ отдѣльно отъ родителей или помѣщается въ одномъ съ ними домѣ, а существенно, чтобы онъ имѣлъ свое имущество, свое отдѣльное хозяйство. Выдѣлъ зависитъ отъ воли отца; въ силу этого начала сыновья не имѣютъ права требовать выдѣла; на томъ же основаніи и внуки, сыновья умершаго сына, не могутъ требовать выдѣла отъ дѣда, противъ его воли. По заявленіямъ крестьянъ, отецъ выдѣляетъ своихъ сыновей большею частью въ слѣдующихъ случаяхъ: когда семья станетъ очень велика, такъ что тѣсно всѣмъ вмѣстѣ жить, или когда семейныя ссоры и непріятности сдѣлаютъ совмѣстное хозяйство тягостнымъ. Отецъ обыкновенно выдѣляетъ женатаго сына, у котораго уже есть своя семья, или же сына, оказавшагося непочтительнымъ, задорнаго и буйнаго нрава, либо нетрезваго поведенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычаемъ установлено, чтобы отецъ выдѣлялъ всѣхъ сыновей, кромѣ младшаго или лучшаго изъ нихъ, который остается при отцѣ, такъ что ему отдается и домъ отца, а выдѣляемымъ обыкновенно дается часть только изъ движимаго имущества.

Отъ отца зависитъ и размѣръ доли выдѣляемаго сына; онъ можетъ дать сыну столько имущества, сколько захочетъ: „на то его отцовская воля". Дѣти не имѣютъ права жаловаться на отца, что онъ выдѣлилъ одному сыну болѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Хотя размѣръ выдѣляемой доли зависитъ отъ отца, но обыкновенно онъ даетъ сыновьямъ равныя части, оставляя, конечно, соразмѣрныя части также для себя и для младшаго сына, который остается при немъ. Выдѣлъ разсматривается какъ бы досрочнымъ наслѣдованіемъ и отдѣленные члены семьи въ наслѣдствѣ не участвуютъ [1].

Совершенно иначе складываются имущественныя правоотношенія семьи, во главѣ которой, за смертью родителя, сталъ старшій членъ.

Послѣ смерти домохозяина, наслѣдники весьма часто не дѣлятся между собою, а остаются въ общемъ владѣніи. Такимъ образомъ, впредь до раздѣла, образуется особая форма совмѣстнаго обладанія имуществомъ, которая потомъ оказываетъ вліяніе и на самый раздѣлъ.

Согласно выводамъ проф. Пахмана, сдѣланнымъ на основаніи изученія матеріаловъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ, юридическія особенности общности имущества и отношеній къ этому имуществу владѣльцевъ заключаются въ слѣдующемъ. Общность имущества состоитъ въ томъ, что, при совмѣстномъ владѣніи, каждому

---

[1]) *С. В Пахманъ.* Обычное гражданское право въ Россіи. Спб. 1879 г., т. II, стр. 173—184.

изъ владѣльцевъ принадлежитъ въ немъ опредѣленная доля. Общеніе же по имуществу находится въ тѣсной связи съ общимъ хозяйствомъ, такъ что управленіе первымъ касается и послѣдняго. Управленіе общимъ имуществомъ и хозяйствомъ, послѣ смерти отца, принадлежитъ обыкновенно старшему члену семьи; нерѣдко оно остается въ рукахъ вдовы, особенно если дѣти еще малолѣтнія. Но чаще хозяйство ввѣряется старшему сыну умершаго отца или, послѣ его смерти, брату, т. е. дядѣ другимъ наслѣдникамъ, какъ старшему въ домѣ, и т. п.; но, въ хозяйственныхъ интересахъ семьи или общины, управленіе хозяйствомъ можетъ быть поручено не тому лицу, которое занимаетъ мѣсто домохозяина по обычаю, а другому члену семьи, напр. младшему сыну умершаго, племяннику или другому члену семьи, избраніе котораго волостной судъ иногда поручаетъ сельскому сходу.

Распорядитель хозяйства и общаго имущества имѣетъ то же значеніе, какое по закону имѣетъ лицо, которому совмѣстные владѣльцы поручаютъ управленіе общимъ имуществомъ, хотя, въ крестьянскомъ быту, вслѣдствіе совмѣстной жизни общихъ владѣльцевъ и общаго хозяйства старшему члену семьи, „большаку“, управляющему хозяйствомъ, принадлежитъ и нѣкоторая личная власть надъ прочими членами, напр., младшій братъ обязанъ повиноваться старшему, управляющему хозяйствомъ, и исполнять его законныя требованія. Что касается правъ, принадлежащихъ лицу, управляющему общимъ хозяйствомъ, относительно общаго имущества, то онъ не имѣетъ права распоряжаться имъ исключительно по своему усмотрѣнію и произволу. Владѣльцы общаго имущества, хотя оно и состоитъ въ управленіи одного изъ дольщиковъ, какъ хозяина, пользуются имъ сообща. Поэтому и долги сдѣланные кѣмъ-либо изъ такихъ владѣльцевъ не лично на свои нужды, а для надобностей всей семьи, взыскиваются со всѣхъ членовъ семьи, состоящихъ въ общемъ владѣніи, а не лично съ тѣхъ, кѣмъ сдѣланъ долгъ; признается же долгъ сдѣланнымъ на общія семейныя надобности въ томъ лишь случаѣ, если онъ былъ сдѣланъ въ то еще время, когда семейное имущество находилось въ общемъ владѣніи, когда владѣльцы его жили общимъ хозяйствомъ. Деньги, полученныя однимъ изъ членовъ семьи недозволеннымъ способомъ, если только онѣ употреблены на семью, равнымъ образомъ взыскиваются со всѣхъ членовъ семьи. Если владѣльцы общаго имущества не уплачиваютъ, каждый, приходящейся на его долю части общаго долга, — взысканіе обращается на общее ихъ имущество.

Изъ существа общаго владѣнія членовъ семьи, какъ и вообще изъ существа общаго права собственности, вытекаетъ, что въ общемъ владѣніи дольщики остаются лишь по добровольному ихъ согласію; поэтому каждому наслѣднику или совладѣльцу принадлежитъ право требовать раздѣла общаго имущества.

Отсюда видно, что раздѣлъ общаго имущества не имѣетъ ничего общаго съ выдѣломъ, хотя послѣдній нерѣдко также называется раздѣломъ. Выдѣлъ происходитъ при жизни отца, тогда какъ раздѣлъ совершается послѣ его смерти. Съ другой стороны, выдѣлъ происходитъ по волѣ и усмотрѣнію отца, такъ что дѣти не имѣютъ права требовать выдѣла; о случаяхъ выдѣла крестьяне говорятъ: „отецъ отпускаетъ сына“. Существенно иное значеніе раздѣла: онъ совершается независимо отъ усмотрѣнія кого-либо изъ членовъ семьи, такъ какъ и большакъ не отецъ, а лишь „первый между равными“ и есть не болѣе, какъ распорядитель общаго хозяйства: въ общемъ имуществѣ каждому участнику принадлежитъ своя пріобрѣтенная доля и потому каждый изъ нихъ имѣетъ право на выдѣлъ ему причитающейся на его долю части имущества, на такомъ же точно основаніи, какъ и по праву общей собственности никто изъ совладѣльцевъ не обязанъ оставаться въ общемъ владѣніи и никому не можетъ быть возбранено требовать выдѣла [1].

Такимъ образомъ, матеріалы коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что уже къ началу 70-хъ годовъ народное правосознаніе отнюдь не смѣшивало понятій „выдѣла“ и „семейнаго раздѣла“, а права родителя, какъ главы кровнаго семейнаго союза, были существенно иныя, нежели права старшаго члена семьи, большака, какъ распорядитля общимъ семейнымъ имуществомъ. Въ теченіе послѣдующихъ пятнадцати лѣтъ подъ вліяніемъ и общихъ экономическихъ условій, и писаннаго права, все глубже проникавшаго въ народную среду, различіе между кровною семьею и союзомъ лицъ, связанныхъ общностью имущества, могло лишь болѣе усилиться, а отнюдь не сгладиться. Слѣдовательно, заявленіе гр. Толстого, будто „раздѣлы семьи вопреки согласію отца или большака представляются явленіемъ одного порядка и требуютъ принятія противъ нихъ одинаковыхъ мѣръ, не распространяя на эти отношенія понятій, сложившихся въ другихъ общественныхъ слояхъ“,— это заявленіе было лишено фактическихъ основаній. Законъ 18 марта 1886 года, надѣлившій старшаго члена семьи имущественными правами, одинаковыми съ правами родителя, внесъ новую путаницу въ запутанныя и безъ того имущественныя правоотношенія крестьянъ; трудно понять, какимъ образомъ ближайшею цѣлью этого закона выставлялось поддержаніе авторитета родительской власти. Указанное постановленіе закона 18 марта 1886 года не имѣло устойчивой для себя опоры въ народномъ правосознаніи и явилось причиною безконечныхъ семейныхъ раздоровъ, которые, несомнѣнно, причинили большій ущербъ народному благосостоянію, нежели всѣ тѣ семейные

---

[1]) Тамъ же, стр. 291—297.

раздѣлы, которые совершены были до изданiя сего закона, внѣ всякой регламентацiи.

Обусловливая раздѣлъ семьи согласiемъ старшаго ея члена, законъ, очевидно, долженъ исходить изъ предположенiя, что этотъ старшiй членъ—человѣкъ вполнѣ безупречный, преслѣдующiй только интересы всего двора, всѣхъ работниковъ, а не свои собственные. Такое предположенiе, если оправдывается на самомъ дѣлѣ, то лишь въ видѣ рѣдкаго исключенiя. Тамъ, гдѣ семья, руководимая старшимъ членомъ, живетъ согласно, трудится сообща, пользуется равномѣрно и справедливо плодами своихъ трудовъ, — крестьяне и сами, въ сознанiи взаимной пользы, не стремятся къ раздѣламъ. Это бываетъ, по общему правилу, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда семья представляется кровнымъ союзомъ, управляемымъ общимъ родоначальникомъ-родителемъ, для котораго интересы всѣхъ его дѣтей одинаково важны. Но когда, послѣ смерти родителя, мѣсто его заступаетъ старшiй членъ семьи,—условiя внутренней жизни крестьянскаго двора существенно мѣняются. Большею частью, по свидѣтельству губернскихъ совѣщанiй, дѣло идетъ такимъ образомъ, что старшiй членъ семьи всѣми способами старается извлечь въ свою личную пользу или въ пользу собственной семьи какъ можно болѣе выгодъ изъ своего положенiя—путемъ всякаго рода уловокъ, всего чаще путемъ распродажи имущества или сокрытiя денегъ. Остальные члены семьи—братья, племянники, вдовы умершихъ братьевъ и другiе, видятъ хищенiе, но противодѣйствовать ему не могутъ: у нихъ нѣтъ законныхъ, практически примѣнимыхъ способовъ бороться съ старшимъ и требовать у него отчета въ управленiи имуществомъ, составляющимъ общее достоянiе. Они не могутъ далѣе требовать раздѣла, чтобы спасти отъ расхищенiя свои наслѣдственныя доли, ибо возможность раздѣла обусловливается согласiемъ того же старшаго члена семьи. На практикѣ особенно часто встрѣчаются случаи несправедливаго отношенiя домохозяевъ — старшихъ братьевъ къ младшимъ. Положенiе этихъ послѣднихъ въ крестьянскомъ быту вообще незавидное; съ изданiемъ закона 18 марта 1886 года оно значительно ухудшилось. Бываетъ нерѣдко, что старшiй братъ-домохозяинъ изъявляетъ согласiе на раздѣлъ, но лишь подъ условiемъ, что младшiе братья уступятъ ему львиную долю изъ отцовскаго имущества. [1]).

---

[1]) Въ первое время по изданiи закона 18 марта 1886 г. онъ истолковывался въ томъ смыслѣ, что семейный раздѣлъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть произведенъ безъ согласiя домохозяина, такъ какъ циркуляромъ отъ 4 апрѣля 1886 г. предписывалось, что не „должно быть даваемо излишне широкаго токованiя“ ограничительному постановленiю, въ силу котораго расточительность или безнравственное поведенiе домохозяина устраняли необходимость въ его согласiи для совершенiя раздѣла. То обстоятельство, что старшiй братъ обращался деспотически съ младшимъ, наносилъ ему или женѣ его личныя оскорбленiя не только словами, но

Ужасно нравственное состоянiе семей, въ средѣ которыхъ начались раздоры изъ за общаго имущества. Никакое вмѣшательство, ни воздѣйствiе мѣстныхъ властей и суда не въ состоянiи примирить враждующiя стороны. Семейныя несогласiя влекутъ за собою полный хозяйственный упадокъ двора. Въ такой неладной семьѣ каждый отдѣльный членъ ставитъ свои интересы выше общихъ семейныхъ, и крестьянинъ, не желая отдавать свой трудъ на общую пользу семьи, работаетъ возможно хуже, преслѣдуетъ только личныя выгоды и присвоиваетъ себѣ изъ общаго достоянiя что только сможетъ. Спасти такую семью или хотя бы нѣкоторыхъ ея членовъ отъ раззоренiя можетъ только раздѣлъ, и семьи дѣлятся, не обращая вниманiя ни на несогласiе домохозяина, ни на другiя требованiя закона.

Но согласiе домохозяина-родителя, какъ и старшаго члена семьи, безразлично, еще не рѣшаетъ судьбу раздѣла; оно является лишь необходимымъ условiемъ для дальнѣйшаго движенiя дѣла, которое окончательно рѣшается сельскимъ сходомъ.

При разсмотрѣнiи заявленiй о раздѣлахъ, сходъ обсуждаетъ: существуетъ ли основательный поводъ къ раздѣленiю семьи; способны ли образующiяся семейства къ самостоятельному веденiю хозяйства; достаточны ли принадлежащiе имъ усадебные участки для устройства на нихъ удадебъ съ соблюденiемъ требованiй строительнаго устава, а въ случаѣ неимѣнiя такихъ участковъ—представляется ли возможнымъ отвести ихъ изъ мiрской усадебной или полевой земли и будетъ ли, въ случаѣ допущенiя раздѣла, обезпечено исправное поступленiе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ окладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканiямъ. Если, по разсмотрѣнiи дѣла, окажется, что предположенный раздѣлъ не удовлетворяетъ указаннымъ выше условiямъ, то сходъ отказываетъ въ дозволенiи онаго.

Разрѣшая раздѣлъ, сходъ распредѣляетъ между членами дѣлящейся семьи отведенный ей полевой надѣлъ и утверждаетъ, по надлежащемъ исправленiи, заявленныя ему предположенiя о томъ, что именно долженъ получить каждый участникъ раздѣла изъ принадлежащихъ семьѣ: усадебнаго участка, строенiй и того движимаго имущества, которое составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства (какъ-то: земледѣльческiя орудiя, скотъ и т. п.), производитъ раскладку между вновь образующимися хозяйствами лежащихъ на семьѣ податей, повинностей и другихъ казенныхъ взы-

---

и дѣйствiями, а подчасъ лишалъ его необходимыхъ средствъ пропитанiя,—все это признавалось поводомъ къ преслѣдованiю обидчика судомъ, но не къ разрѣшенiю семейнаго раздѣла. Только въ 1896 г. правительствующiй сенатъ разъяснилъ, что при наличности указанныхъ обстоятельствъ имѣется законное основанiе къ совершенiю семейнаго раздѣла, безъ согласiя на то главы семьи (указъ по дѣлу Васильева, отъ 6 февраля 1896 г., № 431).

сканій, а также числящихся на нихъ недоимокъ и, наконецъ, въ случаѣ недостаточности принадлежащаго дѣлящейся семьѣ усадебнаго участка для возведенія необходимыхъ усадебныхъ построекъ, отводитъ такой участокъ изъ свободныхъ мірскихъ земель. Сельскій сходъ не вмѣшивается въ распредѣленіе между членами семейства другихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, какъ-то: усадебныхъ, полевыхъ и другихъ земель, пріобрѣтенныхъ въ собственность другими, кромѣ надѣленія, способами, а также въ раздѣлъ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства.

Для разрѣшенія семейнаго раздѣла требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сельскомъ сходѣ.

Таковы постановленія закона 18 марта 1886 года, опредѣляющія порядокъ и основанія дѣятельности сельскаго схода при разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ.

Общій характеръ этихъ постановленій вполнѣ ясенъ: отнынѣ сельскій сходъ является распорядителемъ не только мірской земли, но и частнаго достоянія своихъ сочленовъ. Полномочія сельскаго схода при разрѣшеніи дѣлъ о семейныхъ раздѣлахъ не имѣютъ юридическаго характера: отъ добраго усмотрѣнія схода зависитъ признать или не признать наличность условій, допускающихъ совершеніе раздѣла, такъ какъ сужденіе объ основательности повода къ раздѣлу, о способности отдѣляющихся членовъ семьи къ веденію самостоятельнаго хозяйства и т. п., — такое сужденіе, по самому существу, представляется совершенно произвольнымъ. Огромныя права сельскаго схода тѣмъ не менѣе понятны, что законъ 18 марта 1886 г. имѣетъ въ виду не только семейные раздѣлы въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и выдѣлы, производимые въ семейномъ кругу властью родителя. Такимъ образомъ, родитель отнынѣ лишался уже признаннаго за нимъ права надѣлять изъ общаго достоянія тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которыя почему либо не оставались въ отцовскомъ гнѣздѣ и стремились къ самостоятельной жизни. Но установленіе контроля сельскаго схода надъ подобными дѣйствіями родителя могло ли способствовать усиленію авторитета родительской власти въ народномъ сознаніи? Не правильнѣе ли было ожидать совершенно противоположныхъ послѣдствій, въ особенности, если принять во вниманіе, что сельскому обществу уже и безъ того принадлежало право вмѣсто домохозяина недоимщика, хотя бы и родителя, назначать старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи [1]). Контроль сельскаго схода при совершеніи семейныхъ раздѣловъ могъ бы въ извѣстной мѣрѣ оправдываться стремленіемъ законодателя оградить интересы младшихъ членовъ семьи отъ злоупотребленій и произвола старшаго ея члена. Однако,

[1]) Общее положеніе, ст. 188, п. 3.

по общему правилу, родителю одинаково дороги интересы всѣхъ его дѣтей; случаи произвольныхъ дѣйствій, конечно, и тутъ возможны, но, въ общемъ, такое соображеніе не можетъ имѣть мѣста при совершеніи выдѣловъ, такъ какъ составляютъ исключеніе.

Предоставленіе, по закону 18 марта 1886 года, сельскому сходу обширныхъ полномочій въ области семейно-имущественныхъ правоотношеній членовъ сельскаго общества не имѣло никакихъ для себя оправданій съ точки зрѣнія какъ дѣятельности сельскихъ сходовъ вообще, такъ и ихъ состава. Равнодушное и безучастное отношеніе сельскихъ сходовъ даже къ наиболѣе жизненнымъ общественнымъ дѣламъ уже въ началѣ 1880-хъ годовъ не мало озабочивало правительство. „Нельзя не замѣтить, говоритъ гр. Толстой въ своемъ первоначальномъ представленіи въ государственный совѣтъ о порядкѣ совершенія семейныхъ раздѣловъ, что какъ показываетъ практика сами сельскіе сходы, къ сожалѣнію, въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ утратили свое значеніе выразителей народнаго сознанія и всего менѣе заботятся объ охранѣ крестьянскихъ интересовъ, обратившись въ орудіе нѣсколькихъ или заинтересованныхъ кулаковъ, или пьяницъ и крикуновъ“. Признавая такое явленіе „обыденнымъ“ и опасаясь, какъ бы сельскіе сходы не слишкомъ уже легко относились къ разрѣшенію семейныхъ раздѣловъ, гр. Толстой проектировалъ даже нѣкоторыя сдерживающія мѣры,—„которыя хотя сколько-нибудь парализировали бы послѣдствія такого направленія сходовъ въ дѣлахъ столь значительной важности для самихъ крестьянъ, какъ дѣла о раздѣлахъ“. Однако, мѣры эти не были уважены государственнымъ совѣтомъ.

Хотя дѣла о семейныхъ раздѣлахъ отнесены были къ вѣдѣнію сельскаго схода и общимъ положеніемъ о крестьянахъ 19 февраля 1861 г., съ тою лишь разницею, что для постановленія приговора требовалось этимъ положеніемъ только простое большинство голосовъ, однако, до изданія закона 18 марта 1886 года, семейные раздѣлы совершались, по общему правилу, безъ всякаго участія сельскихъ сходовъ.

Въ самомъ дѣлѣ участіе это не вызывалось и не вызывается никакими жизненными потребностями. Податная исправность вновь образующихся дворовъ въ достаточной мѣрѣ обезпечивалась огромными правами, предоставленными сельскому сходу статьею 188 общаго положенія, а при непрерывномъ накопленіи недоимокъ, и притомъ со стороны даже наиболѣе зажиточныхъ дворовъ, не было основаній вмѣшиваться сельскому сходу въ семейные раздѣлы. Еще менѣе основаній для такого вмѣшательства имѣется въ настоящее время, когда съ изданіемъ закона 23 іюня 1899 года о взиманіи окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ крестьянскихъ земель, круговая отвѣтственность сельскихъ обществъ вовсе не существуетъ; она сохранена временно, впредь

до полной отмѣны въ самомъ ближайшемъ будущемъ, лишь въ отношеніи отдѣльныхъ селеній, но объемъ и форма круговой отвѣтственности этихъ послѣднихъ ограничены сравнительно скромными размѣрами.

Далѣе семейные раздѣлы не могли интересовать сельскія общества и съ точки зрѣнія условій землевладѣнія. Надѣленіе землею новыхъ дворовъ, по общему правилу, совершалось за счетъ не мірской земли а основного надѣла; лишь въ видѣ исключенія новые дворы нуждались въ отводѣ особыхъ усадебныхъ участковъ, но въ удовлетвореніи такихъ ходатайствъ сельскія общества обыкновенно не встрѣчали затрудненій. Предоставленіемъ дѣлъ о семейныхъ раздѣлахъ вѣдѣнію сельскаго схода не достигалась и цѣль, имѣвшаяся въ виду при изданіи закона 18 марта 1886 года, — поставить извѣстный предѣлъ раздробленію отведенной двору земли на такіе участки, которые слишкомъ малы для веденія на нихъ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства. Уже гр. Толстымъ было замѣчено, что дробленіе общинныхъ земель „составляетъ явленіе, вытекающее изъ самой сущности общиннаго владѣнія". Взглядъ этотъ нашелъ новую для себя поддержку въ соображеніяхъ губернскихъ совѣщаній, образованныхъ для пересмотра законодательства о крестьянахъ. По мнѣнію совѣщаній, дробимость общинныхъ полосъ и непомѣрная ихъ узость — это самые страшные враги сельскохозяйственной культуры и одна изъ язвъ современнаго общиннаго землепользованія.

Ясно, что при существующей многополосицѣ, дальнѣйшее дробленіе душевыхъ надѣловъ, находящихся въ пользованіи отдѣльныхъ дворовъ, остается безразличнымъ для даннаго сельскаго общества, такъ какъ оно ни въ чемъ не измѣняетъ распорядка, принятаго для разбивки общинной земли.

Не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, что при малоземельи значительное дробленіе надѣла изъ за семейныхъ раздѣловъ можетъ повлечь за собою весьма неблагопріятныя въ хозяйственномъ отношеніи послѣдствія. Ничтожные по размѣрамъ участки полевой земли не обезпечатъ крестьянина, ведущаго трехпольное хозяйство. Однако, законъ 18 марта 1886 г. не устанавливаетъ предѣльной нормы дробленія полевого надѣла: онъ поручаетъ разрѣшеніе этого важнаго вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ благоусмотрѣнію сельскаго схода, который, разъ дѣло не касается мірской земли, оставался, по общему правилу, равнодушнымъ къ тому, какъ распредѣляли между собою свой полевой надѣлъ члены даннаго двора, тѣмъ болѣе, что такое распредѣленіе отнюдь не стѣсняло сельское общество при производствѣ общаго передѣла мірской земли. Равнодушіе сельскаго схода къ дробленію надѣловъ, между прочимъ, обусловливалось тѣмъ соображеніемъ, что полевой надѣлъ, какъ и всякое другое имущество, принадлежащее домохозяйству, составляетъ общее достояніе всѣхъ членовъ даннаго двора и, слѣдовательно, каждому изъ нихъ принад-

лежитъ извѣстная доля въ этомъ общемъ достояніи. Разъ потребность въ раздѣлѣ явилась и она признана сельскимъ сходомъ, — дробленіе надѣла неизбѣжно, хотя бы оно сопряжено было съ крайне невыгодными хозяйственными послѣдствіями. На этой почвѣ стоитъ и законъ 18 марта 1886 года, по точному смыслу котораго члены семьи, домогающіеся раздѣла, или получаютъ отказъ въ своемъ домогательствѣ, или отдѣляются съ землею. Въ первомъ случаѣ имъ остается прибѣгнуть къ самовольному раздѣлу, причемъ они фактически теряютъ право на соотвѣтственную долю общаго семейнаго достоянія; во второмъ—получается невыгодное въ хозяйственномъ отношеніи дробленіе надѣловъ. Средній исходъ, примиряющій, повидимому, всѣ интересы,—когда членамъ семьи, домогающимся раздѣла, но не могущимъ получить полевой земли за недостаточностью отведеннаго данному двору полевого надѣла, выдается соотвѣтствующее денежное или иное какое-либо вознагражденіе, этотъ исходъ закономъ 18 марта 1886 г. вовсе не предусмотрѣнъ, конечно, потому, что земля, находящаяся въ пользованіи даннаго двора, составляетъ собственность сельскаго общества и, слѣдовательно, каждый членъ общества всегда сохраняетъ право на эту землю [1]).

Такимъ образомъ, участіе сельскихъ сходовъ въ разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ не имѣло достаточныхъ для себя оправданій съ точки зрѣнія интересовъ податныхъ и земельныхъ. Необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду, что въ дѣлахъ подобнаго рода на первомъ планѣ стоитъ бытовая сторона семейныхъ отношеній; при раздѣлѣ общаго имущества съ особенною силою проявляются личныя отношенія крестьянъ,—отношенія родства, пріязни и вражды, а упорядоченіе этихъ отношеній, чисто нравственнаго порядка, во всякомъ случаѣ не дѣло схода.

Законъ 18 марта 1886 года, предоставляя сельскому сходу разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ и распредѣленіе имущества между дѣлящимися семьями, очевидно, стоялъ исключительно на формальной почвѣ. Однако формальное отношеніе къ вопросамъ жизни, глубоко затрогивающимъ область семейныхъ и имущественныхъ отношеній, ведетъ не къ упорядоченію, но къ осложненію этихъ отношеній, и открываетъ широкій просторъ злоупотребленіямъ, а равно къ обходу закона, со всѣми проистекающими отсюда невыгодными послѣдствіями для заинтересованныхъ сторонъ. Съ изданіемъ новыхъ правилъ о порядкѣ совершенія семейныхъ раздѣловъ пострадали, прежде всего,

---

[1]) Семейные раздѣлы у поселянъ нѣмецкихъ с.-петербургской губерніи, владѣющихъ землею на подворно участковомъ правѣ, совершаются такимъ образомъ, что полевая и усадебная земля при раздѣлѣ никогда не дробится, а переходитъ въ руки одного; выдѣляющійся членъ семьи получаетъ часть движимаго имущества и денегъ и устраивается, какъ знаетъ, на сторонѣ. Обыкновенно онъ неподалеку покупаетъ или арендуетъ землю.

интересы всѣхъ тѣхъ домохозяевъ, которые фактически подѣлились раньше, а теперь, съ изданіемъ закона 18 марта 1886 года, были вынуждены обратиться къ сходу съ просьбою утвердить давно состоявшійся раздѣлъ. Такія просьбы обусловливались разнаго рода обстоятельствами. Если столкновеніе матеріальныхъ интересовъ приводило подобныя семьи къ суду, то, по новому закону, раздѣлъ ихъ въ юридическомъ смыслѣ является ничтожнымъ: имущество у этихъ семей признается общимъ и, слѣдовательно, отсутствуетъ основаніе гражданскаго иска; оно можетъ быть пріобрѣтено лишь въ томъ случаѣ, если фактическому раздѣлу будетъ придана юридическая сила. Далѣе, если одна изъ семей желаетъ вновь раздѣлиться, то опять таки, по новому закону, имущество этой семьи не признается принадлежашимъ только ей одной, и семья эта самостоятельно распоряжаться тѣмъ имуществомъ не въ правѣ; слѣдовательно, прежде чѣмъ могъ состояться новый раздѣлъ, надлежало утвердить сельскимъ сходомъ старый. Понятно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда семьи, давно уже подѣлившіяся и работавшія отдѣльно каждая на свое хозяйство, бывали вынуждены просить сходъ объ утвержденіи стараго раздѣла и получали отказъ, правильный ходъ семейно-хозяйственныхъ отношеній становился рѣшительно невозможнымъ. Столь же тягостно было положеніе семей, раздѣлъ которыхъ обусловливался причинами, за которыми законъ 18 марта 1886 года не признавалъ рѣшающаго значенія. Что оставалось дѣлать сходу, если, напр., старшій членъ въ семьѣ не соглашался на раздѣлъ, иногда только потому, что онъ не успѣлъ еще размотать всего имущества? Такой домохозяинъ не могъ быть признанъ расточителемъ и, слѣдовательно, его согласіе являлось безусловнымъ требованіемъ для законности раздѣла.

Новый законъ ставилъ въ затруднительное положеніе и сельскіе сходы, и лицъ, обращавшихся къ сельскому сходу для признанія законности раздѣла. Нерѣдко именно общность семьи ведетъ ее къ разоренію и только семейный раздѣлъ, хотя бы не соотвѣтствующій требованіямъ закона 18 марта 1886 года, можетъ вывести такую семью изъ нищеты и поставить ее на твердую почву. Таковъ, напр., случай, когда одинъ изъ членовъ двора ничего не вноситъ въ семью, работать не хочетъ, проматываетъ все, что попадается ему подъ руку, въ надеждѣ на то, что не пропадетъ за спинами своихъ братьевъ и другихъ членовъ двора; послѣдніе, конечно, теряютъ значительную часть своего рвенія къ хозяйству, и оно приходитъ въ упадокъ. Между тѣмъ, разъ такая семья прибѣгаетъ къ раздѣлу, то возможность пользоваться чужимъ трудомъ исчезаетъ; даже лѣнивый крестьянинъ принимается за хозяйство, весьма нерѣдко перерождается и становится заботливымъ хозяиномъ [1]).

---

[1]) Случаи такого рода извѣстны вятскому губернскому совѣщанію.

Очевидно, что условія, указанныя закономъ 18 марта 1886 г. для руководства сельскихъ сходовъ при разрѣшеніи ими семейныхъ раздѣловъ, во многихъ случаяхъ не соотвѣтствуютъ требованіямъ дѣйствительной жизни и послѣдняя продолжаетъ свое естественное теченіе помимо поставленныхъ ей преградъ. При участливомъ отношеніи сходовъ къ семейнымъ раздѣламъ, они не могутъ не поступаться формальными требованіями закона 18 марта 1886 года и, слѣдовательно, законъ этотъ или превращается въ мертвую букву, или является новымъ источникомъ осложненій въ крестьянскомъ быту. Для заинтересованныхъ лицъ обращеніе къ содѣйствію сельскаго схода представляется также дѣломъ не легкимъ; такое обращеніе, по отзыву оренбургскаго губернскаго совѣщанія, многимъ и не по средствамъ — „при существующей наклонности у крестьянъ требовать за все вина". Любопытно по этому вопросу свидѣтельство земскаго начальника, внимательно наблюдавшаго явленія современной бытовой жизни крестьянскаго населенія. „Когда къ старшинѣ или земскому приходятъ отецъ съ сыномъ или два брата за разрѣшеніемъ дѣлиться, знайте, что они уже раздѣлились, т. е. помолились Богу и хлѣбъ ѣдятъ врозь. Ни уговорами, ни административными карами вы ихъ болѣе не соедините въ одну семью. Начальство таковыхъ посылаетъ на сходъ. Кромѣ маленькихъ деревушекъ, гдѣ эти вопросы разрѣшаются слишкомъ пристрастно, обыкновенно сходъ соглашается Ивана съ Петромъ раздѣлить, а въ приговорѣ потомъ пишутся условія раздѣла съ описями имущества дѣлящихся сторонъ, а между тѣмъ ни условій, ни описей на сходѣ даже не читаютъ. Это является источникомъ большихъ злоупотребленій: каждый старается подкупить старосту, старшину, чтобы больше получить. Суду эти дѣла не подсудны, такъ какъ по закону они рѣшаются сходомъ, на практикѣ же— старшиной" [1]).

Необходимо при этомъ принять во вниманіе, что по закону дѣла о семейныхъ раздѣлахъ подлежахъ вѣдѣнію сельскаго схода и, слѣдовательно, не могутъ быть разрѣшаемы селеннымъ сходомъ, хотя бы данное селеніе имѣло совершенно отдѣльное отъ другихъ селеній общества фактическое землевладѣніе. Сельскій сходъ, разрѣшая раздѣлъ, долженъ обсудить, существуетъ ли основательный поводъ къ раздѣленію семьи, способны ли вновь образующіяся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства, долженъ распредѣлить между дѣлящимися полевой надѣлъ, строеніе, скотъ и, въ случаѣ недостаточности судебныхъ участковъ, отвести таковые изъ свободныхъ мірскихъ земель. Между тѣмъ, въ составъ нашихъ сельскихъ обществъ весьма нерѣдко входитъ нѣсколько общинъ-деревень, изъ которыхъ каждая самостоятельно пользуется своимъ земельнымъ надѣломъ и от-

---

[1]) *Новиковъ.* Записки земскаго начальника. Спб., 1899 г., стр. 48.

бываетъ причитающіяся повинности; въ особенности велико число сложныхъ общинъ въ сѣверныхъ губерніяхъ (псковской, вологодской, ярославской и др.); здѣсь, въ одномъ сельскомъ обществѣ насчитывается иногда нѣсколько десятковъ селеній, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ, нерѣдко на разстояніи 100—250 верстъ одно отъ другого; въ ярославской губерніи есть сельское общество, состоящее изъ 192 селеній. Само собою разумѣется, что крестьяне этихъ селеній, хотя принадлежатъ къ одному сельскому обществу, не имѣютъ однако никакихъ общихъ хозяйственныхъ интересовъ, не знакомы съ условіями семейной жизни крестьянъ другихъ селеній, со степенью ихъ состоятельности, не знаютъ даже другъ друга. Созывъ сельскаго схода въ такихъ обществахъ сопряженъ съ большими практическими затрудненіями. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, сенатскою практикою установлены правомочія селеннаго или частнаго схода по распоряженію мірскою землею [1]) и по перечисленію крестьянъ изъ одного селенія въ другое [2]) въ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ отдѣльное землевладѣніе. Но такъ какъ семейные раздѣлы, по точному смыслу закона 18 марта 1886 года, отнесены къ вѣдѣнію сельскаго, а не селеннаго схода, то это обстоятельство давало поводъ мѣстному начальству, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, настаивать на строгомъ выполненіи указаннаго требованія, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ ранѣе установилась практика рѣшать вопросы о семейныхъ раздѣлахъ на селенномъ сходѣ [3]). Съ другой стороны, извѣстны случаи, когда сельскіе сходы отказывались отъ обсужденія дѣлъ о семейныхъ раздѣлахъ, въ томъ предположеніи, что дѣла такого рода по существу относятся къ вѣдѣнію селеннаго схода.

Неменьшія затрудненія для заинтересованныхъ лицъ представляетъ требованіе закона 18 марта 1886 года, чтобы мірскіе приговоры о семейномъ раздѣлѣ постановлялись большинствомъ двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Согласно положеніямъ 19 февраля 1861 года, такое большинство предусмотрѣно главнѣйше для дѣлъ, сопряженныхъ съ распоряженіемъ мірскою землею (замѣна общиннаго пользованія землею подворнымъ, передѣлы и т. п.). Въ мѣстностяхъ, гдѣ сильно развиты отхожіе промыслы, приговоры, постановляемые большинствомъ двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, фактически въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не могутъ состояться за отсутствіемъ необходимаго числа домохозяевъ. А такъ какъ въ этихъ, именно, мѣстностяхъ потребность въ семейныхъ раздѣлахъ чувствуется особенно сильно, то раздѣлы эти не мо-

---

[1]) Рѣш. правит. сената (по 2 деп.) отъ 21 дек. 1884 г., № 5600.

[2]) Рѣш. правит. сената, отъ 22 ноября 1883 г., № 3877; 29 ноября 1883 года № 3878 и 15 дек. 1892 г. № 6397.

[3]) Стат. сбор. по с.-петербургской губ. за 1897 г., вып. IV, стр. 27.

гутъ быть разрѣшены сельскимъ сходомъ даже при наличности всѣхъ условій, которыя предусмотрѣны закономъ.

Между тѣмъ послѣдствія самовольныхъ раздѣловъ представляются, по закону 18 марта 1886 года, весьма невыгодными для заинтересованныхъ лицъ. Семейство, раздѣлившееся безъ разрѣшенія сельскаго схода, признается, въ отношеніи къ отбыванію податей и повинностей, а также по платежу другихъ казенныхъ взысканій за одну семью, причемъ всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполненіе этихъ обязанностей.

Легко, однако, понять, что и это постановленіе закона, на-ряду со всѣми другими разсмотрѣнными выше, или остается мертвою буквою, или служитъ поводомъ къ вымогательствамъ, злоупотребленіямъ и убыткамъ. Во многихъ случаяхъ, въ особенности когда самовольные раздѣлы обусловливаются семейными раздорами, крестьяне снисходительно смотрятъ на нарушителей закона, не прибѣгаютъ къ мѣрамъ, ограничивающимъ право такихъ членовъ общества, и нерѣдко сами разрѣшаютъ раздѣлы при условіяхъ, несоотвѣтствующихъ закону. Безплодность борьбы съ семейными раздѣлами на этой почвѣ наглядно выяснена въ отзывѣ смоленскаго губернскаго совѣщанія. Установленное закономъ 18 марта 1886 года наказаніе, чтобы самовольно подѣлившіяся семьи не признавались за самостоятельныя платежныя единицы, прежде всего непримѣнимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлъ состоялся по приговору схода, признаннаго впослѣдствіи незаконнымъ. „Никакое начальство—говоритъ смоленское губернское совѣщаніе,—не въ состояніи ни понудить, ни убѣдить сходъ, распредѣляющій землю и повинности, слить въ этомъ отношеніи два двора, фактически различныхъ и являющихся de facto двумя платежными единицами“. То же наблюдается и въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлъ произошелъ безъ участія схода. Послѣдній не рѣшится осуществить предписанную закономъ мѣру по чисто практическимъ соображеніямъ: „смѣшеніе счетовъ по сбору повинностей запутаетъ эти счеты, породитъ споры, нарушенія справедливости, а иногда и цѣлое производство въ волостномъ правленіи или у земскаго начальника, неудобное для общества, которое станутъ тягать по судамъ“. Да и самое начальство,—прибавляетъ смоленское совѣщаніе,—„принуждено мириться съ нарушеніемъ закона, ибо иначе платежи могутъ не поступить ни съ одного изъ раздѣлившихся дворовъ“.

Такимъ образомъ, мѣра взысканія, установленная закономъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть практическаго значенія. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 апрѣля 1886 года, за № 4, рекомендовалъ воздѣйствовать на ослушниковъ закона иначе, а именно не допускать самовольно раздѣлившихся крестьянъ къ участію на сельскомъ сходѣ. Казанское губернское совѣщаніе свидѣтельствуетъ, однако, что и это ограниченіе „цѣли не достигаетъ“, не удерживаетъ отъ

самовольныхъ раздѣловъ, но порождаетъ „множество лицъ въ обществѣ, не имѣющихъ права голоса на сходѣ“. Смоленское губернское совѣщаніе, съ своей стороны, удостовѣряетъ, что самовольно раздѣлившіеся повсемѣстно „ходятъ на сходъ, участвуютъ въ немъ и силою вещей голосъ ихъ имѣетъ значеніе, равное голосу всякаго другого домохозяина; зато подпись ихъ на приговорѣ является иногда основаніемъ отмѣны совершенно справедливаго приговора, выражающаго дѣйствительно волю деревни, если кто-либо, оспаривая приговоръ, съумѣлъ выяснить и доказать участіе ихъ надлежащею справкою; между тѣмъ въ сотнѣ другихъ однородныхъ случаевъ, гдѣ вопросъ этотъ не возбужденъ, приговоры не отмѣняются, такъ какъ почти въ каждомъ селеніи есть такіе незаконные участники схода“.

Тѣмъ не менѣе положеніе самовольно раздѣлившихся дворовъ, даже при безразличномъ отношеніи къ такому раздѣлу сельскаго общества, представляетъ свои невыгоды.

Такъ въ 1893 году въ полновской волости гдовскаго уѣзда былъ случай, когда отецъ за „самовольный раздѣлъ сыновей“ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и приговоренъ къ 15 днямъ ареста. Въ другомъ случаѣ крестьнинъ деревни Кеккелево царскосельскаго уѣзда просилъ волостной судъ возложить на двухъ его братьевъ уплату 140 руб. строительно-ссуднаго долга, оставшагося отъ отца, ссылаясь на то, что ссуда эта была получена отцомъ уже по выдѣленіи просителя изъ семьи отца. Волостной судъ отказалъ, находя, что „жалоба ничѣмъ не доказана“. Земскій начальникъ, въ свою очередь, отказалъ представить жалобу въ уѣздный съѣздъ на томъ основаніи, что выдѣленіе просителя изъ семьи не было оформлено законнымъ порядкомъ и, слѣдовательно, должно быть разсматриваемо, какъ несостоявшееся [1].

Наконецъ, существенный недостатокъ закона 18 марта 1886 года заключается въ томъ, что рѣшенія крестьянскихъ учрежденій по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ признаются окончательными и, слѣдовательно, не подлежатъ обжалованію.

Обстоятельство это, въ связи съ руководящими указаніями, преподанными въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 апрѣля 1886 г. за № 4, открывало весьма широкій просторъ личному усмотрѣнію должностныхъ лицъ крестьянскаго надзора и послужило поводомъ къ разнаго рода административнымъ опытамъ надъ упорядоченіемъ народной семейной жизни, которые едва-ли способствовали внѣдренію чувства законности въ народной массѣ и увеличенію ея матеріальнаго достатка.

Такъ, смоленское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, пользуясь своимъ правомъ давать инструкціи должностнымъ

---

[1]) Стат. сборн. по с.-петербургской губ., стр. 27, 28 и 36.

лицамъ сельскаго общественнаго управленія, въ цѣляхъ успѣшнаго примѣненія правилъ 18 марта, предписало, „какъ бы въ дополненіе закона“ о семейныхъ раздѣлахъ, двѣ мѣры: во-первыхъ, обязательное водвореніе самовольно раздѣлившихся въ одинъ дворъ и, во-вторыхъ, уголовное ихъ наказаніе волостнымъ судомъ за самовольный раздѣлъ [1]). „Ни одна, ни другая мѣра не произвели, однако,—какъ удостовѣряетъ нынѣ смоленское губернское совѣщаніе, — желаемыхъ послѣдствій. Сведеніе въ одно хозяйство самовольно раздѣлившихся оказалось невозможнымъ на практикѣ. Постановленіе о семъ уѣздныхъ присутствій остались безъ исполненія. Старшинамъ приходилось доносить объ исполненіи ихъ завѣдомо ложно или о невозможности ихъ исполнить. Тамъ же, гдѣ одна изъ сторонъ, вѣрующая въ необходимость исполненія „закона“, домогалась водворенія на дѣлѣ въ свой дворъ самовольно его покинувшихъ членовъ семьи, дѣло принимало характеръ раззорительной волокиты и безконечной тяжбы“.

Рядомъ со споромъ о законности общественнаго приговора или постановленія уѣзднаго, а иногда и губернскаго присутствія, восходившимъ до рѣшенія сената, велись въ смоленской губерніи особыя дѣла о неисполнительности старшины и о постановленіяхъ присутствій по вопросу объ его отвѣтственности, о сопротивленіи ему, объ его оскорбленіи; но производившіяся дознанія и раззорительныя тяжбы, продолжавшіяся годами, „ничуть не мѣшали“ самовольно раздѣлившимся проживать раздѣльно. „Попытки свести спорящихъ, неблагоразумно доводимыя иными старшинами до насильственнаго, при помощи понятыхъ, водворенія самовольно отдѣлившихся въ избу старшаго домохозяина, вели къ общей дракѣ или къ тому, что сожительство, достигаемое подобными мѣрами, продолжалось не болѣе нѣсколькихъ часовъ“. „Все это,—справедливо замѣчаетъ смоленское губернское совѣщаніе,—только дискретировало законъ въ глазахъ населенія, а самовольно дѣлящихся доводило до совершенной нищеты“.

Преданіе суду за самовольный раздѣлъ могло имѣть мѣсто лишь до изданія правилъ о волостномъ судѣ; волостные суды наказывали самовольно раздѣлившихся и также пытались сводить ихъ; но, заплативъ дань „закону“ извѣстнымъ наказаніемъ, иногда даже тѣлеснымъ, раздѣлившіяся семьи продолжали жить раздѣльно. Съ изданіемъ правилъ о волостномъ судѣ, губернское присутствіе „оказалось вынужденнымъ „дать разъясненіе о неподсудности дѣлъ по обвиненію въ самовольномъ раздѣлѣ волостному суду и съ той поры самовольные раздѣлы нѣкоторыми земскими начальниками разсматриваются—какъ неисполненіе „законныхъ (!) требованій“ волостного старшины о соединеніи въ одно хозяйство и только на этомъ основаніи оказываются уголовно наказуемымъ проступкомъ.

---

[1]) Инстр. смол. губ. по кр. дѣл. присут., отд. 2 § 11 и отд. 3 § 2.

Такіе же опыты имѣли мѣсто, да и нынѣ еще практикуются, во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ никольскомъ уѣздѣ вологодской губерніи былъ крестьянскій начальникъ, „особенно ревностно оберегавшій семейные устои“. Къ семейнымъ раздѣламъ онъ относился столь враждебно, что отмѣнялъ каждый приговоръ со всѣми послѣдствіями, пользуясь всякимъ удобнымъ для этого предлогомъ: о разрѣшеніи раздѣла помимо воли старшаго члена семьи нечего было и думать. За отмѣною приговора слѣдовало обратное соединеніе раздѣлившихся въ одно хозяйство, хотя бы они объ этомъ и не просили, что, конечно, никогда не достигалось, и раздѣлившіеся привлекались къ отвѣтственности за самовольный раздѣлъ. Въ одной волости были присуждены волостнымъ судомъ къ наказаніямъ за раздѣлы, за одинъ годъ, 14 лицъ; наказанія состояли для 11 лицъ изъ штрафа по 2 и 3 рубля, для двухъ лицъ изъ ареста на 6 дней и для одного изъ розогъ 10 ударовъ. Но и наказанія не принесли желаемыхъ результатовъ: всѣ эти лица живутъ и понынѣ отдѣльными хозяйствами [1]) Отголоскомъ такого рода административной практики являются заявленія земскихъ начальниковъ казанской губерніи, изъ которыхъ одинъ предлагаетъ „привлекать участниковъ въ самовольныхъ раздѣлахъ къ отвѣтственности, какъ за самоуправство“, а другой идетъ еще далѣе и рекомендуетъ „увеличить имъ степень наказанія до розогъ“.

Въ зависимости отъ личнаго усмотрѣнія земскихъ начальниковъ, весьма противорѣчива и практика ихъ по отношенію къ семейнымъ раздѣламъ. Такъ напр. въ одной изъ волостей царскосельскаго уѣзда петербургской губерніи, земскій начальникъ, при раздѣлѣ земли, не допускаетъ дробленія цѣлыхъ надѣловъ; если дѣлятся два брата, имѣющіе три надѣла, то земскій начальникъ противится тому, чтобы оба брата раздѣлились поровну, а требуетъ, чтобы одинъ изъ братьевъ получилъ два надѣла, а другой—одинъ. Большинство дѣлящихся на это не соглашается и, отказываясь отъ формальнаго раздѣла, дѣлятся по своему, безъ утвержденія схода. Напротивъ того, въ сосѣднемъ петергофскомъ уѣздѣ той же губерніи сельскій сходъ, дѣля сводныхъ братьевъ, раздѣлилъ между ними землю такимъ образомъ, что одному достались два душевыхъ надѣла, а другому—одинъ. Но земскій начальникъ не согласился съ такимъ рѣшеніемъ дѣла и положилъ слѣдующую резолюцію: „приговоръ составленъ правильно и законно, исключая раздѣла полевой земли, которую слѣдуетъ раздѣлить пополамъ“... [2]).

Отсюда видно, что въ настоящее время, при дѣйствіи закона 18 марта 1886 г., окончательное разрѣшеніе вопроса о семейномъ

---

[1]) „Сѣверный Край“ за 1899 г., № 187.

[2]) Статистич. сборн. по с.-петерб. губ. за 1897 г., вып. IV, стр. 35.

раздѣлѣ, по жалобамъ заинтересованныхъ сторонъ, поставлено въ полную зависимость отъ благоусмотрѣнія земскихъ начальниковъ; благоусмотрѣніемъ же земскихъ начальниковъ до самаго послѣдняго времени опредѣлялось примѣненіе въ отношеніи неотдѣленныхъ членовъ крестьянскаго семейства паспортныхъ стѣсненій,—мѣры, предусмотрѣнной не закономъ 18 марта 1886 года, а положеніемъ о видахъ на жительство, Высочайше утвержденнымъ 3 іюня 1894 года.

Согласно статьѣ 19 этого закона неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ, хотя бы и совершеннолѣтнимъ, виды на жительство выдаются и возобновляются не иначе, какъ съ согласія хозяина крестьянскаго двора. Въ случаѣ отказа съ его стороны, виды на жительство могутъ быть выдаваемы означеннымъ лицамъ по распоряженію земскаго начальника (или замѣняющихъ его должностныхъ лицъ). Распоряженія этого рода обжалованію не подлежатъ.

Земскіе начальники, повидимому, не были склонны широко пользоваться этимъ своимъ правомъ и отказывали неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ въ выдачѣ имъ паспортовъ, безъ согласія домохозяевъ.

Подобнаго рода отказы ставили въ крайне затруднительное положеніе заинтересованныхъ лицъ, которыя, изъ-за своекорыстныхъ побужденій старшаго члена семьи, лишались обезпеченнаго заработка на сторонѣ. Отсюда—многочисленныя и нерѣдко вполнѣ основательныя жалобы въ губернскія присутствія, которыя, признавая постановленія земскихъ начальниковъ по данному предмету окончательными, входили, согласно ст. 172 положенія зем. нач., въ правительствующій сенатъ съ представленіями объ отмѣнѣ таковыхъ постановленій.

Разсмотрѣвъ рядъ подобныхъ представленій губернскихъ присутствій, и признавъ, что они не требуютъ его разрѣшенія, правительствующій сенатъ высказалъ нижеслѣдующія руководящія соображенія.

По точному смыслу ст. 19 пол. о вид. на жит., распоряженія земскихъ начальниковъ о выдачѣ неотдѣленнымъ членамъ крестьянской семьи, вопреки отказу со стороны хозяина крестьянскаго двора, видовъ на жительство — не подлежатъ обжалованію ни въ инстанціонномъ порядкѣ, ни въ порядкѣ надзора. Что же касается постановленій земскихъ начальниковъ объ оставленіи безъ послѣдствій жалобъ неотдѣленныхъ членовъ крестьянской семьи на отказъ домохозяина въ выдачѣ паспорта, то постановленія эти могутъ подлежать обжалованію губернскому присутствію, которому предоставленъ общій надзоръ за правильностью дѣйствій земскихъ участковыхъ начальниковъ. При этомъ, такъ какъ вопросъ о невыдачѣ неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ паспортовъ касается существенныхъ интересовъ крестьянскаго населенія,—губернскому присутствію, при разсмотрѣніи жалобы на отказъ земскаго начальника въ разрѣшеніи выдать паспортъ, надлежитъ обращать особое вниманіе на то, при-

велъ ли земскій начальникъ въ извѣстность матеріальное положеніе какъ всей семьи, такъ и каждаго ея члена, обсудилъ ли онъ выгоды и невыгоды дальнѣйшаго пребыванія просителя въ сторонних заработкахъ, а равно справедливость предъявленныхъ къ нему домозяиномъ требованій и, наконецъ, чѣмъ вызывается и насколько можетъ быть признано основательнымъ домогательство домохозяина крестьянскаго двора о возвращеніи въ семью неотдѣленнаго ея члена. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда губернское присутствіе признаетъ, что земскій начальникъ не разслѣдовалъ въ надлежащей мѣрѣ по существу или же усмотритъ новыя обстоятельства дѣла, не бывшія въ виду земскаго начальника,—оно въ правѣ собственною властью отмѣнить подобное постановленіе земскаго начальника, поручивъ ему вновь войти въ обсужденіе предъявленнаго ходатайства о выдачѣ паспорта.

За воспослѣдованіемъ приведеннаго разъясненія правительствующаго сената, полученіе паспорта неотдѣленными членами крестьянскихъ семействъ поставлено внѣ зависимости отъ благоусмотрѣнія] мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій. Но засимъ дѣятельность земскихъ начальниковъ по разрѣшенію жалобъ, приносимыхъ недовольными членами семьи, на рѣшенія сельскихъ сходовъ по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ, остается и въ настоящее время какъ бы безконтрольною и лишенною объединяющихъ началъ, — если, конечно, не считать такимъ объединяющимъ началомъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 4 апрѣля 1886 года, за № 4.

Правило о присвоеніи окончательной силы рѣшеніямъ уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ, съ устраненіемъ возможности для заинтересованныхъ сторонъ обращаться въ губернское присуствіе, а засимъ и въ правительствующій сенатъ, какъ извѣстно, не входило въ первоначальныя предположенія гр. Толстого. Оно явилось по почину общаго собранія государственнаго совѣта, руководствовавшагося главнѣйше тѣмъ соображеніемъ, что „правильное рѣшеніе дѣлъ о семейныхъ раздѣлахъ возможно только при самомъ близкомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями сельскаго быта и обстоятельствами, вызывающими потребность раздѣла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, причемъ должна быть принимаема въ соображеніе не только матеріальная, но и нравственная сторона вопроса“. Многолѣтній опытъ примѣненія закона 18 марта 1886 г. не служитъ, однако, подтвержденіемъ правильности приведенныхъ сужденій государственнаго совѣта. Не только бывшіе непремѣнные члены уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, но и нынѣшніе земскіе начальники отнюдь не обладаютъ столь глубоко идущимъ знакомствомъ съ мѣстными условіями жизни сельскаго населенія, чтобы безошибочно разбираться въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ, имѣя въ виду не только матеріальную, но и нравственную сторону вопроса. Въ дѣлахъ подобнаго рода болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ, возможны со стороны

должностныхъ лицъ крестьянскаго надзора ошибки, увлеченія и предвзятые взгляды, а между тѣмъ заинтересованныя стороны лишены всякихъ средствъ оспаривать неправильное или даже несправедливое рѣшеніе. Чѣмъ крупнѣе значеніе семейныхъ раздѣловъ въ бытовомъ и хозяйственномъ отношеніи, тѣмъ настоятельнѣе необходимо, казалось бы, устранить въ дѣлахъ подобнаго рода личное благоусмотрѣніе должностныхъ лицъ и установить порядокъ, при которомъ рѣшеніе такихъ дѣлъ основывалось бы исключительно на нормахъ закона, примѣнительно къ руководящимъ разъясненіямъ правительствующаго сената. Отстаивая свои наиболѣе существенные семейные и имущественные интересы, связанные съ раздѣломъ общаго достоянія семьи, крестьянинъ въ настоящее время считается отнюдь не съ нормою закона; исходъ дѣла всегда представляется для него гадательнымъ, такъ какъ разрѣшеніе раздѣла зависитъ отъ цѣлаго ряда случайностей, главнѣйшимъ же образомъ—отъ благовоззрѣнія должностныхъ лицъ. Такой порядокъ, очевидно, подрываетъ основы народнаго благосостоянія, успѣшное развитіе котораго обусловливается устойчивостью и опредѣленностью имущественныхъ правоотношеній; а съ другой стороны, предоставленіе мѣстному крестьянскому надзору права, взамѣнъ точныхъ указаній закона, руководствоваться знаніемъ мѣстныхъ условій, т. е. интимной стороны жизни данной крестьянской семьи, отнюдь не можетъ способствовать внѣдренію чувства законности въ средѣ сельскаго населенія, такъ какъ и при наличности подобнаго знанія, и при отсутствіи таковаго (что бываетъ чаще) рѣшеніе дѣла для пострадавшихъ лицъ всегда кажется произвольнымъ.

Все вышеизложенное въ достаточной мѣрѣ поясняетъ, почему примѣненіе на практикѣ установленныхъ закономъ 18 марта 1886 года правилъ о порядкѣ совершенія крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ привело лишь къ отрицательнымъ результатамъ: стремленіе къ раздѣламъ не ослабѣло, но семейно-имущественныя отношенія у крестьянъ запутались и оказалось множество семей, отдѣлившихся самовольно и, слѣдовательно, поставленныхъ въ крайне неблагопріятныя юридическія и хозяйственныя условія,—что не только не соотвѣтствуетъ интересамъ государственнымъ, но и противорѣчитъ послѣднимъ.

Можно, такимъ образомъ, подвести итоги сдѣланнымъ мною критическимъ замѣчаніямъ относительно главнѣйшихъ постановленій закона 18 марта 1886 года.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не измѣнило крѣпостного взгляда на крестьянина, какъ на рабочую силу. И въ пореформенную эпоху главнѣйшею, если не единственною, цѣлью существованія крестьянина было отбываніе всякаго рода повинностей. Началомъ повинности проникнуто все пореформенное законодательство о крестьянахъ; въ жертву этому началу принесены существеннѣйшіе интересы гражданскаго и общественнаго быта сельскаго населенія.

Яркимъ выраженіемъ крѣпостного взгляда на крестьянъ служитъ и законъ 18 марта 1886 года, направленный къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ. Сложная крестьянская семля, поставленная подъ защиту означеннаго закона, не потому признана законодателемъ нужною, что она наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ каждаго изъ ея сочленовъ, но что многодушный, по наличному рабочему составу, крестьянскій дворъ даетъ наиболѣе ручательства въ исправномъ отбываніи повинностей. Такъ какъ согласіе на выдѣлъ ставится въ зависимость не только отъ родителей, но даже отъ лица, стоящаго во главѣ двора и, слѣдовательно, вполнѣ заинтересованнаго въ сохраненіи даровыхъ рабочихъ рукъ, то въ дѣйствительности, благодаря закону 18 марта 1886 года, кровный семейный союзъ у крестьянъ превращался въ рабочую артель, участіе въ которой для отдѣльныхъ ея членовъ было уже понудительнымъ.

Указанная постановка вопроса о семейныхъ раздѣлахъ у крестьянъ совершенно расходилась съ предположеніями по этому предмету дѣятелей крестьянской реформы 1861 года. Согласно общему положенію (ст. 21), на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной аависимости, распространены общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Такимъ образомъ, и у крестьянъ семья сохраняла значеніе кровнаго союза родителей и дѣтей и если во главѣ крестьянскаго двора становился старшій членъ семьи (старшій братъ, зять, дядя и др.), то этому лицу отнюдь не могли быть присвоены, въ отношеніи другихъ членовъ двора, права родителя. Далѣе, по силѣ ст. 33 общаго положенія, каждый крестьянинъ, а слѣдовательно и каждый отдѣльный членъ семьи, можетъ пріобрѣтать въ собственность разнаго рода имущества; эти послѣднія, очевидно, не составляютъ достоянія того крестьянскаго двора, къ составу котораго принадлежитъ пріобрѣтатель. Правда, по силѣ ст. 51 (пунктъ 5) того же общаго положенія, разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ предоставлено вѣдѣнію сельскаго схода, но правило это было логическимъ развитіемъ основного начала, по которому сходъ являлся распорядителемъ надѣльной земли; его согласіе или несогласіе въ данномъ случаѣ означало лишь согласіе или несогласіе на отводъ участка изъ состава общинной земли вновь отдѣлившейся семьѣ и не имѣло, не могло имѣть другого значенія.

Очевидно, такимъ образомъ, что какъ ни далеко шли положенія 19 февраля 1861 года въ смыслѣ стѣсненія личности крестьянина и его хозяйственнаго самоопредѣленія,—законъ 18 марта 1886 года пошелъ въ этомъ направленіи гораздо дальше. А гдѣ нѣтъ хозяйственнаго самоопредѣленія, тамъ нѣтъ и хозяйственнаго прогресса. Условія пореформеннаго времени въ высшей степени не благопріятствовали накопленію достатка въ общей массѣ крестьянскаго населенія, а съ изданіемъ закона 18 марта 1886 года эти условія еще болѣе ухудши-

лись. Всюду и всегда свободный трудъ признается наиболѣе производительнымъ, а по отношенію къ крестьянамъ наиболѣе производительнымъ считается, повидимому, трудъ подневольный, такъ какъ законъ 18 марта 1886 года стѣсняетъ раздробленіе сложныхъ семей на самостоятельныя хозяйства, а находясь въ общей семьѣ, каждый отдѣльный крестьянинъ не властенъ распоряжаться своимъ трудомъ по своему усмотрѣнію. Всюду и всегда за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, достигшимъ опредѣленнаго возраста, признается право вступить въ бракъ и основать самостоятельное хозяйство; крестьянину же, хотя и предоставлено право вступать въ брачный союзъ, но обособиться въ самостоятельную семью и работать на нее онъ можетъ въ томъ лишь случаѣ, если на то послѣдуетъ согласіе домохозяина, который пользовался его трудомъ для своихъ выгодъ, и если это согласіе будетъ освящено приговоромъ сельскаго схода. Всюду и всегда право личной собственности признается соотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости и государственная власть заботливо охраняетъ это право, усматривая въ немъ важнѣйшее условіе развитія бережливости и народнаго богатства. А въ нашей крестьянской средѣ право личной собственности какъ бы не существуетъ, такъ какъ земля принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, а всему сельскому обществу, результатами же своего труда пользуется не самъ работникъ, не его семья и дѣти, а тотъ дворъ, то домохозяйство, въ составъ котораго работникъ входитъ, хотя бы противъ собственной своей воли.

Основная причина, побуждающая сложныя крестьянскія семьи дробиться на нѣсколько самостоятельныхъ хозяйствъ, заключается въ томъ, что крестьянинъ, какъ и всякій вообще человѣкъ, естественно стремится обезпечить себѣ исключительное обладаніе и пользованіе результатами своего труда. Удовлетворяя требованіямъ справедливости, такое стремленіе является лучшимъ средствомъ къ увеличенію производительности труда, ибо каждый работаетъ на себя и лучше, и охотнѣе, чѣмъ на другого. Потребность въ самостоятельной хозяйственной жизни особенно сильна въ человѣкѣ, образовавшемъ свою собственную семью и принявшему на себя естественную обязанность заботиться о своемъ потомствѣ.

Наряду съ указанною внутреннею причиною,—разложенію артельной организаціи крестьянскаго двора, какъ союза рабочаго, а не кровнаго, способствовали могущественнымъ образомъ и внѣшнія условія нашего пореформеннаго быта. Подъ вліяніемъ отмѣны крѣпостного права, перехода отъ натуральнаго къ денежному хозяйству, проникновенія въ крестьянскую среду началъ писаннаго закона, соприкосновенія съ жизнію и бытомъ высшихъ сословій, развитія отхожихъ промысловъ и введенія общей воинской повинности,—словомъ, подъ вліяніемъ новаго измѣненія культурнаго облика страны въ пореформенное время возникаютъ въ крестьянствѣ новыя понятія, потребности и при-

вычки, а вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается неудержимое стремленіе къ хозяйственной самостоятельности. Внѣшнимъ выраженіемъ этого стремленія и являются семейные раздѣлы.

Необходимость семейнаго раздѣла, такимъ образомъ, вызывается самою жизнью, обусловливается разростаніемъ семьи и трудностью примирить разнородные, нерѣдко даже противоположные интересы ея членовъ при постепенномъ ослабленіи авторитета домохозяина. Тяжкія условія матеріальнаго существованія крестьянъ даютъ слишкомъ мало простора сколько-нибудь широкому развитію чувствъ самоотреченія отъ личныхъ выгодъ во имя исключительно родственной связи; да и въ высшихъ общественныхъ классахъ, болѣе обезпеченныхъ и культурныхъ, сильны ли эти чувства? Крестьянинъ, какъ справедливо указываетъ тамбовское губернское совѣщаніе, самъ понимаетъ свои выгоды и хорошо знаетъ, что многорабочая семья легче достигаетъ благосостоянія, нежели малорабочая: но ему въ то же время извѣстно, что указанное положеніе справедливо не безусловно, а лишь въ томъ случаѣ, когда многорабочая семья живетъ дружно, подчиняясь власти старшаго ея члена, и когда этотъ старшій членъ преслѣдуетъ только общіе интересы семьи и одинаково справедливо относится ко всѣмъ ея членамъ. Но такіе случаи составляютъ не общее правило, а лишь рѣдкое исключеніе. Естественное стремленіе человѣка къ достиженію лучшихъ условій жизни, къ созданію хозяйственнаго быта, основаннаго на обособленности и самостоятельности, въ связи съ своеобразно сложившеюся бытовою обстановкою крестьянской семьи, гдѣ при полной неопредѣленности имущественныхъ правъ каждаго изъ ея членовъ, при безпечности однихъ и разгулѣ другихъ, при неравномѣрномъ распредѣленіи и труда, и повинностей, является слишкомъ часто и слишкомъ много поводовъ къ семейнымъ разногласіямъ, доходящимъ до непримиримой вражды,—все это служитъ непреодолимымъ побужденіемъ къ совершенію семейныхъ раздѣловъ. Противиться такимъ раздѣламъ не только безполезно, но и вредно. Всякая попытка искусственно связать то, что въ самой основѣ заключаетъ сѣмена разложенія, приведетъ лишь къ нравственному и матеріальному ущербу тѣхъ, кого она коснется.

Стремленіе къ хозяйственной самостоятельности отнюдь не расходится съ государственнымъ интересомъ. Напротивъ того, культурная дѣятельность государственной власти имѣетъ ближайшею своею цѣлью придти на помощь отдѣльнымъ личностямъ въ ихъ стремленіи къ пріобрѣтенію духовныхъ и матеріальныхъ благъ и обезпечить за каждымъ ему принадлежащее. Съ этой точки зрѣнія лица всѣхъ сословій, не исключая и крестьянъ, должны быть поставлены въ равноправное положеніе.

Въ крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, при общинномъ, какъ и при подворномъ землевладѣніи, государственный интересъ нару-

шается лишь въ томъ случаѣ, когда, вслѣдствіе этихъ раздѣловъ, надѣльная земля дробится до такого предѣла, при которомъ не можетъ быть уже рѣчи объ обепеченіи семьи полевымъ хозяйствомъ. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что наблюдаемое у насъ дробленіе полевыхъ и сѣнокосныхъ участковъ, служащее серьезнымъ препятствіемъ къ успѣшному развитію крестьянскаго хозяйства, вызывается отнюдь не семейными раздѣлами. Причина этого явленія коренится глубже: она заключается въ томъ, что крестьяне-общинники, стремясь къ безусловно уравнительному землепользованію, дѣлятъ землю въ каждомъ полѣ на каждаго домохозяина сообразно съ качествомъ земли и разстояніемъ ея отъ мѣстъ поселенія, вслѣдствіе чего получается большое число дѣлянокъ, разбросанныхъ по всей площади общиннаго надѣла. Число полосъ, достающихся каждому домохозяину, зависитъ такимъ образомъ даже не отъ дробимости надѣловъ, а отъ мѣстныхъ условій, отъ разнокачественности надѣльной земли и большей или меньшей отдаленности полей отъ селенія. Каждый домохозяинъ получаетъ свою долю въ худомъ и въ хорошемъ полѣ, и чѣмъ ровнѣе поля, тѣмъ шире полосы, чѣмъ разнообразнѣе по качеству участки поля, тѣмъ мельче дробленіе полосъ. Мѣстами, въ вятской, напр., губерніи дробимость полосъ иногда доходитъ до того, что обработка ихъ становится невозможной: борона не проходитъ, при посѣвѣ сѣмена ложатся на чужія полосы *). Въ курскомъ уѣздѣ, по спаской и чермошнянской волостямъ, одна десятина надѣльной земли расположена въ 15—20 кускахъ. Въ казанской губерніи число полосъ достигаетъ 15—25; надѣлъ каждаго двора, многодушнаго, какъ и малодушнаго, представляетъ собою рядъ клочковъ земли, находящихся нерѣдко на дальнемъ разстояніи одинъ отъ другого.

У насъ, при преобладающемъ въ странѣ общинномъ землевладѣніи, правильное разрѣшеніе разсматриваемаго вопроса представляется особенно затруднительнымъ. Но, какъ бы то ни было, государственный интересъ, требующій, чтобы дробленіе надѣльной земли не шло далѣе опредѣленнаго размѣра, отнюдь не обезпечивается закономъ 18 марта 1886 года. Очевидно также, что если бы въ данномъ законѣ были установлены нормы, далѣе которыхъ не допускалось бы дробленіе полевыхъ надѣловъ при выдѣлахъ и семейныхъ раздѣлахъ, то правило такое существенной пользы принести не можетъ, разъ въ полной силѣ останутся всѣ другія неудобства, связанныя съ общиннымъ пользованіемъ землею,—неудобства, въ сравненіи съ которыми дробленіе надѣла, отведеннаго данному двору, между членами семьи имѣетъ гораздо меньшее значеніе. Періодическіе передѣлы, дробимость полосъ и ихъ узость, длинноземеліе, черезполосица, недостатокъ выгона и пастбищъ вслѣд-

*) См. мою статью: „Крестьянская земельная община по новымъ даннымъ“ въ Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи за 1897 г., № 8, стр. 57 и слѣд.

ствіе усиленной распашки —всѣ эти и тому подобные недостатки современнаго общиннаго землевладѣнія должны обратить на себя особенное вниманіе законодателя. Установленіе предѣльной нормы для дробленія полевыхъ надѣловъ при семейныхъ выдѣлахъ и раздѣлахъ должно явиться слѣдствіемъ общаго законодательнаго упорядоченія крестьянскаго землевладѣнія общиннаго и подворно-участковаго.

Но впредь до осуществленія этой настоятельной задачи ближайшаго будущаго, законъ 18 марта 1886 года долженъ бы подлежать отмѣнѣ. У крестьянъ, какъ и у всѣхъ другихъ сословій, существованіе сложныхъ семей обусловливается нравственными побужденіями ея членовъ, сознаніемъ выгодности хозяйственнаго общенія. Гдѣ этихъ побужденій и этого сознанія нѣтъ, тамъ побудительныя мѣры, насильственно связывающія нѣсколькихъ лицъ въ одно хозяйственное цѣлое, могутъ повести лишь къ отрицательнымъ послѣдствіямъ, способствуя усиленію имущественнаго неравенства въ сельской средѣ и подрывая нравственные устои родственныхъ отношеній.

Цѣна 2 рубля.

